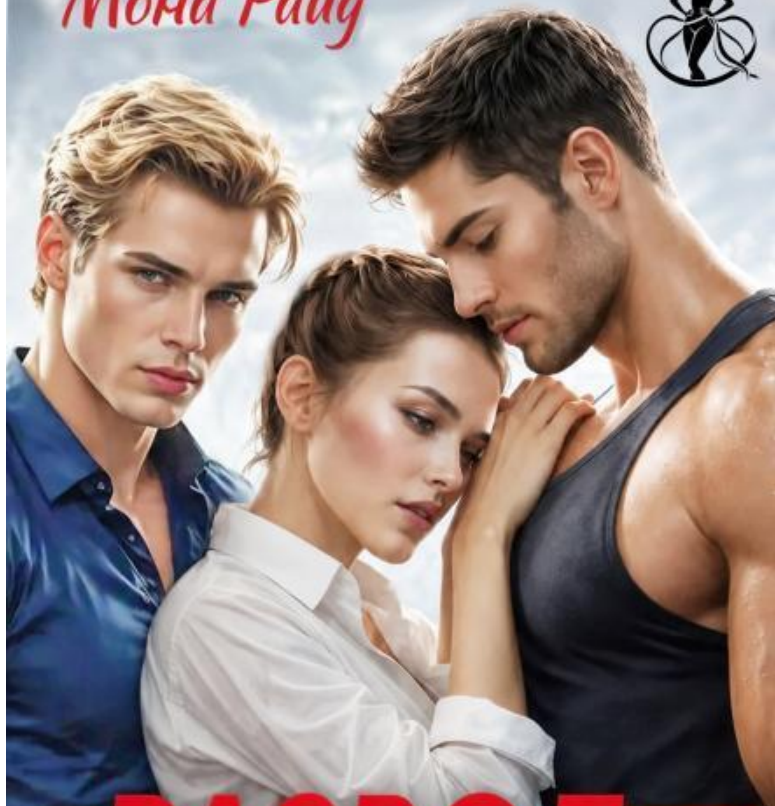

Мона Райд

РАЗВОД
Терапия Чувствами

Мона Райд

Развод. Терапия чувствами

<https://litres.ru/74524614>

Аннотация

Я — Ася, врач-диетолог, блогер и хорошая девочка. Развод не помог мне избавиться от чувств к бывшему мужу. Кормлю его по ночам, потому что жалко. Но у меня есть в доме дежурная скалка — отбиваться от его посягательств.

На новой работе начальник — пловец и красавчик засматривается на меня. Бывший муж тянет меня назад, а начальник — вперёд. И мне хоть разорвись. Пока не научусь спасать себя — из этого треугольника мне не выбраться. Захочет ли меня отпустить бывший, и на что он способен, когда уже нечего терять?

Дорогие читатели, будет весело, честно, горячо, немного безумно и очень жизнеутверждающе. Погнали?

В книге присутствует алкоголь и курение. Автор осуждает.

Не дайте книге затеряться — добавьте её в библиотеку и поддержите звёздочкой. Мне очень важны ваши отзывы, даже самые честные, я всегда слышу вас. Если хотите быть в курсе новинок — подписывайтесь! Новые истории буду выходить регулярно.

Книга участвует в литмобе Трудный выбор

Содержание

Глава 1. Часть 1. Скалка, полиция и один бывший муж	5
Глава 1. Часть 2. Димон	14
Глава 2. Авокадо против гантелей	19
Герои	25
От автора.	33
Глава 3. Первый рабочий день: загадки и взгляды	40
Глава 3. 2 часть.	47
Глава 4. Сеанс психотерапии с пиццей	54
Глава 5. Телесный позитив и когнитивный шантаж	59
Глава 6. Ночные мысли	63
Глава 6. 2 часть.	68
Глава 7. Защита и нападение	72
Образы героев.	79
Глава 8. Квартира с историей	84
Глава 9. Две женщины, один день	90
Глава 9. Часть2.	96
Глава 10. Поцелуй на ночной дороге	101
Герои 2.	106
Глава 11. Право на счастье	110
Глава 12. Утро нового дня	115

Глава 13. Нырнуть так нырнуть	121
Глава 14. Там, где кончается контроль	127
Глава 15. Игра без правил	137
Глава 16. Всё, что не сказано	143
Глава 17. Тот, кто остаётся	151
Глава 18. Поломанные	156
Глава 19. Короткое воскресенье	161
Глава 20. Домашний детокс	168
Глава 21. Новый охранник	173
Глава 22. Я подумаю	177
Глава 23. Дима. Белая горячка	185
Глава 24. Ничего себе охранничек	191
Глава 26. Реабилитация чувств	196
Глава 25. Чужое тело и своя боль	201
Глава 27. Мужской разговор	206
Глава 28. Кофе и честность	212
Глава 29. Перекусы и подводные течения	217
Глава 30. Ложный вызов	223
Глава 31. Точка невозврата	230
Конец ознакомительного фрагмента.	231

Глава 1. Часть 1. Скалка, полиция и один бывший муж

Три часа ночи. Я, Ася, врач-диетолог, блогер и просто женщина, которая после развода наконец-то начала высыпаться, мирно спала в своей кровати. Сны мне снились хорошие: авокадо на тостах, стройные пациенты, платящие вовремя, и никаких мужиков с вечными кризисами.

Домофон заверещал.

Я перевернулась на другой бок. Не открою. Не открою, даже если это министр. Или Димон. Особенно если Димон.

Домофон заверещал снова. Потом стих.

— Фух, — выдохнула я в подушку. — Пронесло.

Но не пронесло. Через минуту в подъезде раздался грохот. Кто-то споткнулся о мою велосипедную камеру, которую я всё никак не вынесу. Потом мат. Потом шёпот. Потом скрежет — кто-то царапал мою дверь. Прямо по краске.

Я села на кровати. Сердце ухнуло в пятки. Мысли забежали: «Грабители! Маньяки! Конец света!»

— А ну прекратите! — крикнула я дрожащим голосом, подойдя к дверям. — У меня газовый баллончик! И скалка!

Из-за двери донеслось жалобное:

— Ась, это я. Не надо баллончик. У меня и так глаза слезятся.

Дима — бывший муж.

Я выдохнула. Потом снова вдохнула и разозлилась.

— Ты что, дурак? Третий час ночи! Иди домой!

— Не могу, — простонал он. — Я потерял ключи. И телефон разрядился. Асенька, открой, я замёрз.

— Зачем ты царапал дверь?

— Я искал замочную скважину, но темно тут. Открой, пожалуйста.

Я подошла к двери, посмотрела в глазок. Дима стоял, прижимаясь лбом к руке, похожий на пьяного ангела. Помятый, но всё ещё красивый. Те самые волосы в беспорядке, которые когда-то сводили меня с ума. Тёмные круги под глазами, но губы — мягкие, родные. Как же я его любила раньше. Но я взяла себя в руки.

— Не открою, — сказала я. — Вызови такси и поезжай к маме.

— Мама в Сочи. Ась, я серьёзно. Я умираю.

— Ты всегда умираешь.

Он начал стучать. Сначала тихо, потом громче. Потом перешёл на удары кулаками.

— Открой! Ася! Я простыну! У меня насморк начнётся!

Я прижала ладонь ко лбу. Вот кретин! У меня удар сейчас случится от его идиотизма.

— Вызову полицию, уходи! — пригрозила я.

— Вызывай, — ответил он. — Я скажу, что меня бывшая жена пытается голодом. Там у тебя в холодильнике еда есть, я знаю... улика.

Я открыла рот, чтобы ответить, но не успела. Соседка сверху, тётя Зина, высунулась из своей квартиры:

— Это кто там орудует? А ну прекрати! Люди спят!

— Тётя Зина, это я, — жалобно сказал Дима. — Асенька

меня не выпускает.

— Ася,пусти человека! — гаркнула соседка. — Мне завтра на работу! Или я сама сейчас полицию вызову — вас обоих оштрафуют!

Сосед снизу, дядя Гриша, тоже подключился:

— Чего за шум? У меня давление! Впусти уже мужика, чего он под дверью сидит?

— Он мне не мужик, он бывший! — крикнула я.

— А мне плевать! — ответил дядя Гриша. — Открывай, давай, мне спать хочется!

Я поняла, что сопротивляться бесполезно. Если сейчас не выпустить Диму, соседи соберут совет и посадят меня на кол за нарушение тишины. Или, что ещё хуже, напишут жалобу в управляющую компанию.

Я открыла дверь. Дима шагнул внутрь с видом триумфатора, но не успел он и рта раскрыть, как я схватила со стула скалку. Ту самую, которой тесто раскатываю, положила ее специально в коридоре, чтобы была под рукой на случай таких визитов.

— А ну стоять! — закричала я и огрела его по плечу. Не сильно, но ощутимо.

— Ой! — взвизгнул Дима, отскакивая. — За что?

— За то, что царапал дверь! За то, что соседей поднял! Почему мне спать не даешь?

Я махнула скалкой ещё раз, попала по руке. Он закрихтел, потирая ушибленное место.

— Ася, больно же. Ты чего дерёшься? Я же беззащитный.

— Беззащитный он! — фыркнула я, опуская скалку. — Ты — танк вредоносный с придурью.

Дима погладил плечо, сделал несчастные глаза. И — я снова увидела того самого парня, которого любила. Красивого, даже сейчас. Губы чуть припухли, ресницы длинные, и весь он такой потерянный, что рука сама потянулась убрать прядь с его лба. Вот зачем мироздание создает таких красивых мужиков, а нам потом мучайся?

— Ладно, проходи, — буркнула я. — Но если ты начнёшь домогаться, предупреждаю, скалкой по голове получишь. У меня рука не дрогнет. Как в прошлый раз не получится.

Он прошёл на кухню, сел на табуретку. Я поставила перед ним тарелку с гречкой и котлетой, которые положила и нагрела.

— Ешь и выметайся.

Дима взял вилку, но не торопился. Смотрел на меня с какой-то грустной нежностью.

— Ась, ты помнишь нашу свадьбу?

— Помню, — отрезала я. — Ешь.

И воспоминания накатили на меня волной.

Я была счастлива. Белое платье с открытыми плечами, фата, цветы. Дима клялся в любви. Гости пили, ели, кричали «горько». Мы с ним очень счастливые убежали из-за стола от гостей, целовались и пили шампанское из горла в какой-то комнате в ресторане. Я смотрела на него и не могла поверить,

что это невероятно красивое божество теперь мой муж. За что мне такое счастье?

Правда, потом выяснилось, что когда нужно было покупать букет невесте у жениха не оказалось денег и их ему дал мой папа, тогда я этому моменту не придавала значения, но сейчас вспомнила очень отчетливо. Да, и вообще, вся наша свадьба была сделана на деньги Диминой мамы. Но и это меня тогда не смутило. Глаза мне затмила его невероятная красота.

Потом помню, как, я вышла из-за стола поправить макияж в туалетную комнату. И услышала за дверью голос его мамы. Она говорила с какой-то гостьей — эффектной брюнеткой в красном платье. Я её раньше не замечала.

— Ты не переживай, Ларочка, — ворковала мама Димы. — Она худая, бледная, ничего особенного, но Димочка уперся сейчас - хочу жениться и все. А ты — кровь с молоком. И фигура, и приданное. Дима ещё одумается. Год-другой — и разведётся, и ты будешь с ним. Я прослежу.

Я замерла, прижав руки к груди. Слезы навернулись, но я их проглотила. Вышла из туалета с улыбкой, села рядом с Димой, поцеловала в щёку.

Он не заметил, что я плакала. Никогда не замечал.

— Ась, ты чего? — голос Димы сейчас вернул меня в реальность.

Он доел, отодвинул тарелку и смотрел на меня с тревогой. Или с притворной тревогой? Я уже не разбирала.

— Ничего. Вспомнила кое-что.

— Ты красивая, когда злишься, — сказал он и полез обниматься.

Я отодвинулась.

— Скалка, Дим. Скалка.

Он вздохнул, поднял руки вверх, как парламентёр.

— Асенька, я так соскучился, у меня никого, никого кроме тебя нет и не будет, ну можно я тебя хотя бы обниму, так хочется тепла, мне так одиноко, душа просто воет от холода.

— Никаких обниму, и не надейся, — я помахала скалкой для убедительности и нахмурила брови. Еще чего не хватало, этот пройдоха знал, что стоит ему до меня дотронуться и я поплыву на старых дрожжах, ведь любовь к первому мужчине так трудно забыть и перебороть. Почему я влюбляюсь не в тех мужчин, а потом сама мучаюсь?

— Ладно, уйду. Спасибо за котлетки. Ты чудо!

Он чмокнул меня в макушку (я не успела увернуться) и выскользнул в прихожую. Дверь закрылась. Наступила тишина.

Я посмотрела на скалку. Потом на дверь. Потом на себя в зеркало — растрёпанную, красную, с горящими глазами.

— Ася, — сказала я себе, — в следующий раз просто переведи ему деньги на карту. Или не переводи. Лучше не переводи. Иначе он никогда не отстанет.

Телефон пиликнул. Сообщение от Димы: «Спасибо, Асенька. Ты единственная, кто меня понимает. И скалка у

тебя бьет не больно, между прочим. Люблю».

Я закатила глаза и подумала: «Кажется, мне срочно нужен психотерапевт».

От автора:

Дорогие друзья, я рада приветствовать вас в своей новой книге.

Роман является участником литмоба

«Трудный выбор»(18+)

<https://litnet.com/shrt/MSdZ>

Глава 1. Часть 2. Димон

Он вылетел из офиса «Ивент-Про» с такой скоростью, будто за ним гнались все женщины, которым он когда-либо обещал позвонить. Дверь хлопнула, охранник даже не поднял голову — видимо, привык к местным талантам, покидающим помещение в позе «я сам ушёл, поняли?».

— ...зараза, — закончил Дима фразу, уже натягивая куртку на ходу. Пуговица отскочила и покатилась в неизвестном направлении, символизируя его карьеру.

В ушах всё ещё звенел голос Игоря Аркадьевича, этого жирного боровка в галстук-удавке. «Дмитрий, вы провалили проект. Клиент требует компенсацию. Свет отключился, артисты не получили денег, вы опоздали на читку на два часа...» Да что он понимает в живом звуке? Сидит в своём кожаном кресле, жопу просиживает, а туда же — учить гениев!

— Сам ты провалил, — бормотал Дима, шагая по вечерней улице. — Свет отключился? А кто технаря за копейки нанял? Я? А кто мне зарплату задерживает? Тоже я? Логика, блин.

Он закурил, жадно втягивая дым. В груди всё кипело. Ненависть распирала, как дешёвое шампанское — пузырьками, от которых хочется кашлять.

Мимо прошла девушка в обтягивающих легинсах. Дима

проводил её скользким взглядом, и представил, как сжимает её задницу. Сколько таких задниц он перелапал, пока жена дома сидела.

— Шлюха, — прошептал он вслед. — Вырядилась.

Девушка не обернулась. Дима сплюнул в сторону урны — не попал. По херу.

В голове заскрежетало: почему его, талантливое ивент-менеджера и певца, мечтавшего покорить «Парад звёзд», никто не ценит? Потому что мир прогнил. Потому что везде нужны связи, бабки и умение лизать задницы. А он — творческая личность. Он выше этого. Он не будет, как эти... лакеи.

— Кстати, о задницах, — Дима вспомнил, что дома холодильник пуст, и желудок скрутило в тугой узел.

Ася.

Бывшая жена. Три месяца назад она, видите ли, «устала», «больше так не может» и подала на развод. Психованная. С чего бы? Он же её не бил, не пил (ну, почти), цветы дарил... когда вспоминал, гулял так, что она ничего не знала. Она готовила, стирала, гладила, работала, а главное — слушала его нытьё часами. И не перебивала. Идеальная женщина. Но нет, ей что-то в голову стукнуло: «Я тебе не мамочка», «Найди нормальную работу», «Когда ты уже повзрослеешь?».

— Взрослеют только те, у кого нет таланта, — изрёк Дима, проходя мимо витрины с дорогими часами. — А гении должны быть свободными.

Свободными — это значит, что кто-то должен обеспечивать быт и закрывать потребности. Логично же? А Ася была в этом деле профи. И в постели, кстати, тоже — ничего, хоть и без фантазии. Очень хочется приехать к ней, навешать лапши на уши, чтобы перепало от нее сладенького, она добрая, может пожалеть.

Дима достал телефон, набрал номер Аси. Гудок. Второй. Третий. Четвёртый. Потом — тишина. Сброс.

— С...ка, — прошипел он. — Не берёт.

Набрал снова. Длинные гудки, потом — «абонент недоступен». Вырубил, что ли? Или телефон разрядился. Дима сжал челюсть, желваки заходили ходуном. Кровь прилила к лицу.

— Думаешь, отделаешься? — прошептал он. — Нихера, Асенька. Я сам приду.

Он поймал такси, назвал адрес. Всю дорогу сидел, сжимая кулаки, и представлял, как поднимется к её двери, как будет стучать, пока не откроет. А она откроет. Он знал. Потому что она добрая.

— Котлетки и борщ, — мечтательно произнёс он, глядя в окно. — А потом — койка, — от этой мысли сладко зануло.

Хотелось уже приехать, вломиться, схватить её. Но нет. Сначала надо разжалобить. Сделать несчастные глаза. Сказать, что без неё пропадёт. Она поведётся. Всегда велась. Он же красивый, это без возражений, всегда он нравился бабам. Повезло ему с внешностью сильно.

В подъезде было темно, лампочка перегорела. Дима чертыхнулся, споткнулся о коляску и мысленно послал соседей в далёкое путешествие. Поднялся на нужный этаж. Нажал на звонок. Тишина. Нажал ещё раз — длинно, настойчиво.

— Ась, открой. Я знаю, ты дома.

Тишина. Он заколотил кулаком.

— Ася, б..дь, я замёрз! Открой!

Из-за двери донеслось её испуганное:

— У меня газовый баллончик! И скалка!

Дима усмехнулся. Какая же она предсказуемая. Добрая, но с характером. Ему это нравилось. Бесило, но нравилось. Как она для проформы от него защищается. Ее слабые попытки только разжигали в нем охотку.

— Ась, это я. Не надо баллончик. У меня и так глаза слезятся.

Она молчала. Потом сказала за дверью:

— Ты что, дурак? Третий час ночи! Иди домой!

— Не могу. Потерял ключи. И телефон разрядился. Асенька, открой, я замёрз.

Нагло совал Дима. Она никогда не узнает. Он прислонился лбом к косяку, изобразил самого несчастного человека на свете. И ждал.

Сверху высунулась соседка. Потом снизу. Галдёж, крики, угрозы. Идиотский и идеальный спектакль ему на пользу. Но он знал — она откроет. Потому что не выдержит давления, ей всегда неудобно перед соседями. Она всегда и для всех

хочет быть удобной и хорошей.

Дверь щёлкнула. Дима шагнул внутрь. В нос ударил запах её духов, её дома, её жизни без него. И он понял: сейчас он постарается сделать так, чтобы эта жизнь без него кончилась. Хотя бы на одну ночь.

Глава 2. Авокадо против гантелей

Утро началось с трёх пропущенных от Димы и одного сообщения: «Спасибо, ты спасла мне жизнь. Ты самая лучшая. Целую».

Я закатала глаза, сделала себе полезный завтрак из геркулеса со сливочным маслом, разогрела тушёную курочку с прованскими травами и салатик. Поев, я открыла ноутбук.

Девять утра — созвон с пациенткой, которая хочет похудеть к свадьбе за две недели. (Спойлер: не получится, но я вежливо предложила начать с дыхательной гимнастики, чтобы она не задушила организатора на свадьбе от голода).

Десять — разбор анализов мужчины с хронической усталостью. Оказалось, он не спит, потому что играет в танки до трёх ночи. Я предложила заменить танки на прогулки вечером и сон. Он обиделся.

Одиннадцать — ответы в директ. «А можно есть после шести?» — «Можно, но не пиццу». — «А почему?» — «Потому что пицца — это не еда, это способ общения с психотерапевтом».

Двенадцать — бесплатная консультация для девушки, которая потом не придёт на платную, потому что «я сама разберусь» (спойлер: не разберётся).

Кстати, о деньгах. Я диетолог с добрым сердцем и пустым кошельком. Идеальное комбо для того, чтобы моя мама го-

ворила: «Ася, ну когда ты уже устроишься нормально?»

Листая ленту в соцсетях, я наткнулась на вакансию: «Врач-диетолог в сеть фитнес-клубов REBOOT. Подработка, гибкий график, работа с аудиторией, заинтересованной в ЗОЖ».

Зарплату не указали, но слово «процент и фиксированная оплата» вызвало в моей душе лёгкую дрожь. Это когда не надо самой себе назначать цену и краснеть.

Я отправила резюме. Ответ пришёл через два часа.

«Анастасия, добрый день! Готовы пригласить вас на собеседование. Завтра в 11:00. Адрес: ул. Спортивная, 10. Спросить Кирилла Андреевича».

Кирилл Андреевич. Я почему-то разволновалась. И даже приготовила на завтра надеть не джинсы, а брюки. Серьёзные такие. Взрослые.

На следующий день в 10:55 я стояла перед стеклянными дверями фитнес-клуба «REBOOT». За ними — беговые дорожки, зеркала, люди в обтягивающей форме. Я поправила белую рубашку, одёрнула брюки и вошла с видом человека, который знает, что он хочет.

На ресепшене сидела девушка с идеальным макияжем и с идеальной укладкой. Я мысленно добавила ей плюс к самооценке.

— Анастасия? К Кириллу Андреевичу. Проходите в малый зал.

Я пошла по коридору, разглядывая плакаты с мотивиру-

ющими надписями: «Твоё тело — твой храм», «Никогда не сдавайся». В моём храме сейчас был аврал, но я сдаваться не собиралась.

Малый зал. Стеклянная дверь. Внутри, спиной ко мне, стоял мужчина.

Чёрные спортивные штаны, белая майка, которая облепила его так, будто была нарисована профессионалом. Спина — широкие плечи, мышцы перекачиваются под кожей, как волны на море.

Он поправлял гантели, и я залипла. Профессионально. Как врач, изучающий анатомию. Да, точно, чисто из научного интереса.

Он повернулся. И я забыла, как дышать.

Тёмные волосы, чуть влажные после душа. Глаза, в которых читалось спокойствие и какая-то хитринка. Грудь — широкая, мощная, под майкой угадывался пресс, который, кажется, можно было использовать как стиральную доску в походных условиях. Я сделала шаг назад, потому что мои внутренние гормоны устроили митинг с требованием немедленно прикоснуться.

— Анастасия? — голос низкий, с ленцой. — Я Кирилл. Проходите.

Я шагнула в зал, пожала его руку. Ладонь сухая, горячая, сильная. И большая. Моя утонула в ней, как в тёплом одеяле.

— Здравствуйте, — сказала я, надеясь, что голос не дрожит. — Меня можно называть просто Ася.

— Хорошо, Ася, — сказал он так, как будто погладил и чуть улыбнулся. — Садитесь.

Он сел на скамью для жима напротив меня, широко расставил колени. Я села на диванчик, положила папку на колени и поняла, что не могу оторвать взгляд от его предплечий. Вены, мышцы, лёгкая тёмная растительность на груди.

Ася, ты врач или кто? Соберись!

— Рассказывайте, — сказал он. — Я посмотрел ваш блог. «В здоровом теле». Мне нравится. Но хочу понять, что вы можете дать именно нашим клиентам.

Я выдохнула и включила профессиональный режим.

— Я работаю комплексно. Не просто меню, а анализы, привычки, образ жизни. Часто проблема не в еде, а в голове. Люди заедают стресс. Я помогаю им это увидеть.

— Хороший подход, — кивнул он. — У нас много клиентов, которые приходят за телом мечты и здоровым образом жизни.

Я рассказала ещё минут двадцать. Он слушал внимательно, задавал вопросы по делу. Никакого флирта, никаких скользких взглядов. Но когда я замолчала, он посмотрел на меня так, что у меня внутри всё перевернулось. Медленно, изучающе. Спустился взглядом по шее, ключицам, груди (спрятанной под рубашкой), ногам...

— Хорошо, — сказал он спокойно. — Выходите в понедельник на испытательный срок. Оплата почасовая плюс процент. График обсудим. Посмотрим, как вы работаете, ка-

кие будут отзывы клиентов. Все документы по списку принесете в понедельник в отдел кадров.

— Спасибо, — кивнула я. — Я не подведу.

— Я надеюсь, — он чуть улыбнулся.

Я встала, попрощалась, вышла. В коридоре я почувствовала его взгляд *на себе*. Обернулась — он стоял в дверях, сложив руки на груди, и смотрел. Просто смотрел.

Я вылетела на улицу, как пробка из бутылки шампанского, и прислонилась к стене.

— Господи, — прошептала я. — Что это было?

Тело горело. Соски затвердели, как будто я только что вышла из морозилки. Между ног пульсировало.

Это просто гормоны, — успокоила я себя. — Давно не было мужчины. Вот и шалят. И вообще, он начальник. Нельзя. Профессиональная этика.

Но внутри уже поселилось что-то, что не слушало этику. И это что-то предвкушало понедельник с таким нетерпением, что я даже усмехнулась.

— Ася, ты влипла, — сказала я себе.

Ночью мне снился Кирилл. Его руки на моей талии. Его губы на моей шее. И запах — чистый, мужской.

Я проснулась в три часа, мокрая, с бешеным сердцем.

Телефон пиликнул. Дима: «Не спится. Вспоминаю тебя. Перезвони».

Я посмотрела на сообщение, потом на потолок.

— Знаешь, Дим, — сказала я вслух, — кажется, ты мне

надоел.

Телефон выключила, не ответив.

Дорогие, друзья, если вам понравилось начало, подпишитесь на автора.

Поставьте звёздочку — это укрепит мою самооценку.

И добавь книгу в библиотеку, чтобы не потеряться.

Следующая глава — первый рабочий день. Будет ещё жарче. В прямом смысле.

Герои

Друзья, давайте знакомиться с героями.
бывший муж Аси Дима

Новый начальник Кирилл

От автора.

Друзья, приветствую вас в своей новой книге!

Обязательно добавьте книгу в библиотеку и поставьте ей звезду.

Подпишитесь на страницу автора, чтобы не пропустить скидки и промокоды.

<https://litnet.com/shrt/Ig0J>

Приглашаю вас в свою книгу "Ошибка в контракте", которая близка к завершению.

Эта книга движется к финалу, и совсем скоро цена вырастет. Успеите взять её по приятной стоимости!

И вот что за секрет я вам открою: в новом романе «Развод. Терапия чувствами» действует один загадочный охранник — *Виктор*. А в «Ошибке в контракте» этот же суровый мужчина предстал перед нами, как *Кузьма* — человек, который спас главную героиню и исчез, чтобы начать жизнь заново.

Теперь он с нами. Под другим именем, но с той же душой.

Прочитав обе книги, вы сложите пазл и увидите всю картину целиком. А пока — ловите момент и знакомьтесь с Кузьмой, он же Виктором по всем правилам!

Аннотация к книге "Ошибка в контракте":

Он — 40-летний циник, которому нужна фиктивная жена, чтобы получить опеку над племянником.

Она — 24-летняя художница, создающая авторских кукол, которая ищет мужа, чтобы умирающая бабушка ушла спокойно.

Их брак — сделка. Год без чувств и любви. Контракт подписан.

Она делает ошибку в контракте. Он замечает. Но молчит. Теперь она на десять лет принадлежит ему.

Впереди — суд по опеке, любовь, похищение и враг из прошлого, который жаждет мести. А ещё — ночи, после которых она перестанет верить, что фиктивный брак не может стать настоящим.

ОТРЫВОК:

Сначала он подумал: это шутка.

Или ошибка. Или проверка на профпригодность. Потому что та, что вошла в зал ресторана, никак не могла быть кандидаткой в жёны. Даже фиктивные.

Платье. Боже, что это за платье — ситцевое, в мелкий цветочек, с воротничком, который явно был моден лет пятьдесят назад. Волосы собраны в пучок, из которого выбились непослушные пряди. На щеке — пятно. Краска.

Она что, перед выходом картины писала?

Двадцать четыре года, значилось в анкете. Сейчас, глядя на неё, он бы дал все восемнадцать. Маленькая, щупленькая, в этом чудовищном платье. Кожа бледная, руки тонкие, без намёка на маникюр, с заусенцами. Она выглядела как пугало, которое сбежало с огорода и забрело в дорогой ресторан.

Марк прокрутил в голове свои критерии. Женщина рядом с ним должна быть взрослой, ухоженной. Она должна уметь держать спину, не смущаться деловых ужинов. Она должна быть активом, а не обузой. А это... это была катастрофа.

Он уже открыл рот, чтобы вежливо сказать: «Мне кажется, вы ошиблись. Я ищу женщину. Взрослую. Серьёзную».

А потом она подняла глаза. И он забыл всё, что хотел сказать...

ЧИТАТЬ:

<https://litnet.com/shrt/AEjh>

ПРИГЛАШАЮ вас в уже завершённую книгу про развод и жизнь после.

"Когда тебя нет рядом"

МОНА РАЙД

Аннотация:

Аннотация к книге "Когда тебя нет рядом"

Когда убегаешь от мужчины, от взгляда которого у тебя подгибаются колени, а в груди мелко вибрирует — убегаешь, чтобы не потерять себя в нем, не раствориться, не сдаться. Убегаешь от размеренной обеспеченной жизни, которую этот мужчина мог бы тебе дать на правах любовницы. Убегаешь из последних сил, и не знаешь, что ждет в чужом далеком городе, какие люди встретятся, сможешь ли залечить рану в сердце.

ЧИТАТЬ:

<https://litnet.com/shrt/fYep>

Глава 3. Первый рабочий день: загадки и взгляды

Понедельник начался с того, что я переспросила у зеркала: «Ты уверена, что хочешь работать с людьми, у которых идеальные тела?» Зеркало промолчало, но выглядело свежо. Белая рубашка, брюки, минимум макияжа — я решила, что буду выглядеть как серьёзный врач.

Фитнес-клуб встретил меня запахом амбиций и дорогого пластика. На ресепшене сидела та же девушка с идеальной укладкой, что и в прошлый раз. Она скользнула по мне взглядом, оценила (надеюсь, в плюс) и махнула в сторону коридора:

— Кирилл Андреевич просил зайти. Потом покажу ваш кабинет.

Я похолодела. Сразу идти к нему? Без подготовки? Нельзя ли сначала хотя бы выпить воды и вспомнить, как меня зовут?

Кабинет начальника находился в конце длинного коридора. Дверь была открыта. Я заглянула внутрь и... замерла.

Кирилл стоял ко мне спиной. Он смотрел на монитор, на котором мелькали какие-то графики, и держал в руке стакан с водой. На нём была белая футболка. Его фигура заставила меня молча восхититься архитектурой мужского тела: узкая

талия, мощные мышцы спины, которые двигались под тканью футболки.

Он медленно повернулся. И тут я поняла, что предыдущая встреча была только разминкой. Потому что его утренний вид не оставил от моего пульса камня на камне.

Тёмные волосы. Карие глаза с лёгкой усталостью (может, не спал ночью? не мог уснуть от мыслей или по другой причине?). Грудь, которую футболка обтягивала, словно подарочная упаковка.

— Доброе утро, Ася, — его голос был низким, спокойным, с лёгкой хрипотцой. — Вы рано.

— Доброе утро, — я сглотнула, надеясь, что моя рубашка не промокла насквозь от волнения. — Решила прийти пораньше, чтобы освоиться.

— Похвально. — Он отставил стакан и взял с подоконника какую-то папку. — Ваш кабинет в конце коридора, первый пациент у вас через двадцать минут. Если будут вопросы — спрашивайте.

Я кивнула и уже собралась уйти, как он добавил, почти не глядя на меня:

— Кстати, вы хорошо выглядите. Не такая испуганная, как на собеседовании.

Я вылетела из его кабинета быстрее, чем зайчик из шляпы фокусника. Он заметил, что я испуганная? Он вообще меня рассматривал? И почему от его слов у меня мурашки по позвоночнику, даже когда он говорит деловые вещи?

Первый пациент по расписанию — Екатерина, 35 лет, менеджер по продажам. Пришла ровно в девять, с термосом в одной руке и телефоном в другой. Выглядела так, будто её жизнь — это бесконечный аврал. Пучок на голове, тёмные круги под глазами, джинсы, которые когда-то были узкими, а теперь просто «удобными».

— Анастасия? — она плюхнулась на диван, даже не поприветовавшись. — Меня направил Кирилл. Сказал, вы мне поможете. Я в это не верю, но если поможет...

— Давайте начнём, — я взяла блокнот и включила диктофон на телефоне (с её разрешения). — Расскажите, что случилось.

Катя выдохнула, как дайвер перед погружением.

— Я не худею. Я соблюдаю диету, хожу в зал... ну, через раз, но хожу. Сплю 7–8 часов. Но вес стоит, и я чувствую себя... овощем. Вялым, бледным, без энергии, и настроение... Апатия замучила.

Я записала: «вес не уходит, усталость, отсутствие прогресса».

— Катя, расскажите про ваш типичный день. С утра до вечера.

Она вздохнула.

— Просыпаюсь от будильника, с трудом. Кофе с печенькой — это завтрак. Работа до обеда, часто за компом, перекус — йогурт или батончик. Потом снова работа, потом домой, готовка, уборка, сериал... и перед сном что-нибудь

сладкое. Потому что день был тяжёлый, и мне надо себя порадовать.

— А выходные?

— Выходные — это работа на дому. Или дела, которые не успела за неделю.

Я отложила ручку и посмотрела на неё. Спросила прямо:

— Катя, а кто заботится о вас, когда вы болеете или устаете?

Она моргнула. Вопрос застал её врасплох.

— Никто. Я сама. Я привыкла.

— А когда вы последний раз делали что-то для себя просто так?

Она задумалась. Секунда, другая, третья.

— Не помню.

И тут я поняла. У неё не было дефицита витаминов (хотя, конечно, мы это проверим). У неё не было даже сильного гормонального сбоя (хотя кортизол, конечно, зашкаливал). У неё была пустота. Пустота, которую она заедала сладким по вечерам. Пустота, из-за которой она просыпалась уставшей — потому что её жизнь принадлежала не ей. Работе, дому, обязательствам. Но не ей.

— Катя, — сказала я мягко. — Я, конечно, порекомендую вам сдать анализы, вот список, но пока мне думается, что вы не худеете, потому что ваш организм в режиме выживания. Хронический стресс, кортизол, постоянная работа. Но главное — вы забыли себя. Вы не разрешаете себе отдыхать, ра-

доваться, жить для себя. Поэтому ваше тело говорит «стоп». Оно не отдаёт вес, потому что вы не даёте ему энергию и радость.

Катя смотрела на меня, как на фокусника.

— И что, теперь?

— Сначала сдать анализы. Сейчас мы с вами поговорим про питание, водный и двигательный режим, что такое правильные жиры, мусорная еда, хорошие белки, жиры и углеводы, которые будут вас не только насыщать, но и не давать хотеть сладкого. Потом — придёте с анализами ко мне, составим программу по питанию и приёму недостающих витаминов. Но главное — давайте начнём с малого: заведите дневник. Каждый вечер пишите одно хорошее событие дня, лучше три. Один или три маленьких плюса. И обязательно записывайте что и когда вы едите.

— И пожалуйста, — добавила я, — найдите себе занятие, которое не связано с работой. В фитнес-центре хороший бассейн, йога, разные танцы, даже просто прогулка без телефона. Ваша задача — не похудеть, а вернуть себе радость. Вес уйдёт сам, когда вы перестанете быть «заезженным овощем».

Катя кивнула. Взяла направление на анализы. Ушла, оставив в кабинете аромат кофе и недоумения.

Встречайте горячую новинку от Elena Take

"Я выбираю (не) тебя"

https://litnet.com/shrt/_fvi

Глава 3. 2 часть.

Кирилл.

Кирилл стоял в конце коридора, прислонившись к стене и делая вид, что читает пост в канале о новых тренажёрах. Но на самом деле он смотрел на Асю.

На то, как она жестикулирует, объясняя пациентке сложные вещи простыми словами. Как улыбается — мягко, достоверно, без фальши. Как поправляет выбившуюся прядь волос, и в этом движении было что-то домашнее, уютное, чего он не видел в женщинах уже много лет.

«Ты чего на неё засмотрелся? — спросил он себя. — Это просто сотрудница. Рабочий момент».

Но внутренний голос, тот самый, который когда-то уговорил его пойти в спорт вопреки воле родителей, теперь шептал другое: «Она не просто врач. Она — живая. Настоящая. Не такая, как те, кто липнет к тебе из-за денег или статуса. Ей на тебя, кажется, даже плевать. И это... заводит».

Он поймал себя на мысли, что хочет подойти, положить руку ей на плечо, сказать что-то ободряющее. Дело в ней. В её голубых глазах, в её лёгком румянце, в том, как она пахнет — яблоками и корицей, а не синтетическими духами, от которых у него голова болит всегда.

Он оторвался от стены и пошёл в свой кабинет. Но по пути

ещё раз глянул на неё — та как раз что-то писала в блокноте, склонив голову, и свет из окна падал на её шею, подчеркивая изгиб, который он запомнил ещё на собеседовании.

«Чёрт, почему меня это волнует?» — подумал Кирилл.

Ася.

Я тем временем работала не покладая рук.

Вторая пациентка, Лера, уже ждала в приёмной. Двадцать пять лет, фрилансер, с вечно горящими глазами и дрожащими пальцами.

— Я не умею отдыхать, — выпалила она, едва сев. — Я работаю по 12 часов, потом срываюсь на дошик, потом чувствую вину и не сплю. Тревожусь постоянно, из-за дедлайнов. И попа выросла, потому что я сижу на месте и ем всё подряд.

Я вздохнула. Ещё одна. Молодая, но уже с синдромом «я должна всё успеть».

— Лера, давайте по порядку. Что вы ели сегодня?

— Кофе. И круассан.

— А вчера?

— Дошик, пиццу, шоколадку, виноград. Виноград же полезный, да?

Я удержалась от желания погладить её по голове.

— Лера, у вас не проблема с питанием. Вы тревожитесь, потом едите, чтобы успокоиться, а потом тревожитесь ещё больше. Порочный круг.

Она прикусила губу.

— И что?

— Начнём с дыхания. Квадратное дыхание: вдох-задержка-выдох-задержка, по четыре счёта. Делайте каждый раз, когда чувствуете тревогу. Потом — дневник эмоций. И того, что вы будете есть каждый день. Записывайте, что вы чувствуете перед тем, как съесть вредное. Через неделю покажете мне.

Я протянула ей памятку с упражнениями и распечатку простого меню, свою методичку по продуктам.

— А в клуб приходите на пилатес — он учит контролировать дыхание и расслабляться. И не надо ходить каждый день. Два-три раза в неделю, без фанатизма. Договорились?

Лера кивнула, сжимая бумажки.

— Вы меня спасли, — сказала она.

— Я не спасаю, — ответила я, — я помогаю научиться спасать себя.

Она ушла. А я подумала: «Ох, Лера, если бы ты знала, как я сама умею спасать других. Но себя — пока нет».

Чуть позже я наткнулась на Кирилла в коридоре. Он стоял у кофейного автомата, ждал, пока нальётся стакан.

— Ася, — кивнул он.

— Кирилл, — ответила я, стараясь не смотреть на его плечи.

— Как пациентка? — спросил он, отпивая кофе.

— Катя — классический выгоревший офисный работник.

Потеряла себя, чувствует себя «овощем». Я назначила анализы и посоветовала дневник радости.

— Дневник радости? — он чуть приподнял бровь. — Это профессиональный термин?

— Мой личный, — я позволила себе улыбнуться. — Работает лучше, чем диеты. Люди забывают себя радовать, поэтому и срываются.

Он посмотрел на меня с каким-то новым выражением. Не холодным, не изучающим — а почти тёплым.

— А вы сами ведёте такой дневник, Ася?

Вопрос застал меня врасплох.

— Нет, давно не вела, — честно призналась я. — Мне некогда. Или не хватает радости.

— Тогда, — он сделал глоток и заворачивающе улыбнулся, — может, начнём вместе? Я тоже давно не радовался мелочам, да и по-крупному уже не помню когда.

Я не нашлась, что ответить, только кивнула. И хорошо, потому что он развернулся и ушёл, оставив меня стоять у автомата с открытым ртом.

Через час Кирилл появился в дверях моего кабинета.

— Ася, у нас обеденный перерыв. Я вас сначала представлю коллективу.

Он провёл меня по зонам. В тренажёрном зале, где пахло дорогим деревом и цитрусами, тренировалась группа. Кирилл остановился возле молодой женщины в идеальной форме.

— Инга, инструктор по функциональному тренингу. Это Ася, наш новый диетолог.

Инга улыбнулась мне как человек, который выпускает нового котёнка в стаю.

— Привет. Когда мне нужен будет протокол диеты «подсушиться», я твой клиент. После новогодних праздников, конечно.

Я кивнула и улыбнулась.

Дальше Кирилл подвёл меня к парню, который перекладывал гантели на стойку. Плечи — будто два танка, но лицо добродушное, с ямочками на щеках.

— Максим, тренер по бодибилдингу.

Мы прошли в зону ресепшена. Администратор Алёна, девушка с идеальной укладкой, подняла голову от монитора.

— Алёна — главный по хаосу, — коротко бросил Кирилл.

— И по вашему расписанию тоже, — парировала она.

Я кивнула. Мы еще немного ходили по залам и знакомились. Коллектив оказался на редкость дружелюбным. Никто не цеплялся зубами, не задавал лишних вопросов. Просто кивали, улыбались и возвращались к своим делам.

Кирилл оставил меня у двери моего кабинета.

— Всё понятно?

— Вполне, спасибо, — ответила я. Он улыбнулся и ушёл, даже не оглянувшись.

Вечером, когда часы показывали половину восьмого, я собрала вещи, убрала бланки в ящик и выключила ноутбук. В

коридоре было пусто. Только в тренажёрном зале мелькали фигуры, а из динамиков звучал спокойный трек.

Я спустилась на парковку. Вспомнила, что такси не заказывала. Махнула рукой — пройду до метро.

В этот момент заметила, что в окне на втором этаже, в кабинете Кирилла, горит свет. Я случайно подняла голову. Его силуэт виднелся у окна. Он смотрел вниз.

На меня, как мне показалось.

Я помахала рукой — скорее машинально. Он не ответил. Только слегка повернул голову, как будто провожал меня взглядом.

— Ладно, непонятный босс-красавчик, — сказала я себе.

— До завтра.

Я пошла к метро, достала телефон и набрала Лене, подруге.

— Привет, сегодня вечером свободна?

— О, появилась совесть, — отозвалась та. — Что случилось?

— Ничего. Просто нужен женский совет. И, может, бокал вина.

— Я поняла. Дима опять достал?

— Хуже. У меня начальник, который смотрит на меня так, будто я самая вкусная конфета в мире, но ничего не говорит. Лена засмеялась.

— Тогда точно приходи. Я закажу пиццу.

Мне почему-то стало тепло на душе. Может, от предстоящей встречи с подругой. А может, от взгляда Кирилла из окна.

Глава 4. Сеанс психотерапии с пиццей

Я ввалилась к Лене в районе девяти, с бутылкой вина. Лена открыла дверь в своей любимой пижаме с единорогами, из-за её плеча аппетитно пахло пиццей.

— О, смотрите, ко мне пришёл классический пациент, — вместо приветствия объявила она, пропуская меня в квартиру. — Усталая, голодная и с виноватым выражением лица. Будешь рассказывать сама или мне начать профессиональный допрос с пристрастием?

— Давай сразу к делу, — я рухнула на диван и уставилась в потолок. — У меня начальник — красавчик с плечами, которые шире моей жизненной позиции. И Дима всё названивает. Ну не могу я его окончательно отшить, вот, родным стал.

— Ох, — Лена разлила вино по бокалам и села напротив. — Ну, начнём с того, что ты уже давно как разведена, а до сих пор реагируешь на звонки Димы, как собачка Павлова на звонок о поступлении еды.

— Я не реагирую, — возразила я. — Я просто... эм... как вижу его или слышу голос, так и таю, не могу его бросить, когда он голодный или больной.

Лена приподняла бровь.

— Ася, твоя проблема называется «синдром спасателя». Ты — та самая девочка, которая в детстве приносила домой всех бездомных котят, а во взрослой жизни вышла замуж за самого бездомного кота в мире. Твоя самооценка напрямую зависит от того, сколько раз сегодня ты кого-то спасла. Дима для тебя не мужчина, а вечный проект «Я тебя вытащу, ты станешь человеком». И пока ты тащишь этот бесконечный проект, у тебя нет времени подумать о себе.

— Я думаю! Я вот, например, думаю о том, как мне перестать думать о Диме и о новом боссе одновременно, потому что если Диме я нужна часто, то с боссом таким крутым и красивым большой вопрос, — ляпнула я.

Лена посмотрела на меня с жалостливой улыбкой.

— Вот это типичный разрыв шаблона: «Когда я перестану его спасать, то буду не нужна никому». Так думает каждая женщина с комплексом спасателя, когда что-то пытаешься ей объяснить про её личную жизнь. А правда в том, что Дима проживёт без тебя, Ася. Правда в том, что ты нужна не ему, ты нужна... своей собственной невротической потребности быть нужной. Вы развелись, а зависимость осталась. Потому что развод — это штампик в паспорте, а психологическая зависимость — это штампик в голове.

Я взяла кусок пиццы и уставилась на него, пытаюсь найти ответ на дне коробки.

— А если серьёзно, почему ты вообще выбрала Диму? Мужчина ненадёжный — творческая личность, он когда-то

был красавчиком, а теперь просто деградирует. Мужчина, который от тебя вечно что-то хочет, а взамен ничего дать не может.

— Я думала, он изменится, и потом он ещё и сейчас красавчик, вот иногда гляну на него и аж сердце заходится. Неужели ты не видишь, какие у него идеальные черты лица?

— О, святая простота! — Лена драматично закатила глаза. — Вот это самое страшное заблуждение: «Я его вылечу, я его направлю, я его научу, и он изменится!» Люди не меняются, если им это выгодно. Ему выгодно, чтобы ты привозила ему еду, давала займы и смотрела на него с жалостью и обожанием. Скажи мне, он когда-нибудь привёз тебе ужин посреди ночи? Помог тебе с чем-то, не попросив ничего взамен? Или ты всё ещё веришь, что если ты просто будешь спасать его без устали, то он вдруг станет суперменом?

— Ладно, с Димой понятно, — я отодвинула тарелку. — Давай теперь про начальника. Его зовут Кирилл. Он бывший пловец, владелец сети фитнес-клубов. Очень красивый, очень накачанный, очень молчаливый. Смотрит на меня так, не могу даже тебе сформулировать, ничего не говорит, потом может резко развернуться и уйти. Иногда просто смотрит, а я... не знаю, что мне делать, у меня всё внутри от этого замирает.

Лена задумчиво отхлебнула вино.

— Могу предположить, что он красивый и сильный, при этом не нытик и не беспомощный. А его спокойствие тебя

пугает? Потому что ты привыкла, что мужчины требуют твоего постоянного спасения, а тут просто мужчина, которому ты не нужна как «мамочка»?

— Нет, я не знаю... — я замялась. — Мне кажется, что он... ну, смотри, и всё. А может, он просто начальник и следит за моей работой? И вдруг я ему совершенно не интересна как женщина, вокруг него столько идеальных девушек?

— Ах, вот он — главный страх! — Лена поставила бокал. — Тебе кажется: раз ты не можешь его спасти, то ты ему и не можешь быть интересной. А вдруг вы понравились друг другу просто так? Без драм, просто — нравитесь. И это пугает сильнее любого кризиса Димы. Потому что скучно, Ася. Без тебя не пропадают, на тебя просто пока смотрят. Страшно, да?

— Страшно, — честно призналась я.

— Вот и правильно, — подвела итог Лена. — Пока просто наблюдай: если мужчина хочет проявить инициативу, он её проявит. Особенно такой, как ты описываешь. И когда он проявит — не испугайся. Твоя задача сейчас — не спасти никого, а вылечить себя. Закончить свои прошлые отношения, не начав новые, полные тех же проблем.

Я залпом допила вино и кивнула. В голове немного прояснилось.

— Спасибо, доктор, — я подняла бокал. — Возьмешь с меня пять тысяч за сеанс или довольствуешься пиццей?

— Пиццей, — засмеялась Лена. — Но с условием: ты рас-

скажешь мне про его плечи. Подробно. Сантиметр за сантиметром.

И тут началось то, ради чего я, собственно, и пришла. Не ради психологии — ради обычного девичьего трепа.

— Лен, ты не представляешь, — я закатила глаза к потолку и мечтательно сложила руки на груди. — У него плечи... ну как у... короче, когда он идёт по коридору, дверные проёмы становятся ему тесны. Вчера он надел обтягивающую футболку, и я чуть не поперхнулась водой. Под ней всё перекачивается. Мышцы. Перекачиваются. Я думала, такое только в кино бывает.

— Так, стоп, — Лена отложила кусок пиццы и уставилась на меня. — Перекачивается — это когда волны? Как на море?

— Хуже. Как цунами.

— А лицо? — Лена прищурилась. — Что с лицом?

— Лицо нормальное. То есть не нормальное — красивое. Тёмные волосы, глаза карие, взгляд... ну, как у удава перед обедом. И улыбается редко, но когда улыбается — я таю. Как мороженое на солнце.

— Так, пациентка, — Лена строго постучала по столу. — У тебя явная степень влюблённости. Наблюдаются классические симптомы: учащённое сердцебиение, прилив крови к лицу, неспособность связно говорить об объекте воздыхания. Боюсь, болезнь запущена.

— И что ты посоветуешь, доктор?

Глава 5. Телесный позитив и когнитивный шантаж

— Прийти в себя. — Лена подмигнула. — Слушай, а давай я завтра зайду в ваш клуб под видом клиентки? Посмотрю на него, оценю объём бицепсов при встрече. Может, подкачу к нему для лёгкой провокации?

— Только попробуй! — я швырнула в неё салфеткой. — Он мой. Ну, то есть не мой, но... не твой точно.

— Ой, всё с тобой понятно, — Лена засмеялась. — Тогда предлагаю план Б: потеряй что-нибудь в его кабинете. Кошелёк там, заклочку, желательно что-то мелкое, чтобы он сам тебе позвонил и пригласил забрать. Классика жанра.

— Я уже теряла самооценку в его кабинете, но это не считается.

— Ася, ты безнадежна.

Мы ещё полчаса обсуждали, как вычислить, есть ли у Кирилла девушка или жена (Лена предлагала нанять частного детектива, я — просто спросить у администратора, но было страшно), и сошлись на том, что пока я буду просто ходить на работу и не делать глупостей.

— И главное, — напоследок сказала Лена, — не вздумай снова начать спасать Диму. Ты теперь свободный агент. Поняла?

— Поняла, — кивнула я.

— А теперь моя очередь, — я оставила пустой бокал и уставилась на подругу. — Ты тут мне всю плешь проела про мои "невротические потребности". Расскажи-ка мне, о великий психолог, как твой организм сочетает ночные посиделки с пищей и твои же лекции про "осознанное питание"?

— Ах, это? — Лена с самым серьёзным видом откусила кусок пиццы. — Это у меня такой особый метод. Называется "корпоративный саботаж". Ну, или "подруга приперла вино, что я, больная, не выпью?"

— То есть пациентов ты учишь "слушать своё тело", а сама что?

— Я его слушаю, — совершенно серьёзно ответила Лена. — Вчера оно мне сказало: "Лена, нам срочно нужны углеводы в чистом виде, иначе мы выебем эту книгу по когнитивно-поведенческой терапии об стену". А я за здоровые отношения с собой, Ася. В том числе и с куском пиццы в руке. Это называется телесный позитив.

— Ах, телесный позитив, — я покивала, изо всех сил сдерживая улыбку. — А то, что ты третью неделю не ходила в спортзал, это что?

— Это энергосберегающие технологии, дорогая. Я коплю ресурс. Психологи выгорают, нам нужна перезагрузка.

— Ты поэтому вчера в "Вкусно и точке" брала двойной чизбургер? Тоже в рамках ресурсного состояния? — не унималась я.

— Ася, прекрати, — Лена подняла палец вверх. — Двойной чизбургер содержит белок, углеводы и жиры. Это сбалансированный приём пищи. И вообще, что ты ко мне прикопалась? Я, между прочим, единственный твой друг, который готов слушать про твоих мужиков в час ночи и даже не требует за это ничего.

— Давай лучше обсудим причёски, а потом подумаем, что тебе надеть на первую встречу с этим красавчиком.

— С каким ещё красавчиком? — не поняла я.

— С тем, которому ты вчера помахала ручкой, а он смотрел из окна клуба. Ты думала, я не замечу, как ты просияла, когда об этом рассказывала?

Домой я вернулась поздно. И почти сразу же телефон взорвался звонком. Я посмотрела на экран и тяжело вздохнула. Дима.

— Асенька, привет! — его голос был пьяным, раздражённым. — Ты чего целый день трубку не брала? Я тебе звонил, звонил... Думал, что уже случилось что-то?

— Ничего не случилось, Дима. Я устроилась на работу. У меня теперь есть профессиональные обязанности, пациенты, консультации. Я не могу разговаривать с тобой в любое время дня и ночи.

— Да ладно, на работу... — он хмыкнул. — Мы же договаривались, что ты всегда будешь на связи. А ты вдруг пропадаешь на целый день, и даже трубку не берёшь. Я волновался!

— Не нужно волноваться, и это ты решил вдруг с какого-то перепугу, что мы договорились быть на связи. Наша связь кончилась с разводом, — твёрдо сказала я, чувствуя, как внутри поднимается волна раздражения. — Я занята. И в следующий раз, когда у меня будет свободное время, я подумаю, хочу ли я тратить эти минуты на разговоры с тобой.

Я отключила телефон и с наслаждением опустилась в ванную. Лена была права. У меня новая жизнь, и в ней нет места бывшим мужьям. Нужно это запомнить.

В голове пронеслись её слова: «Твоя задача сейчас — вылечить себя. Закончить свои прошлые отношения, не начав новые, полные тех же проблем». Я посмотрела на себя в зеркало и улыбнулась.

Похоже, терапия только начиналась.

Глава 6. Ночные мысли

Кирилл сидел в своём кабинете, когда за окном уже давно стемнело.

Коридоры опустели. Сотрудники разошлись. Только где-то в тренажёрном зале дорабатывал уборщик, да внизу мигал светодиодный светильник на парковке.

Кирилл откинулся в кресле и закрыл глаза.

Перед внутренним взором снова возникла она. Ася. Сегодняшняя. Та, что стояла у кофейного автомата и смотрела на него растерянно, когда он сказал про дневник радости.

Он видел её шею. Нежный изгиб, по которому спускалась тонкая цепочка. Никогда раньше не замечал у женщин шеи. А тут — залип. И не мог оторваться.

Она не была похожа на тех девушек, что толклись в его клубе. Никаких накачанных ягодич, никакой синтетической красоты. Обычная. Худая, даже хрупкая. Грудь маленькая — под рубашкой почти не видно. Ноги длинные, тонкие. И руки — изящные, с длинными пальцами, которыми она так смешно жестикулировала, объясняя пациентке про правильное питание.

Ничего особенного.

Сотрудница как сотрудница.

Но почему тогда он поймал себя на том, что ему хотелось посмотреть на неё из окна, когда она шла к метро? Почему

его рука сама потянулась к стеклу, когда она помахала ему?

Кирилл потёр плечо. Заныло. Травма напомнила о себе — тупой, ноющей болью, которая начиналась где-то в глубине сустава и расползалась по руке.

Он устало откинул голову на спинку кресла и прикрыл глаза. И тут же мысли понеслись в другую сторону.

Воспоминания. Ему снова семнадцать, и он стоит в прихожей родительского дома. Отец в ярости, мать плачет.

— Ты позоришь семью! Дипломат — это призвание! А плавание... это удел тех, кому не дано думать!

— Я не хочу быть дипломатом, — сказал тогда он. — Я хочу быть пловцом.

— Тогда убирайся вон.

Он ушёл из дома в семнадцать. С пустыми карманами и полным убеждением, что справится сам. Но правда в том, что без чужой помощи — даже врага — не выживают. Кирилл не любил об этом вспоминать. Слишком больно. Слишком отдавало унижением. Но бизнес, который он построил, стоял не только на его упорстве. Первый клуб — крошечный зал на окраине с ржавыми гантелями и запахом пота — он купил на деньги, отложенные с подработок. Но чтобы превратить его в сеть элитных фитнес-центров, нужны были не только деньги. Нужны были связи. А связи давала фамилия.

Отец его знать не хотел, но старые друзья отца — те, что видели Кирилла на семейных ужинах, те, что жали ему руку на юбилеях и новогодних приёмах, — не отвернулись.

Они помнили мальчика, который подавал им пальто, который знал, какая вилка для чего предназначена, который не лез в разговор взрослых, но умел слушать. И когда Кирилл пришёл к ним уже взрослым — с бизнес-планом, цифрами, готовым работать по шестнадцать часов в сутки, — они не отказали. Кто-то дал денег в долг без процентов. Кто-то помог с помещением в хорошем районе. Кто-то просто дал совет, который сэкономил годы.

Они вкладывались не из благотворительности. Они видели выгоду. Спортивные клубы при правильном подходе приносят стабильный доход. А Кирилл был молод, зол и голоден до успеха. Он не просил милостыню — он предлагал партнёрство. И они согласились. Каждый из них потом получил свои дивиденды. Но сам Кирилл знал: без их поддержки он бы не поднялся.

Это не отменяло того, что он сам пахал сутками. Он мыл полы, встречал клиентов, вникал в бухгалтерию, разбирался с документами, когда другие спали. Он не брал выходных. Не позволял себе слабость. И постепенно — год за годом — первый клуб разросся в сеть. Появились деньги, статус, уверенность.

Но внутри осталась пустота. От отца, который так и не сказал: «Я горжусь тобой». От матери, которая выбрала молчание. И от той мечты — плыть быстрее всех, дышать в унисон с водой, выигрывать, — которая разбилась о травму.

Кирилл потёр плечо. Заныло. И он не был уверен, что боль

эта — только физическая.

Всего полшага не хватило до Олимпийских игр. Полшага. А потом — разрыв вращательной манжеты. Боль, операция, реабилитация. И тихий голос врача:

— В большой спорт не вернётесь. Слишком серьёзное повреждение. Простите.

Он тогда не заплакал. Просто сидел на больничной койке, смотрел в окно и чувствовал, как внутри что-то умирает.

Не карьера. Мечта.

А родители... они не звонили. Только через пару лет мать, когда у него уже появился первый спортивный клуб, прислала короткое сообщение: «Мы гордимся тобой, Кирилл. Ты построил свой бизнес. Ты сильный».

Кирилл открыл глаза и понял, что плечо болит сильнее обычного. Надо бы принять душ — горячая вода расслабляет мышцы.

Он встал, разделся в своей небольшой раздевалке при кабинете и зашёл под струи.

Пар наполнил помещение. Он закрыл глаза, подставил лицо под воду.

И снова перед ним возникла Ася.

Её губы. Когда она улыбалась пациентке — мягко, ободряюще. Нижняя губа чуть полнее верхней. И родинка возле уголка рта, которую он заметил сегодня, когда она поправляла волосы.

Глава 6. 2 часть.

Тело отреагировало мгновенно. Он попытался отогнать мысли, но они возвращались. Её запах — яблоки и корица. Её шея, её ключицы, выглядывающие из расстёгнутой рубашки. Как она смущалась, когда он на неё смотрел.

Кирилл прислонился лбом к прохладной плитке и выдохнул.

Давно у него не было женщины. После травмы он вообще ни с кем не встречался. Пару раз пытался — просто для тела, без чувств. Но быстро понял, что это не его. Ему нужна была не просто разрядка. Ему нужна была... загадка. Интрига. Женщина, которая не лезет в душу, но сама в неё проникает, даже когда он ставит барьеры.

Ася проникла. Сама того не зная.

Он представил её под собой. Её руки на его плечах. Её тихий стон. Волосы, разметавшиеся по подушке. И как она шепчет его имя.

Он кончил почти сразу, с глухим стоном, опираясь рукой о мокрый кафель.

Вода стекала по спине. Дыхание сбилось.

— Твою мать, приплыли, — прошептал он в пустоту.

Что на него нашло? Она обычная. Ничего особенного. Но почему тогда его трясёт сейчас, как подростка?

Он выключил воду, насухо вытерся и оделся. Посмотрел

на себя в зеркало — тёмные глаза, мокрые волосы, заострившиеся скулы. Никто не узнает. Никогда.

— Завтра, — сказал он своему отражению, — ты не смотришь на неё. Не смотришь и ничего не подмечаешь. Она работает, ты работаешь. Ты — начальник. Всё.

Утром он приехал в клуб раньше обычного.

Увидел Асю в коридоре — она шла в свой кабинет, сосредоточенная, с папкой в руках. Он вежливо кивнул и прошёл мимо, даже не взглянув.

В кабинете он сел за компьютер, но работать не мог. Смотрел на монитор.

Он заставил себя сосредоточиться на отчётах.

День тянулся медленно. Кирилл старался не выходить из кабинета лишний раз. Но в обед услышал её голос в коридоре — она разговаривала с кем-то из пациентов. Он замер, прислушиваясь. Потом одёрнул себя и закрыл дверь.

К вечеру напряжение в его сердце достигло предела.

Ася задержалась. Он знал — сегодня у неё был поздний приём, и она осталась разобрать записи. Он мог уйти раньше. Но не ушёл.

Когда Ася наконец вышла на парковку, он уже стоял у выхода.

И тут Кирилл увидел это.

Возле машины маячила фигура. Высокий, худой, в драной куртке. Он что-то кричал, размахивал руками.

Ася замерла.

Кирилл не думал. Он просто пошёл к ним, ему нужно было защитить Асю.

Ася.

Я вышла из клуба после рабочего дня. Устала, как собака после дрессировки.

Такси заказала. Оставалось пройти немного до стоянки.

Я прошла в сторону от клуба — и нос к носу столкнулась с Димой.

Он стоял, прислонившись к фонарному столбу, пьяный, злой, лохматый. Драная куртка, грязные кроссовки. От него разило перегаром за метр.

— О, приползла, — усмехнулся он. — Здравствуй, Асенька. А я тебя жду.

Сердце ухнуло в пятки. Дима. Он нашёл меня на работе? Как он узнал?

— Дима, ты что здесь делаешь? — спросила я, стараясь говорить ровно. — Поздно уже.

— Ах, поздно? — он отлепился от столба и качнулся в мою сторону. — А мне насрать, что поздно. Мне насрать, поняла? Я тебя ищу, бл...ь, полдня опять! Ты трубку не берёшь, на сообщения не отвечаешь! Думаешь, если в этом долбаном клубе пропадаешь, так я не найду?

Я отступила на шаг. Он шагнул следом.

— Дим, давай спокойно...

— Какое, нахер, спокойно? — заорал он. В глазах — бе-

шенство. Он резко схватил меня за плечо, пальцы впились. — Ты, сука, думаешь, я не знаю, зачем ты сюда устроилась? Жопой крутить перед мужиками? Да кому ты нужна, дура, кроме меня? Только вы...ать на разок!

Я пыталась выдернуть руку. Он держал крепко.

— Отпусти, больно!

— А мне насрать! — он дышал в лицо перегаром. — Я тебя предупреждал, Ася: ты моя. Пока я жив, никуда ты не денешься и к другому мужику не уйдешь. И не надо мне тут из себя строить свободную птицу! Я тебе давал время «отдохнуть», как ты просила, но вижу, что зря, это время вышло.

Голос у него сорвался на визг. Это был уже не тот Дима, который когда-то пел мне под гитару. Это была какая-то озверевшая тварь. Мне стало по-настоящему страшно, хотя я внутри понимала, что он абсолютно безопасен, иногда раньше у него случались такие приступы неконтролируемой агрессии из-за стрессов и слишком ранимой, слишком тонкой творческой натуры. Стоило его только успокоить словами, а потом известным образом расслабить, он становился опять вменяемым, но мы уже не супруги, и хотя до сих пор у меня внутри что-то замирала от взгляда на его соболиные брови, беспорядочные волосы и чувственные губы, я помнила наказания Ленки и не собиралась поддаваться своим слабостям.

Глава 7. Защита и нападение

— Отпусти, — повторила я.

— Иди на...уй, — ответил он и рванул меня за собой, туда, где темно, где нет фонарей, где никого.

И в этот момент раздался голос из темноты:

— Руки убрал от неё, мудака.

Спокойный. Ледяной. Словно приговор.

Из-за угла вышел Кирилл. Он был в спортивном костюме, руки в карманах. Шёл не спеша, но в каждом движении чувствовалась туго сжатая пружина. Лицо — каменное, только глаза горят.

Дима замер. Но руку не отпустил. Оценил высоту, ширину плеч, перевёл взгляд на меня и, видимо, всё понял.

— А, это тот самый, да? — Дима скривился. — Качок, блядь. Пришёл свою подстилку защищать?

Я ахнула. Кирилл даже бровью не повёл. Подошёл вплотную, не глядя на меня, уставившись на Диму сверху вниз.

— Я сказал: убери руки, — повторил он тише.

— А то что? — Дима заржал, но ржач был нервный. — Ударить? Да ты меня пальцем не тронешь, понял, я со своей женой разбираюсь? А я сейчас полицию вызову, и заявление напишу, что ты на меня нападаешь... у меня есть знакомые...

— Знакомые, говоришь? — Кирилл чуть наклонил голо-

ву. — Иди на...уй со своими знакомыми.

Мат из его уст прозвучал так неожиданно, что я остолбенела. Он вообще-то не матерился. А тут — чётко, отдельно, как по писаному.

Дима опешил на секунду. Потом схватил меня за вторую руку и дёрнул.

— Пойдём, Ась, не слушай этого...

Договорить он не успел. Кирилл сделал одно движение — перехватил руку Димы у моего локтя, сжал так, что тот взвыл, и резко разжал свою хватку. Я оказалась на свободе.

— Ася, отойди в сторону, — сказал Кирилл всё тем же ледяным тоном.

Я отскочила.

Дима заорал, замахнулся, но Кирилл перехватил его удар на полпути. Они замерли: Дима с перекошенным от ярости лицом, Кирилл — спокойный, как удав.

— Ты, мразь, — прошипел Дима. — Да я тебя...

— Ты мне ничего не сделаешь, — перебил Кирилл. Он всё ещё держал его вторую руку. — А вот я тебя сейчас вынесу отсюда за шкуру, как нашкодившего щенка. И добавлю, чтобы больше не появлялся. Потому, что если ты ещё раз тронешь Асю, я тебе лично оторву яйца и скормлю собакам. Понял? Съеб...ся отсюда быстро?

Дима побелел. Не от угрозы — от того, как это было сказано. Без крика, без жестов. Просто и спокойно.

Он дёрнулся, Кирилл отпустил. Дима отступил, потирая

запастье.

— Мы ещё поговорим в другом месте, — бросил он. — Ты пожалеешь об этом.

— Вали, пока я не передумал, — ответил Кирилл.

И Дима ушёл. Сначала задом, потом развернулся и чуть ли не бегом припустил за угол.

Я стояла, прижимая руки к груди, и чувствовала, как меня колотит крупная дрожь. Сердце колотилось где-то в горле, а в голове звенело от напряжения. Только что здесь, на парковке, могло произойти что-то страшное. Если бы Кирилл не появился в этот момент... я не хотела даже додумывать.

Кирилл повернулся ко мне. Взгляд — жёсткий, но когда увидел, что я трясусь, чуть смягчился.

— Сильно напугал тебя? — спросил он.

Я кивнула, не в силах вымолвить ни слова.

— Он тебя раньше так обижал?

— Нет, — выдавила я. — Первый раз.

— Иди в клуб, — сказал он. — Я сейчас.

Я послушалась. Шла на ватных ногах, сжимая сумку так, что пальцы побелели. Каждый шаг давался с трудом, ноги не слушались, а перед глазами всё ещё стояло перекошенное лицо Димы. Как он мог? Я знала, что он бывает агрессивным, но чтобы вот так — с угрозами, с посягательством на мою свободу? Это был не просто скандал. Это было нападение.

Внутри клуба уже горел дежурный свет, охранник на ресепшн удивлённо поднял бровь.

— Всё в порядке? — спросил он, вглядываясь в моё лицо.

— Всё в порядке, — сказала я, но голос дрожал.

— Не похоже, — он протянул стакан воды. Я выпила залпом. Вода была прохладной, но внутри всё горело.

Через пару минут вошёл Кирилл. Он щёлкнул сигнализацией, кивнул охраннику.

— Такси уже едет, — сказал он мне. — Я постою с тобой.

Я смотрела на него. На его каменное лицо. На руки, которые только что держали Диму. И понимала, что вижу этого человека совсем с другой стороны. Он был не просто начальником. Не просто красивым мужчиной. Он был тем, кто мог защитить. Тем, кто не спрашивал, а делал. И это вызывало во мне странное, пугающее чувство безопасности, которого я не испытывала уже очень давно.

— Ты... вы... — начала я. — Вы матерились.

— Только с такими, — ответил он. — Они другого языка не понимают. Это твой бывший?

— Да, — выдохнула я.

— И ты всё ещё общаешься с ним? — спросил Кирилл. Я молчала и покраснела.

— Нет, стараюсь не общаться, — сказала я. — Но он постоянно появляется в моей жизни...

— Он тебя использует и запугивает, — перебил Кирилл мягче. — Гони в шею этого неадекватата, если нужна будет помощь — я помогу.

Я хотела возразить, но не нашла слов. Просто было трудно

описать в двух словах, как не повезло Диме с карьерой и какой сильный для него это стресс, хотя я и понимала, что это вряд ли оправдывает его поведение, но мне было его жаль. Жалость въелась в меня, стала привычкой, и отучиться от неё было трудно.

Кирилл, казалось, прочитал мои мысли. Он не стал давать, не стал читать нотации. Просто стоял рядом, молчаливый и надёжный, и это молчание было красноречивее любых слов.

Подъехало такси. Кирилл открыл передо мной дверь.

— Ася, — сказал он, уже когда я села. — Если он появится снова, сразу звони мне. Поняла? Не раздумывай.

— Спасибо большое за помощь, — я кивнула ему.

Такси тронулось. Я смотрела в окно на его фигуру в свете фонарей — высокую, мощную, одинокую. Внутри всё ещё колотилось, но теперь к страху примешивалось что-то ещё. Благодарность. Уважение. И странное, доселе незнакомое чувство — когда за твоей спиной есть кто-то, кто не даст тебя в обиду.

«Матерится он, — подумала я. — Как сапожник. И может быть очень опасным. А я и не знала».

Я откинулась на сиденье и закрыла глаза. В голове крутились обрывки мыслей: Дима, его злые глаза, его железная хватка. А потом — Кирилл. Его голос. Его руки. Его спокойное «отойди в сторону». И мне вдруг стало легче. Как будто кто-то снял с моих плеч тяжёлую ношу, которую я тащила

годами.

Таксист что-то спросил, я ответила на автомате и снова уставилась в окно.

— Вы в порядке, девушка? — спросил он, глядя на меня в зеркало заднего вида.

— Да, — ответила я. — Теперь да.

И это было правдой. Впервые за долгое время я чувствовала, что не одна. Что есть кто-то, кто не даст мне упасть. Кто не будет задавать лишних вопросов, а просто сделает то, что нужно.

Дома я долго сидела на кухне, обхватив кружку с ромашковым чаем, и смотрела на телефон. Хотелось написать Кириллу «спасибо» — просто так, без повода. Или «спокойной ночи». Но я боялась показаться навязчивой. В итоге просто легла спать, укрывшись одеялом с головой.

Перед сном подумала: «Кажется, у меня появился защитник. И это... неожиданно приятно».

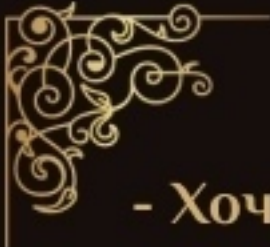
Друзья, хочу познакомить вас с еще одной зажигательной новинкой литмоба "Трудный выбор"

Автор Ираида Мельникова (Ирэн)

<https://litnet.com/shrt/xeKC>

"Хочешь в гарем?"

<https://litnet.com/shrt/JmMJ>

- Хочешь в гарем?

- Звучит заманчиво. Но
переживет конкуренцию

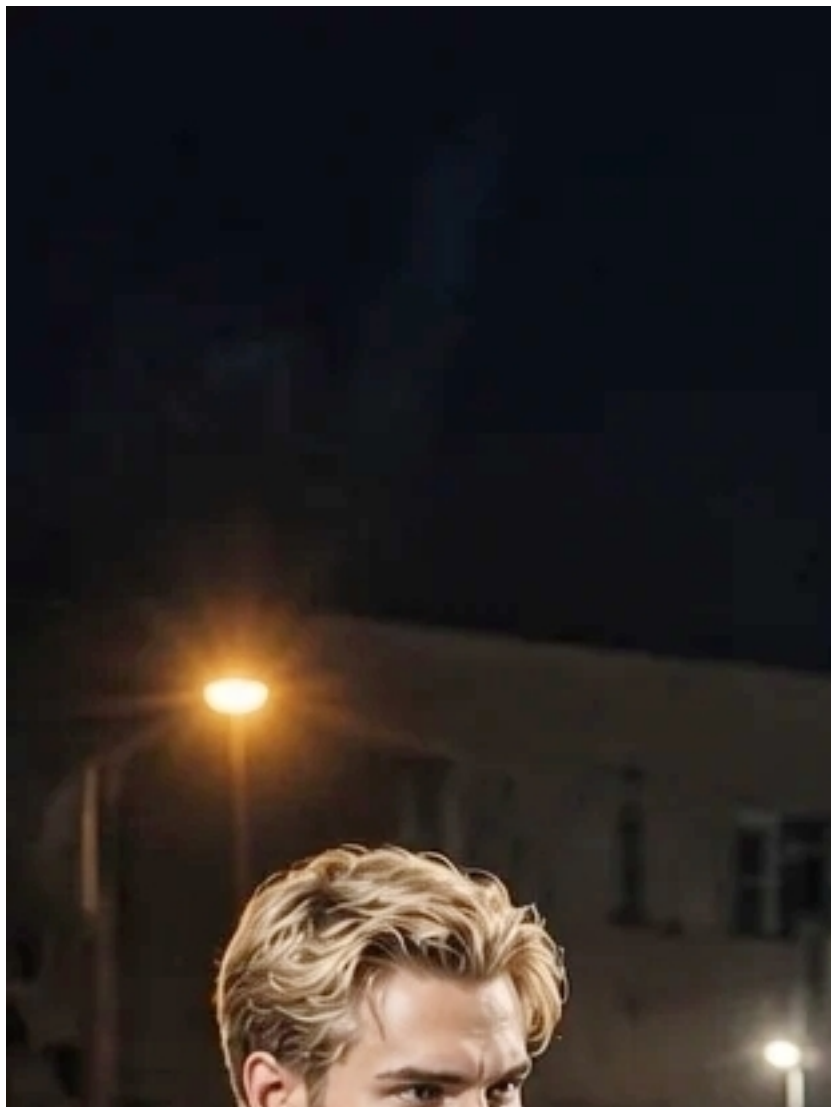

Образы героев.

Ася защищается сама от Димы

Асю защищает Кирилл

Глава 8. Квартира с историей

Кирилл захлопнул дверь своей квартиры и прислонился к косяку.

В прихожей его встретила тишина. Высокие потолки, лепнина, паркет «ёлочкой» — всё, как двадцать лет назад, когда родители купили эту квартиру в историческом центре. Они тогда сказали: «Будешь жить как человек, когда наиграешься со своим спортом».

Он не наигрался. И квартиру не продал, когда открывал клуб. Стояла, как память о том, откуда он родом и кто его родители.

Кирилл прошёл в гостиную, не зажигая верхний свет. Только настенная лампа у старинного секретера мягко освещала комнату. На стене висела небольшая картина — Левитан, этюд, ещё от деда. Рядом — бронзовая чернильница, часы с кукушкой, которую он в детстве боялся. Всё это когда-то казалось ему клеткой. Слишком правильно, слишком чинно, слишком «дипломатично».

Он сел в кресло, откинул голову на спинку и закрыл глаза.

После ухода из дома он много лет не появлялся здесь. Жил в общежитии, снимал углы, работал грузчиком и тренером. Родители звонили редко, мать иногда присылала деньги, но он возвращал. Только когда бизнес встал на ноги, он решил — квартиру надо принять. Не как подарок, а как факт. Это его

корни, его история, и он не будет от неё отказываться.

Он потёр плечо. Заныло. И тут же мысли перекинулись на другое.

Ася. Трясущаяся, испуганная, сжавшаяся в комок. И этот... урод. Бывший муж. Высокий, худой, с перекошенным от ярости лицом. Кирилл сжал кулаки, почувствовал, как заныло плечо.

«Как она вообще могла быть с таким? — подумал он. — Как позволила этому... еблану обращаться с собой так?»

Внутри взрывалось что-то тёмное, тягучее. Хотелось размазать этого мудака по асфальту. Но нет. Нельзя. Он же цивилизованный человек. Его учили быть выше этого. Отец говорил: «Кирилл, мужчина решает вопросы честью и словом, а не кулаками». Но когда речь шла о женщине, которую он... Что? Что он чувствует к Асе?

Он даже не знал, как это назвать. Обычная. Худая, даже хрупкая. А пахнет сладко. И смотрит так — растерянно, но смело.

«Сотрудница как сотрудница», — одёрнул он себя. Но тут же возразил: «Тогда почему не могу выкинуть её из головы?»

Он встал, подошёл к окну. За ним — ночной город. И вдруг снова подумал о её бывшем. «Он не успокоится. Этот уебок вернётся». Надо бы за ней приглядывать. Не как начальник, а как... кто? Мужчина?

Он посмотрел на телефон. Номер Аси он сохранил в первый же день. Надо бы позвонить, спросить, доехала ли. Но

не сейчас. Не ночью.

«Завтра, — решил он. — Завтра я скажу ей... что? Что буду провожать её после работы?»

Тем временем Ася уже добралась до дома. Она сидела на кухне, сжимая в руках кружку с ромашковым чаем, который давно остыл. Перед глазами всё ещё стояла та сцена — Дима, его омерзительный голос, перегар, как он кричал: «Да кому ты нужна, дура?»

Пальцы дрожали. Она поставила кружку на стол и заметила, что не может унять дрожь.

Телефон зажужжал. Лена.

— Ты как? — спросила подруга, даже не поздоровавшись. — Димон объявлялся?

— Объявился, — севшим голосом сказала Ася и рассказала всё: и как Кирилл спас её, и как матерился, и как Дима пообещал вернуться.

Лена молча слушала, изредка вставляя междометия: «Ужас», «Козёл», «Вот же...». Когда Ася замолчала, Лена глубоко вздохнула.

— Ася, я буду говорить с тобой не как подруга, а как специалист. Ты готова?

— Давай, — кивнула Ася, хотя внутри всё сжалось.

— Во-первых, ты не виновата, — начала Лена. — То, что произошло — это не из-за того, что ты «слабая», не из-за того, что «позволяешь», даже не из-за того, что «не можешь отпустить». Ты просто столкнулась с человеком, который на-

учился манипулировать, запугивать и давить на жалость. И сейчас, когда ты отстранилась, он в ярости, потому что теряет контроль.

— Но я же развелась с ним, — возразила Ася. — Почему он не отстаёт?

— Потому что он потерял не тебя, а свою власть над тобой, — объяснила Лена. — И теперь хочет вернуть контроль любой ценой. Криками, угрозами, приступами «милого» поведения. Но запомни: если он один раз поднял на тебя руку — пусть даже просто схватил больно — он сделает это снова. И чем дольше ты будешь терпеть, тем страшнее станет потом.

Ася закрыла глаза. В ушах всё ещё звучал его пьяный голос: «Я тебя предупреждал: ты моя. Пока я жив, никуда ты не денешься».

— Я так устала, — прошептала Ася.

— Это нормально, — ответила Лена. — Ты истощена, напугана, тебе нужна опора. Я рядом. И ты можешь мне позвонить или приехать в любое время, когда станет страшно. Не молчи. Чувство стыда — это то, на что давят абьюзеры. Мол «сама виновата». Нет. Ответственность за насилие всегда лежит на агрессоре.

— Но мне всё равно кажется, что я могла бы как-то сгладить всю эту ситуацию...

— Прекрати, — перебила Лена. — Признай: тебе было страшно, ты не заслужила такого обращения, это не твоя ви-

на. И теперь, чтобы исцелиться, тебе нужно заботиться о себе. Начни с малого: выпишись, съешь что-то вкусное. Завтра будет новый день, и ты справишься.

Ася открыла глаза, посмотрела на остывший чай и почувствовала, как что-то оттаяло в груди.

— А как же Кирилл? — спросила она. — Он... он защитил меня.

— Это хорошо, — сказала Лена. — Но помни: он не должен становиться твоим спасателем. Ты сама способна постоять за себя.

— Спасибо, — выдохнула Ася.

— Пожалуйста. А теперь иди в душ или сделай себе расслабляющую ванну, возьми свой дневник радости и запиши хотя бы одно хорошее событие дня. — Лена засмеялась. — Например, что этот красавчик защитил тебя и поступил, как нормальный мужик.

— Хорошо, так и сделаю, — улыбнулась Ася.

— Давай, спокойной ночи. Обнимаю.

— И я.

Ася положила трубку и долго сидела в тишине. Потом встала, вылила остывший чай и взяла блокнот.

«Сегодня меня спасли, — написала она. — И это дало мне понять, что я не одна».

Подумала и добавила: «А ещё Кирилл назвал Диму ебланом. И это было неожиданно приятно и смешно».

Она закрыла блокнот, убрала в ящик стола и пошла го-

товиться к завтрашнему дню. Рядом с постелью, на всякий случай, положила телефон — поближе.

Номер Кирилла был сохранён в контактах. Она посмотрела на него, потом убрала телефон и выключил свет.

Завтра будет новый день. И она с ним справится.

Глава 9. Две женщины, один день

Ася.

Утро в клубе встретило меня запахом кофе и лёгкой нервозностью. После вчерашнего вечера я боялась, что Кирилл будет смотреть на меня как-то особенно — может, с жалостью, может, с беспокойством. Но он, как обычно, кивнул в коридоре, сказал «Доброе утро» и скрылся в своём кабинете. Даже не задержал взгляд. Я выдохнула. И одновременно расстроилась. Вот такая я противоречивая.

Первая пациентка пришла ровно в десять.

Виктория, 33 года. Выглядела она так, будто собирала ребёнка в школу, забежала в магазин и пришла на приём между делом. Пучок на макушке, спортивный костюм не по размеру, в руках — два пакета из «Пятёрочки».

— Извините, что с пакетами, — выпалила она, плюхаясь на стул. — С работы сразу, не успела домой забежать.

— Вы работаете? — уточнила я, хотя по её внешнему виду и так было понятно, что она не сидит без дела.

— Инженер на заводе. А после работы — домой, дети, кружки, ужин. И так каждый день.

Я кивнула, делая пометки в блокноте. Это была типовая «мама-инженер»: вечный аврал, отсутствие времени на себя и питание по остаточному принципу. Значит, и проблема у неё будет соответствующая: лишний вес, который не уходит,

несмотря на все попытки «начать новую жизнь с понедельника».

— Когда вы последний раз ели? — спросила я.

— Сегодня? — Виктория задумалась. — Кофе утром. На работе бутерброд. А, ещё дочку кормила, доела за ней кашу. Так я проговорила с ней почти час; она заполнила анкеты. Я отложила ручку.

— Виктория, давайте честно. Вы не кушаете, вы перехватываете «на бегу». А организму нужны полноценные приёмы пищи.

— Но я не успеваю, — возразила она.

— Успевать не надо. Надо планировать. Сейчас я вам объясню.

Я включила планшет и вывела на экран схему тарелки. Это было моё любимое наглядное пособие для новичков.

— Вот это, — я обвела картинку, — ваша норма на каждый приём пищи. Половина тарелки — овощи и зелень. Одна четверть — белок: курица, рыба, творог или яйца. Ещё одна четверть — сложные углеводы: гречка, рис, киноа, макароны из твёрдых сортов, может быть, пшено, если оно вам подходит. Добавляете одну-две столовые ложки правильных жиров: заправка из растительного масла, авокадо, орехи — и получается сбалансированная тарелка.

Я развернула к ней экран, показывая, как работает схема на реальном примере.

— Видите? Это простой, доступный и, главное, работаю-

щий метод. Вам не придётся голодать, исключать все «вкусы» или жить на одних огурцах. Просто делите тарелку на части. Давайте договоримся: купите контейнеры и готовьте с вечера. Утром положили в один — белок и овощи, в другой — углеводы. Собрали ланч-бокс. На работе поставили, разогрели — съели. Без беготни и без «перехвата». Если будете взвешивать порции и записывать, будет ещё лучше, а не хотите — и так пойдёт на первое время, чтобы привыкнуть.

Виктория смотрела с сомнением.

— Это же так долго...

— Час вечером, чтобы приготовить всё, и пять минут — чтобы собрать. Или усталость каждый день. Выбирайте.

Я перелистнула слайд на следующий — там были списки продуктов.

— Белки: курица, индейка, рыба, творог, яйца, бобовые. Жиры: оливковое масло, авокадо, орехи, семена чиа. Углеводы делятся на быстрые и медленные. Быстрые — это сахар, конфеты, белый хлеб, сладкая газировка. Они дают энергию быстро, но и заканчивается она быстро. Медленные — это гречка, бурый рис, овсянка, цельнозерновой хлеб. Они сжигаются медленно и дают энергию на несколько часов. Значит, вы будете сыты дольше и перестанете перекусывать печеньками.

Я заметила, как Виктория слушает, раскрыв рот.

— А воду вы пьёте сколько?

— Ну... чай, кофе...

— Чай и кофе не считаются, — строго сказала я. — Вода — это чистая вода без газа. Расчёт простой: 30 миллилитров на килограмм веса.

Виктория кивнула, но я видела, что она думает о другом.

— И самое главное, — добавила я мягче. — Вы не спите. Я права?

— А когда? — она развела руками. — Дети, работа, ужин. Легла — уснуть не могу. Утром — голова тяжёлая. Так уже много лет.

— Виктория, — я посмотрела ей прямо в глаза. — Вы сначала выпитесь, а потом уже беритесь за диету. Без сна никакой режим питания не работает. Потому что когда вы не высыпаетесь, у вас вырабатывается кортизол — гормон стресса — и организм начинает запасать жир про запас, особенно в области живота. Вы будете меньше есть, а вес — стоять. Узнаёте себя?

Виктория прикусила губу и кивнула.

— Я не успеваю спать. Если я лягу рано, то не сделаю дела.

— А что случится, если вы не сделаете дела?

— Ну... накопится.

— Накопится — и что? Мир рухнет? Дети перестанут вас любить? Начальник уволит? Виктория, вы не железная. Организм однажды скажет «стоп», и тогда вы точно ничего не сделаете. Поэтому давайте договариваться: с этой недели вы спите минимум семь-восемь часов. Находите для сна время, отключаете телефон, детей укладываете чуть раньше. И не

вздумайте думать о работе в постели. Это время — только для вас.

Она молчала, сжимая лямку пакета.

— А если я не смогу? — тихо спросила она.

— Сможете. Я сегодня дам вам дневник, где вы будете записывать, сколько спали, что ели и какой был стресс по десятибалльной шкале. Через неделю мы посмотрим и скорректируем.

Я открыла блокнот на чистой странице и написала несколько пунктов.

— Ещё вот что: найдите пятнадцать минут в день, когда вы будете наедине с собой. Без телефона, без детей, без мужа. Просто посидеть, выпить чаю, послушать тишину. Это ваш личный «детокс». Он нужен вам так же, как и нормальный сон. И попросите мужа помогать вам по хозяйству и с детьми.

Виктория улыбнулась.

— А ванну с магнием можно? Я слышала, помогает расслабиться.

— И даже нужно! — я обрадовалась. — Магниева соль отлично снимает напряжение. Добавьте хвойный экстракт — будет спа-процедура. Если есть возможность — сходите на расслабляющий массаж или гидромассаж. Не обязательно дорого, иногда достаточно одного сеанса.

Я отдала ей памятку и листок-напоминалку.

— И про спортзал не забывайте. Только без фанатизма.

Не нужно ходить пять раз в неделю по два часа, чтобы потом неделю восстанавливаться. Два-три раза в неделю, умеренные силовые на основные группы мышц — и уже хорошо. Тело должно укрепляться, а не выгорать. Если силовые пока тяжело, ходите на пилатес, отдохнёте, выпитесь, а потом уже постепенно включайте небольшими порциями силовые. Договорились?

— Договорились, — она взяла листы и неожиданно всхлипнула.

— Вы только не плачьте, — я протянула ей салфетку. — Всё наладится. Просто начните с малого: выпитесь не один раз, а планомерно ложитесь в одно и то же время до 23.00 и спите до 6–7.00 больше двух недель.

Она ушла. Я выдохнула и посмотрела на часы. Следующая пациентка через двадцать минут.

Нужно выпить стакан тёплой воды.

Глава 9. Часть 2.

Людмила вошла в кабинет с опаской, будто здесь её могли ударить. Женщина 54 лет, с поседевшими волосами и большими усталыми глазами, укутанная в несколько кофт, несмотря на то, что в клубе было тепло. Я сразу подумала: «Гормональная перестройка. Пременопауза или менопауза».

— Здравствуйте, Анастасия, — она присела на краешек стула, готовая в любой момент выскочить.

— Здравствуйте, Людмила. Рассказывайте.

— Я старая, — начала она. — Устаю. Сплю плохо. Бросает то в жар, то в холод. И вес... я ничего не ем, а он растёт. Что со мной не так?

Я сделала глубокий вдох. Ещё одна. Типичная история для её возраста: женщина списывает всё на «старость» и не знает, что это можно скорректировать.

— Для начала, — сказала я, — перестаньте называть себя старой. Вы не старая. У вас просто гормональная перестройка. Это не конец, а новый этап. И с ним можно жить комфортно, если знать, как.

— Да что вы говорите, — она безнадёжно махнула рукой.
— Я каждую ночь просыпаюсь в четыре или пять утра. И всё — заснуть не могу. Ни туда ни сюда.

— Просыпаетесь в одно и то же время?

— Как по будильнику. Пять утра. Или четыре. Смотрю в

потолок, думаю о всяком...

— О чём о всяком?

Она вздохнула.

— Жизнь прошла. Молодость кончилась. Дети выросли, муж на работе. А я... никому не нужна.

И ещё долго мы разговаривали с этой уставшей женщиной, заполняли анкету и опросники.

Потом я отложила ручку.

— Людмила, давайте по порядку. Ваше состояние сейчас — это результат многолетних привычек: хронический стресс, недостаток сна, неправильное питание. И когда добавилась гормональная перестройка, организм не выдержал. Но это не значит, что нужно сдаваться. Начнём с малого: гигиена сна. За час до отхода ко сну — никаких экранов. Телевизор, телефон, планшет — откладываем. Читаем книгу. Свет приглушаем. В спальне прохладно, проветриваем, выключаем все источники света, когда спим; если нужно, надеваем маску для сна и беруши от шума. Вот примеры природных успокоительных на листе, можно принимать по инструкции по одному месяцу, потом делать перерыв. Через пару недель заметите улучшение.

Людмила слушала с недоверием, но перебивать не стала.

— Кофеин после обеда исключаем категорически. Сладкое тоже. К вечеру сахар в крови скачет — отсюда ночные пробуждения и утренняя разбитость.

— А чего же тогда можно? — спросила она.

— Можно травяной чай, воду, цикорий. И, самое главное, замените кофе на цикорий хотя бы на месяц — увидите, как улучшится самочувствие.

Я записала в блокнот несколько пунктов.

— Теперь про питание. В вашем возрасте белок особенно важен: не менее 1,2 грамма на килограмм веса.

— И ещё, — добавила я, — попробуйте йогу. За 20–30 минут вы восстанавливаете нервную систему лучше, чем за час обычного сна. В клубе есть хорошие инструкторы по хатха-йоге, они вам помогут. Также я советую освоить дыхательные практики — они творят чудеса для снятия тревожности.

— И всё это поможет? — она смотрела с надеждой, которую пыталась скрыть.

— Поможет. Вы не одна такая, Людмила. Через это проходят миллионы женщин. Просто вы решили, что сдаваться — это нормально. А я предлагаю попробовать другой подход: не сдаваться. Сдадите анализы, сделаете УЗИ, посмотрим и решим.

Она улыбнулась. Впервые за всё время приёма.

— Спасибо, Анастасия. Я попробую. Сдам анализы и приду к вам снова.

Она вышла, оставив в кабинете запах духов и лёгкий ветер надежды.

Я собирала распечатки и правила, когда в дверь постучали. Дверь медленно открылась.

Кирилл стоял в проёме, прислонившись плечом к косяку. Сегодня он был в тёмно-синей рубашке с закатанными рукавами — и от этого его предплечья выглядели ещё мощнее. Я заметила, что смотрю на его руки, и заставила себя перевести взгляд на лицо.

— Ася, — сказал он, — после работы я вас провожу.

Не вопрос. Не предложение. Утверждение.

У меня внутри всё сжалось. С одной стороны — приятно. С другой — страшно. С третьей — стыдно.

— А что, так надо? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Надо, — он не спорил. — Вчера я лишний раз убедился.

— Я справлюсь сама, — возразила я, но внутри уже закипало раздражение.

— Ася, я всё-таки вас провожу, — он чуть склонил голову, — это не потому, что я хочу настоять на своём. Это потому, что я хочу, чтобы вы были в безопасности.

Он развернулся и ушёл, не дожидаясь ответа.

Я осталась сидеть с раскрытым ртом. «Чтобы вы были в безопасности», — крутилось у меня в голове. Так всегда говорят в фильмах. Он сказал. Просто. Без пафоса. И ушёл.

— Чёрт, — прошептала я, чувствуя, как краснеют уши. — Что же ты со мной делаешь, Кирилл Андреевич... какое-то совместимое несовместимо.

В голове боролись две Аси. Та, которая хотела, чтобы её

защищали, особенно он. И та, которая считала, что спасти себя и других я должна сама. Но Лена была права: когда при-
выкаешь быть сильной, чужую заботу принимаешь с трудом. Потому что кажется, что если ты примешь помощь — значит, признаешь себя слабой. А слабость для спасателя — это провал. Да, и потом: Дима не опасен. Наверняка сегодня уже мается от вины и депрессии из-за вчерашнего наезда, алкоголя и похмелья.

Я закрыла глаза и выдохнула. Кажется, моя внутренняя психотерапия набирала обороты.

Подпишитесь на автора, поставьте звезду и добавьте книгу в библиотеку, чтобы узнать, решится ли Ася принять заботу Кирилла. Глава 10 — продолжение следует.

Глава 10. Поцелуй на ночной дороге

Вечер выдался долгим. После двух пациенток, которые выжали из меня все соки, я сидела в кабинете и тупо смотрела на распечатки. У меня у самой гормоны скачут, когда Кирилл заходит в дверь, подумала я.

Он зашёл ровно в семь.

— Ася, собирайтесь.

Я подняла голову. Кирилл уже переоделся — тёмные джинсы, свитер с высоким воротом. Сердце пропустило удар.

— Может, я на такси? — пискнула я, уже зная ответ.

— Пойдёмте в машину, — он кивнул в сторону парковки.

— Я сказал, что отвезу вас домой.

Я вздохнула, собрала папку и поплелась за ним. Его машина оказалась чёрным внедорожником — огромным, чистым и пахнущим кожей и дорогим парфюмом. Я забралась на пассажирское сиденье и почувствовала себя Золушкой в карете, только вместо принца — начальник с каменным лицом.

— Пристегнитесь, — сказал он, заводя двигатель.

Я пристегнулась.

Мы ехали молча. Я смотрела в окно, а краем глаза виде-

ла, как он переключает передачи, как его пальцы лежат на руле — длинные, сильные, с аккуратными ногтями. От него пахло чем-то терпким. И от этого запаха у меня внутри что-то предательски подрагивало, как будто мне шестнадцать и мальчик пригласил меня в кино первый раз.

Кирилл тоже молчал. Но я чувствовала на себе его взгляд, когда мы останавливались в пробках и на перекрёстках. Он смотрел не на дорогу, а на мой профиль. Честно говоря, это было странно. Дима никогда так не смотрел. Дима смотрел, когда ему что-то было нужно — деньги, еда, внимание. А Кирилл смотрел просто так. Или не просто? Я не знала, что с этим делать, но посмотреть на него в ответ не могла, поэтому сидела жутко напряжённой и смотрела в лобовое стекло.

Машина остановилась у моего подъезда.

— Спасибо, — сказала я, расстёгивая ремень.

— Ася, я хотел... — тихо сказал он.

Я повернулась. Он смотрел на меня, и в его глазах было что-то такое, от чего у меня пересохло во рту. Не холод. Не сталь. Жар. Он смотрел на меня, как будто я была последним глотком воды в пустыне. И медленно, очень медленно потянулся ко мне.

Я замерла и дёрнулась, потом посмотрела в его полные желания глаза — и мои мозги отключились. Руки сами потянулись к его плечам. Он наклонился, и его губы накрыли мои.

Это был не первый поцелуй в моей жизни. Но такого —

не было. Никогда. Он целовал меня так, будто я была его последней надеждой. Язык скользнул внутрь, и я застонала — глухо, сама от себя не ожидая.

Кирилл прижал меня к себе. Его рука легла на талию, сжала, притягивая ближе. Я почувствовала запах его кожи, жар его тела. Его дыхание сбилось.

— Ася, — выдохнул он в мои губы, и в этом шёпоте было столько желания, что у меня задрожали колени.

Его рука скользнула выше, легла на мою грудь. Я втянула воздух. Он гладил её через свитер. Он осторожно сжал, и я выгнулась ему навстречу.

— Мм, — прошептала я.

Он издал что-то неразборчивое. Негромко, но от этого звука у меня внутри всё оборвалось. Он отодвинулся, посмотрел на меня — глаза потемнели, дыхание тяжёлое. Видимо, пытался взять себя в руки. Но у него ничего не выходило.

Его пальцы скользнули вниз по моему животу, к бедру. Я не могла дышать. Не могла думать. В голове шумело, внизу живота пульсировало. Он что, сейчас? Прямо здесь хочет?

— Я хочу тебя очень, Ася, — голос хриплый, словно после долгой тренировки, а глаза удивлённые, будто он сам не ожидал от себя таких слов. — Ты мне очень нравишься, голову сносит. Каждый день пялюсь на тебя, как больной, ничего не могу поделать с глазами. Сами к тебе прилипают. А дома ты не покидаешь моей головы даже ночью, и тогда в

своей голове я с тобой делаю непозволительные вещи. Я хочу отвезти тебя к себе. Сейчас. И воплотить все свои мечты в жизнь.

Я молчала. Он воспринял это как согласие и потянулся к замку ремня безопасности. Раздался щелчок. Я была свободна. Он потянул меня к себе, усадил на колени — я и не заметила, как оказалась верхом на нём. Его руки сжали мои бёдра. Он был возбуждён, и хорошо так возбуждён — я чувствовала это даже через ткань.

Его поцелуи стали глубже, жёстче. Он целовал шею, отодвинул рубашку и целовал ключицы, спустился ниже. Я зажмурилась, откинув голову. Его рука скользнула под свитер, погладила живот, поднялась выше. Я выгнулась, ловя ртом воздух.

И когда его пальцы коснулись края моих джинсов, опускаясь туда, где так жарко и влажно, и через ткань надавили, я застонала. Громко, протяжно, забыв о том, где мы и кто мы.

А потом меня накрыло.

Стоп. Что я делаю? Это мой начальник. Мы почти не знакомы. А вдруг он такой же, как Дима? Вдруг я опять влипла?

Я резко открыла глаза и отстранилась.

— Извини, ничего не получится. Я на работе не кручу любовь, — выдохнула я.

Кирилл замер. Его руки замерли на моей талии. Я видела, как тяжело он дышит, как его глаза блестят в темноте салона.

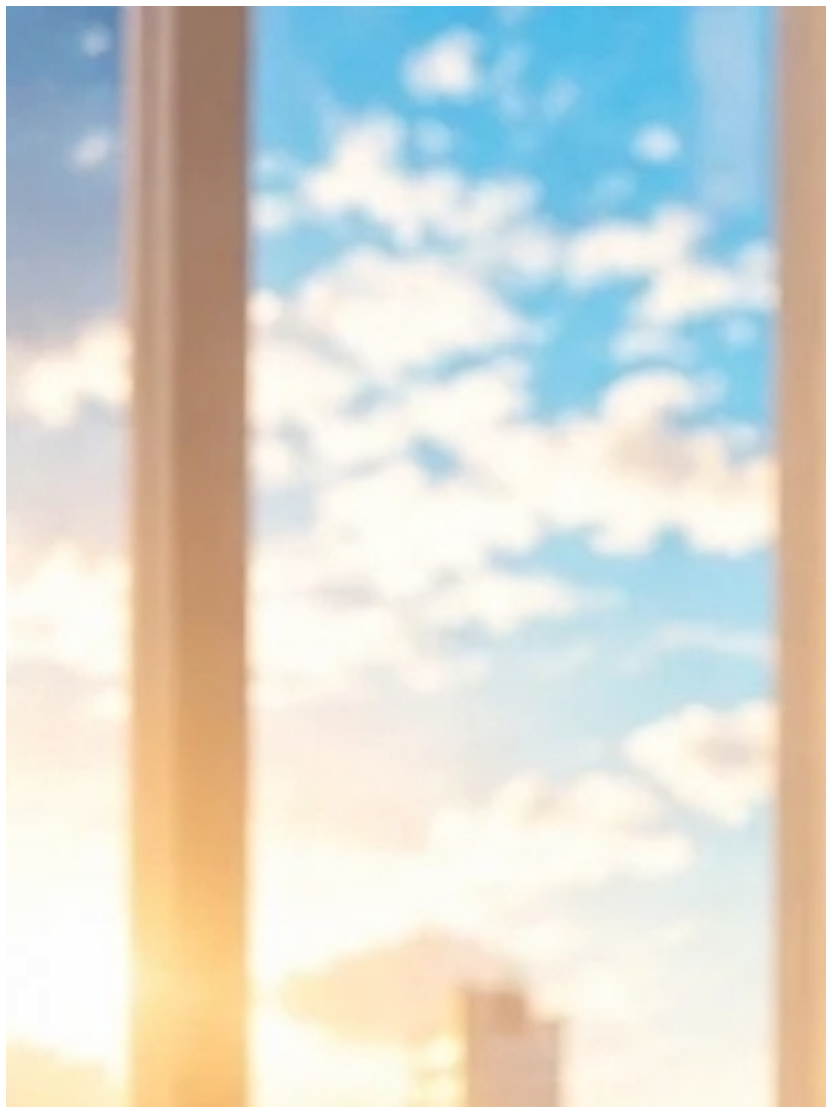
— Ася, — голос низкий, с трудом.

— Правда, мне пора. — Я сползла с его колен, села на пассажирское место, нащарила дверную ручку.

Он ничего не сказал. Только сжал челюсть и кивнул.

Герои 2.

Димон наш во всей красе

Кирилл и Ася

Глава 11. Право на счастье

Ася.

— Извини, пожалуйста, меня сорвало. Мне к тебе очень сильно тянет. Потерял контроль, но этого больше не повторится, ты права, на работе я тоже этим не занимаюсь, — прошептал Кирилл и потёр ладонью лицо.

Я вывалилась из машины, на ватных ногах дошла до подъезда, вставила ключ в замок. Всё это время чувствовала его взгляд спиной.

Дома я рухнула на диван и уставилась в потолок.

— Что это было? — спросила я у пустоты.

Телефон пиликнул. Сообщение от Кирилла: «Спокойной ночи, Ася. Извини ещё раз. Завтра я снова тебя отвезу, но уже без поползновений».

Я не ответила. Не знала, что писать.

Кирилл.

Он увидел, как загорелся свет в её окне на третьем этаже, и только тогда завёл двигатель.

Дома он прошёл на кухню, выпил стакан воды, достал из холодильника контейнер с ужином — заказывал полезную еду с доставкой. Жевал, не чувствуя вкуса. Потом бросил есть — не было совсем аппетита. Выпил белковый коктейль и пошёл в спальню. Перед глазами стояла Ася. Её шея. Её грудь под его рукой. Её стон, такой откровенный, что у него

до сих пор звенело в ушах.

«Ты начальник, — подумал он. — Она твоя сотрудница. Ты не имеешь права. Ты должен контролировать себя, тем более что она дала понять, что ты ей не интересен».

Но организм жил своей жизнью, он не хотел слышать никаких доводов.

Кирилл пошёл в душ. Встал под горячую воду, закрыл глаза и снова увидел её. Как она смотрела на него испуганными глазами. Как её губы шептали его имя. Как она выгибалась, когда он коснулся её...

Он кончил быстро, с глухим стоном, вжавшись лбом в кафель. Эта тяга принимала какие-то патологические формы, нужно было с ней что-то делать.

Кирилл выключил воду, вытерся и долго стоял у зеркала, глядя на своё отражение. Мокрые волосы, потемневшие глаза, сжатые кулаки. Он не помнил, когда его так накрывало. Даже противной ноющей боли в плече он не чувствовал с Асей, так его разматывало. И сейчас плечо не болело, это было удивительно.

— Завтра, — сказал он своему отражению, — ты не сорвёшься. Ты будешь вежливым начальником. Ты не будешь её трогать. Нужно увеличить себе нагрузку на тренировках, может, тогда дурь уйдёт из головы.

Ася.

Ася тем временем сидела на диване и хотела позвонить Лене. Половина двенадцатого. Лена, скорее всего, ещё не

спит — у психологов свой режим.

— Алло? — голос подруги звучал встревоженно. — Ты чего так поздно? Опять Димон?

— Хуже, — выдохнула Ася. — Кирилл меня поцеловал.

— Ого, — Лена присвистнула. — Подробности — в студию!

— Мы ехали с работы, он довёз до дома, а потом... просто взял и поцеловал. Лен, я чуть не уехала к нему домой прямо в ту же минуту!

— А почему «чуть не»?

— Потому что я испугалась. Он такой... его желание такое сильное, и моё тоже. Стало страшно, мы же совсем не знаем друг друга, это всё так внезапно. Я отстранилась и ушла, и кажется, сказала ему, что на работе я ни-ни. А сейчас лежу и думаю: что со мной не так? Почему я сбегая, когда всё складывается хорошо?

Лена помолчала.

— Могу сказать как психолог. Ты не сбегаеть от него. Ты сбегаеть от страха, что, если ты примешь его желание, то снова потеряешь себя. Столько лет ты была нужна Диме, он определял твою ценность. А теперь появляется мужчина, которому ты нужна не как спасатель, а как женщина. И это ломает твои привычные установки.

Ася молчала, переваривая услышанное.

— Моя мама всегда говорила, что я должна быть нужной, — тихо сказала она. — «Будь хорошей девочкой, помогай, не

бросай». Вот я и не бросила. Вышла замуж за того, кого надо было спасать. А Кирилл... он не просит спасать. Он просто берёт и делает.

— И поэтому страшно?

— Наверное.

— Ася, — голос Лены стал мягче. — Ты имеешь право на счастье. И ты имеешь право на ошибку. Но сейчас не об этом. Сейчас ты должна спросить себя: что я чувствую к нему на самом деле? Не «что я должна чувствовать», а что я чувствую.

Ася закрыла глаза. Перед ними возник Кирилл — его лицо, его губы, его руки.

— Я хочу его, — прошептала она. — Я очень сильно хочу его.

— Тогда в чём проблема?

— А вдруг я сделаю опять больно себе? Вдруг опять не получится ничего у нас? Вдруг я просто...

— Просто что?

— Просто не умею быть счастливой.

Лена вздохнула.

— Вот это уже честно. А знаешь, с чего начинается умение быть счастливым? С права на ошибку. Ты имеешь право ошибаться, падать, вставать и пробовать снова. И если ты хочешь этого мужчину — попробуй. Не забегай вперёд, не придумывай, чем всё кончится. Просто сделай шаг.

— Легко сказать, — хмыкнула Ася.

— Я не говорю, что легко. Но у тебя есть я. И если что — я рядом. Даже если ты опять наступишь на те же грабли — я подниму тебя, отряхну и отправлю дальше.

Ася улыбнулась. На душе стало легче.

— Спасибо, Лен. Ты лучшая.

— Знаю. А теперь ложись спать. И разреши себе хоть немного радости.

Они попрощались. Ася долго лежала, глядя в потолок. Потом взяла блокнот и написала: «Мне страшно. Но я хочу попробовать. Я имею право на счастье».

Ася отложила блокнот и закрыла глаза. На губах всё ещё горели его поцелуи. Внизу живота пульсировало. А что творилось с её гормонами — они просто взбунтовались. Она, конечно, понимала, что у неё должна быть овуляция по женскому календарю, но не до такой же степени, чтобы запрыгивать на начальника.

— Кирилл, — прошептала она. — Зачем ты это сделал? Теперь я не смогу спать и буду думать. Что было бы у тебя дома, если бы я согласилась...

Но она уснула. Сразу. И ей снился он. Его руки, его губы, его шёпот: «Я хочу тебя».

Глава 12. Утро нового дня

Я проснулась с чувством, что выспалась впервые за месяц. Солнце светило в окно, за окном щебетали птицы, и даже будильник не успел прозвенеть — я открыла глаза за пять минут до сигнала.

«Организм радуется», — подумала я. — «Или гормоны?» Щёки тут же залились краской. Вчерашний поцелуй всплыл в памяти со всеми подробностями: его руки на моей талии, его дыхание, его шёпот. Я застонала и уткнулась лицом в подушку.

— Ася, возьми себя в руки, — сказала я вслух. — Ты взрослая женщина. Ты диетолог. Ты...

Я не успела придумать, кто я ещё, потому что телефон пиликнул. Сообщение от Кирилла: «Доброе утро. Выспалась?»

Я уставилась на экран. Что ответить? «Да, спасибо, а ты?» Потому что выкатать было уже как-то не удобно после того, как его язык побывал в моем рте.

Я набрала: «Доброе утро. Да, спасибо. А ты?»

Отправила и пожалела. Звучало как эхо.

Ответ пришёл через минуту: «Я нет. Думал о тебе».

У меня телефон выпал из рук.

В клубе я старалась не смотреть в сторону кабинета Кирилла. Получалось плохо. Каждый раз, проходя мимо, я косилась на дверь, надеясь увидеть его — и боясь этого.

Он появился в коридоре около одиннадцати. Прошёл мимо, кивнул, сказал: «Доброе утро, Ася». Ничего лишнего. Ни взгляда, ни улыбки. Ничего.

Я выдохнула. И расстроилась.

«Сама виновата», — подумала я. — «Сама сбежала, наговорила кучу всего. Чего ты ждёшь от него? Мы же на работе, он ведет себя так, как ты хотела.»

Но внутри что-то ныло. То самое чувство, когда хочешь, чтобы тебя заметили, но боишься, что если заметят — придётся что-то с этим делать.

Первая пациентка пришла ровно в одиннадцать часов.

Анна, 47 лет, бухгалтер. Выглядела она как типичный представитель своей профессии: строгий пучок, очки, блузка с длинным рукавом (даже в тепле). В руках — ежедневник, на который она поглядывала каждые пять минут.

— Здравствуйте, Анастасия, — она села на стул, положила ежедневник на колени. — У меня мало времени. В час у меня отчёт.

— Понимаю, — я улыбнулась профессиональной улыбкой. — Рассказывайте, что случилось.

Аня вздохнула так, будто я попросила её пересчитать годовую декларацию.

— Я не худею. Вернее, я худею, а потом набираю. И так по кругу. Я соблюдаю диеты, хожу в зал... ну, иногда. Но вес возвращается. И ещё... — она замолчала, покосилась на дверь.

— И ещё? — подбодрила я.

— Я всё время хочу есть. Особенно сладкое. Причём не тогда, когда голодна, а когда... нервничаю. А нервничаю я, Анастасия, постоянно. Отчётность, дедлайны, начальник, который вечно недоволен. И я... я ем. Печеньки, конфеты, шоколадки.

Я кивнула, делая пометки в блокноте.

— Анна, скажите, вы когда-нибудь злитесь?

Она удивилась.

— В смысле?

— Ну, на начальника. На коллег. На мужа, если он есть.

Анна покраснела.

— Я не позволяю себе злиться. Это непрофессионально.

— А куда уходит злость?

Она молчала.

— Анна, — я отложила ручку. — Вы сдерживаете эмоции. Не только злость, но и радость, и страх, и всё остальное. Вы привыкли быть «профессионалом», который всё контролирует. Но организм не может контролировать эмоции вечно. Они накапливаются в теле в виде зажимов, напряжения, а потом... вы их заедаете. Сладкое даёт быстрый дофамин, временное облегчение, но потом приходит чувство вины, и вы заедаете его снова. Порочный круг.

— И что, теперь к психологу? — спросила она скептически.

— Можно и к психологу, — я не стала спорить. — Но начнём с малого. Попробуйте йогу. Мягкую, не силовую или

стретчинг и плавание. Это поможет снять физические зажимы, которые копятся в теле, когда вы сдерживаете эмоции. Тело расслабится — и голова прояснится.

Анна смотрела недоверчиво.

— И это поможет похудеть?

— Косвенно — да. Когда снизится уровень стресса, перестанет расти кортизол, и вес начнёт уходить. Плюс я вам дам рекомендации по питанию: включите в рацион продукты, богатые триптофаном — это аминокислота, которая помогает стабилизировать настроение. Бананы, индейка, орехи, творог. Они успокаивают нервную систему без печенек и конфет. Сдайте анализы еще, посмотрим, что у вас с глюкозой, холестерином и инсулином. А потом будем подбирать каллораж дневной и соблюдать его, но это после того, как наладим психологическое состояние и расслабим зажимы. К психологу советую сходить на сеансы.

Анна взяла список, пробежала глазами.

— Бананы? Я думала, от них толстеют.

— От бананов не толстеют, — вздохнула я. — Толстеют от того, что заедают стресс печеньками. Банан — это полезный углевод, клетчатка и триптофан. Один банан в день и пара фиников — и настроение лучше, и перекусывать вредным не хочется, только не на голодный желудок и подальше от белков.

— Ладно, — она убрала список в ежедневник. — Попробую. А йога... где её взять?

— У нас в клубе есть отличный инструктор, Настя. Она проводит занятия по хатха-йоге и йога-нидре. Я передам, чтобы вас записали.

Анна кивнула, встала и уже у двери обернулась.

— Анастасия, вы верите, что это поможет?

— Я знаю, что это помогает, — ответила я. — Но только если вы сами захотите себе помочь.

Она вышла. Я выдохнула и посмотрела на расписание. Обед. Хорошо бы поесть, но мысли были не о еде.

Кирилл.

Кирилл с утра сидел в своём кабинете и смотрел на монитор, не видя ни одной цифры. В голове была Ася. Её шея. Её губы. Её запах. Наваждение какое-то в самом деле. Он готов был поверить про сказание о ведьмах, которые заворачивали мужчин. Ну не одной причины, кроме ее отказа, нет постоянно думать о ней, а он не может сосредоточиться. И ведь уже не сопливый юнец.

Он взял телефон, открыл чат. Сообщение от неё: «Доброе утро. Да, спасибо. А ты?» — официальное, сдержанное. Как будто и не целовались вчера.

Кирилл написал: «Я плохо. Думал о тебе».

И сразу пожалел. Зачем? Она же сбежала. Она ушла еще и отчитала. Значит, не хочет. Или хочет, но боится.

«А ты? — спросил он себя. — Ты чего хочешь?»

Ответ был очевиден. — Всего и с ней. — И пугал.

Затем все-таки удалось загрузить себя работой, из кото-

рой вынырнул только поздно вечером.

В половине девятого он закрыл ноутбук и пошёл в бассейн. Нужно было разгрузить плечо и голову. Вода всегда помогала. В бассейне было пусто — только дорожки, вода и тишина. Он скинул халат, надел шапочку и прыгнул.

Плыл быстро, зло, выплёскивая напряжение в каждом гребке. Плечо ныло, но он не останавливался. Вода смывала всё: страх, сомнения, желание, которое разрывало изнутри.

После четвёртого круга он остановился у бортика, снял очки и протёр глаза.

— Кирилл?

Глава 13. Нырнуть так нырнуть

Он поднял голову.

На бортике сидела Ася. В купальнике, с большими голубыми глазами, которые смотрели на него с удивлением.

— Ты здесь плаваешь? — спросила она.

— Я здесь тренируюсь, — ответил он.

Она улыбнулась. Он почувствовал, как внутри что-то запело, тоненько так, но сладко. Вода была холодной, а ему стало жарко.

— Присоединяйся, — сказал он. — Дорожки свободна. Ася.

Я замялась. Плавать я умела, но так — чтобы красиво, экономично, без лишних движений. Нет. Моя техника была примерно на уровне «лишь бы не утонуть». И показывать это Кириллу — бывшему пловцу — было стыдно.

— Не стесняйся, — проговорил Кирилл.

Вода оказалась приятно тёплой. Я оттолкнулась и поплыла — по-собачьи, загребая руками как мельница. Кирилл плыл рядом, легко, будто не прилагая усилий.

— Ты слишком много машешь руками, — сказал он, останавливаясь. — И корпус не держишь. Смотри.

Он показал движение: рука входит в воду плавно, почти без брызг, вытягивается вперёд, затем гребок — и снова. Всё это выглядело настолько красиво, что я заворуженно уставил-

лась и не могла отвести глаз.

— Попробуй.

Я попыталась. Получилось как обычно — пшик.

— Давай иначе, — он подплыл ко мне сзади. — Я поддерживаю тебя за талию. А ты просто работай руками.

Его ладони легли на мои бёдра. Даже через купальник я чувствовала жар его пальцев. Меня повело. Я сделала пару гребков, он помогал, слегка направляя.

— Чувствуешь разницу?

— Не уверена, — выдохнула я, потому что единственное, что я чувствовала, — это его руки на моём теле.

— Ладно, — он отпустил меня. — Давай нырять. Набери воздух и нырни, сколько сможешь.

Я набрала побольше воздуха, нырнула — и тут же пожалела. Под водой я перевернулась, не поняла, где верх, где низ, начала бить руками и ногами, как раненая птица. Когда вынырнула, то жадно глотала воздух и отплёвывалась.

Кирилл тут же оказался рядом, подхватил меня, прижал к себе.

— Ты цела?

— Да, — кашлянула я. — Я просто... перепугалась.

Он усмехнулся, но не отпускал. Я обхватила его за шею. Наши лица оказались совсем близко.

— Ты вся мокрая, — сказал он тихо и сглотнул.

— Мы же в бассейне.

Он посмотрел на меня так, что у меня внутри всё запело,

медленно приблизился и поцеловал. Вкусно, глубоко, потом провел языком по моей нижней губе. Я застонала ему в рот.

И почувствовала его внизу — твёрдого, горячего, даже через плавки. Он замер на секунду, словно спрашивая разрешения.

Я сама потянулась к нему, сама провела рукой по его напряжённому животу, опустилась ниже, нащупала край плавков.

— Ася, — выдохнул он, и в голосе была такая смесь страсти и отчаяния, что у меня подкосились колени. — Ты уверена? Вчера ты думала по-другому.

— Сегодня уверена.

Я кивнула.

Его ладонь ушла под воду, нащупала резинку купальника, проскользнула внутрь. Я не успела выдохнуть — два пальца вошли резко, без разминки. Меня выгнуло, я закусила костяшку, чтобы не заорать. В глазах потемнело от накатившего удовольствия, а он смотрел как хищник, не моргая.

Мы дышали в унисон — прерывисто, громко, и даже ослабленная музыка из колонок не могла скрыть наших звуков. Он двигал пальцами внутри меня, а потом вдруг надавил на ту точку, от которой у меня закатились глаза. Я вжалась носом в его щеку, спрятала лицо.

А он сглотнул так тяжело, что я ощутила движение его кадыка щекой. Моя рука сама скользнула к его плавкам, погладила напряжённую ткань.

— Садись на меня, — прошептал он, и его голос разрезал тишину.

В следующий миг мы уже оказались соединены. Он вошёл резко, одним толчком, на всю глубину. Я вскрикнула ему прямо в ухо, вцепилась ногтями в его шею. Он замер, прижал меня к себе, провёл ладонью по моей мокрой спине — успокаивая, хотя его самого трясло.

— Тс-с, — выдохнул он мне в висок.

Я беззвучно усмехнулась, укусила его мочку. Мы зависли так на несколько долгих мгновений, касаясь лбами. Вокруг — только вода и тонкая стенка страха, что кто-нибудь войдёт.

— Я сейчас взорвусь, — процедил он сквозь зубы, и мышцы под моими бёдрами окаменели, я почувствовала, как он дернулся внутри.

Я посмотрела в его глаза. Зрачки расширились настолько, что чернота почти не оставила места для радужки.

Он прижался губами к моему уху:

— Я хочу тебя любить. Всю ночь. У себя дома.

От этих слов у меня побежали мурашки по коже.

Я приподнялась и резко опустилась — приняла его целиком, до самого основания, ловя трение, от которого онемели пальцы на ногах. Он застонал мне в плечо.

И тут за спиной хлопнула дверь.

— О, народ в бассейне! — раздался громкий голос. — Кирилл Андреевич, это вы? А я думал, уже никого нет!

Я отпрянула, как ужаленная. Сползла с него в воду, поправила купальник. Кирилл тоже отошёл, насколько позволяла глубина, и принял вид человека, который просто плавал.

— Добрый вечер, Петр Сергеевич, — сказал он ровно. — Дорожки ваши. Мы уже заканчиваем.

Я, не оглядываясь, рванула к лесенке, выскочила из воды и почти бегом — в женскую раздевалку. В душевой я прислонилась к кафельной стене и попыталась отдышаться. Сердце колотилось где-то в горле. Между ног пульсировало. Внутри всё горело.

— Ася, — прошептала я себе. — Что ты творишь?

Но ответа не было. Только его поцелуи на губах и его запах на коже.

Не прошло и пяти минут, как в дверь раздевалки постучали.

— Ася, — голос Кирилла был хриплым, но спокойным. — Ты здесь?

— Здесь, — пискнула я.

— Выходи. Мне нужно тебе кое-что сказать.

Я натянула одежду и выглянула. Он стоял в дверях — уже переодетый, в джинсах и футболке, волосы мокрые, глаза блестят.

— Поехали ко мне, — сказал он. Не попросил. Не предложил. Просто сказал, как факт.

Я хотела возразить. Спрятаться за «неудобно», «поздно», «мне завтра рано». Но вместо этого кивнула.

— Хорошо.

Он выдохнул — кажется, боялся, что я откажусь. И взял меня за руку одной рукой, а другой взял мою сумку и повёл к выходу.

В машине молчали. Я смотрела в окно, на мелькающие огни, и чувствовала, как колотится сердце. Он как будто тоже приходил в себя и подбирал какие-то слова.

— Ася, — сказал он, не глядя на меня. — Я просто не понимаю, что со мной происходит, совершенно не могу контролировать свое к тебе желание. Но я не из тех, кто ищет себе девушку на одну ночь.

— Я знаю, — ответила я.

Он сжал руль.

— И я не хочу, чтобы с тобой это было разовым приключением.

Я повернулась к нему.

— А что ты хочешь?

— Давай встречаться, у тебя же никого нет?

— Нет, никого, — ответила я шепотом.

Он остановился на красный свет, повернул голову и посмотрел на меня так, что я поняла всё без слов. Возражения не принимаются, да мне и не хотелось возражать, внутри все сладко пульсировало в предвкушении того времени, как мы останемся наедине дома, а об остальном подумаю позже.

Глава 14. Там, где кончается контроль

— Твоя квартира на каком этаже? — спросила я, когда мы зашли в лифт.

— На пятом, — ответил Кирилл и нажал кнопку.

Двери закрылись. Мы остались вдвоём в маленькой кабине, залитой холодным светом. Я посмотрела на него. Он смотрел на меня. Мы были вдвоем связаны маревом желания, погружены на дно и даже окружающие звуки для нас стали тише. Я сделала шаг вперёд, сокращая расстояние, и провела пальцем по его груди, чувствуя, как под рубашкой напряглись мышцы.

— Ты весь дрожишь, почему, — сказала я тихо.

— Это ты виновата — его голос сел на полтона ниже.

Я усмехнулась и прижалась к нему, провела губами по его щеке, чувствуя, как бешено бьётся пульс на его сонной артерии. Он замер, не дыша. Я спустилась ладонью по его животу, нащупала ремень, потянула за пряжку, но он перехватил мою руку.

— Не здесь, — прохрипел он. — Не в лифте.

— Почему? Боишься, что камеры увидят, как ты теряешь контроль?

Он сжал челюсть так, что желваки заходили ходуном.

Лифт остановился. Двери открылись. Я шагнула в коридор, не оглядываясь, и услышала его тяжёлое дыхание за спиной.

Я не могла понять какая муха меня укусила, никогда прежде я не проявляла инициативу так явно с мужчиной, никогда с Димой у меня даже мысли такой не возникала, а тут прямо распирало, как хотелось дразнить Кирилла и мучить.

Может потому, что я чувствовала такую сильную эмоциональную отдачу от него, что мне хотелось увидеть предел его терпения. Хотелось увидеть эту убийственную страсть, как она ломает сильного мужчину, как он становится зависим от моего тела и души.

Я как эмоциональный вампир хотела пиршества. Где-то там на подкорке мозга я чувствовала, что это все не очень здорово, но ничего не могла сделать со своей внутренней черной кошкой, которую разбудил Кирилл своим вниманием и плохо контролируемой страстью.

Где эта смелая кошка до сих пор дремала внутри, почему я ее не видела до сегодняшнего дня?

Он возился с ключами, никак не мог попасть в замок, я стояла и смотрела, как его пальцы дрожат, как он ругается себе под нос и никак не может успокоиться. И эта его нервозность странным образом меня саму успокаивала, я чувствовала свою привлекательность и власть и мне хотелось этим насладиться по полной.

— Помочь? — спросила я, и слегка погладила его плечо, он напрягся и замер, потом продолжил, и со второй попытки

всё же открыл дверь.

— Заходи, уже помогла, — рыкнул он и пропустил меня вперёд.

— Ох, как мне страшно, — сказала я, сделав круглые глаза, вильнула и прошла в коридор.

— Кто эта развратная и соблазняющая женщина? — спросила я себя.

— Куда меня несёт?

Но остановиться уже не могла.

Я не пошла в зал. Я прошла в комнату с большим диваном, повернулась к нему лицом и начала медленно расстёгивать пуговицы на рубашке, наблюдая, как меняется выражение его лица.

— Что ты делаешь? Я думал мы сначала выпьем и поговорим, — сказал он сдавленно и удивленно, остановившись посередине комнаты ещё в уличной одежде и обуви с ключами в руках.

— Раздеваюсь. А ты что думал? Я не хочу говорить.

Я стянула рубашку через голову, осталась в лифчике, потом расстегнула и медленно сняла его. Его взгляд удивлённый и какой-то поплывший упал на мою грудь, и я заметила, как он сглотнул, как его кадык дёрнулся, будто ему не хватало воздуха.

Мне стало вдруг стыдно. Маленькая грудь. Я всегда стеснялась её, прятала в пышных бюстгальтерах. Но сейчас, под его взглядом, я не стала прикрываться. Его живое и такое

искреннее чувство восхищения давало мне очень сильную уверенность в своей красоте. Мне самой казалось, что я прекрасна, как нимфа. Хотелось демонстрировать свою красоту и женственность этому единственному и такому благодарному зрителю.

Кирилл сглотнул и выронил ключи на пол. Потом сделал шаг ко мне, но я протянула руку в останавливающем жесте.

— Не трогай меня, — предупредила я, когда он сделал еще шаг. — Только смотри. Понял?

Он замер. Кивнул. Сел в кресло напротив, попытался расслабиться, но его поза все равно была напряженной, как у зверя перед прыжком. Его мощные плечи подрагивали, он сжимал кистями кресло и это выдавало напряжение, а взгляд, его взгляд был просто сумасшедшим.

Я растегнула джинсы, медленно стянула их, осталась в одних трусиках. Повернулась к нему боком, показывая свои бёдра, немного полные, с целлюлитом, которых я тоже стеснялась раньше. Но его взгляд был голодным. Он не отводил глаз. Ему все очень сильно нравилось. Скорее всего он просто не видел мой целлюлит.

— Чего ты добиваешься, Асенька? Распалить меня еще больше? Так я тебя огорчу – больше уже не куда, меня скоро сорвет и тогда пощады будешь просить ты, — прошептал он как-то зло и яростно, выплевывая слова.

— Я ещё не начинала тебя распалять, что ты.

Взгляд Кирилла потемнел еще больше, скулы стали ост-

рыми, губы недовольно сжались. Было видно, что он из последних сил заставляет себя держаться в стороне и руки его подрагивают от сильного желания наброситься на меня.

Я опустилась на диван, вытянулась на спине, провела рукой по животу, спустилась к трусикам. Он сидел и смотрел, не смея приблизиться, тяжело дышал, как будто пробежал стометровку. Я скользнула пальцами под резинку, провела медленно, и из моих губ вырвался тихий стон.

— Ася, — его голос сорвался на хрип. — Не мучай меня, я хочу сам это делать.

— Подожди? — проворковала я, не прекращая движений.

— Позволь мне, иначе я сорвусь и просто тебя сожру.

— Нет. Сначала посмотри.

Я зажмурилась, откинув голову на подушку дивана, и продолжила ласкать себя. Его тяжёлое дыхание заполняло комнату, смешиваясь с моими тихими стонами. Я чувствовала его взгляд, он прожигал мою кожу, он был везде.

И тут я услышала шорох ткани, какое-то быстрое движение, а потом его руки обхватили меня.

Я почувствовала руки на моих бёдрах, они раздвинули их, и его горячее дыхание коснулось меня там.

— Ну все, твоя власть закончилась, маленькая ведьма, теперь моя власть и я буду тебя, — прошептал он. — Ты даже не представляешь, как горячо.

— Тогда покажи, — ответила я, открывая глаза, внутри все вибрировало от страха или предвкушения.

Кирилл лихорадочно целовал меня везде, присасываясь и оставляя следы и метки, при этом он стонал, урчал, совершенно не стесняясь, показывая свое раскрепощение или не имея сил сдерживать то, что рвалось наружу. Он метил мою грудь, мой живот, мои бёдра. Он спускался всё ниже, и когда его язык коснулся меня, я вцепилась в его волосы и закричала — громко, не стесняясь, потому что внутри всё плавилось и пульсировало, и я уже не принадлежала себе.

Его язык проник в меня, руки сильно сжали, потом он содрогнулся и я услышала громкий стон. Он резко отстранился и напрягся. Я посмотрела в его глаза.

Они изменились. Стали тёмными, почти чёрными. В нем не осталось ничего от прежнего сдержанного начальника. Только голод.

— Я хотел быть нежным с тобой, с такой хрупкой девочкой? — его голос был низким, хриплым, срывающимся. — но ты все сделала наоборот, теперь у меня нет сил сдерживаться?

Я замерла, не понимая, что происходит или, напротив, прекрасно понимая, что я добила того чего хотела — пробудила в Кирилле его зверя.

— Ты провоцировала меня весь вечер, — он навис надо мной, накрывая своим телом, — В лифте. В коридоре. На диване. Ты хотела, чтобы я сорвался. Вот я сорвался.

— Кирилл...

— Молчи, — и он впился в мой рот со злостью.

Мона Райд

РАЗВОД

Терапия Чувствалии

Дорогие читатели!

ПРАЗДНИЧНЫЕ СКИДКИ НА МОИ КНИГИ!

12 июня — День России. Праздник, который напоминает нам о том, как велика и прекрасна наша страна. О её людях с добрыми сердцами, о культуре, в которой переплелись тысячи судеб и историй.

Пусть в этот день в каждом доме будет мир и тепло. Пусть над головой всегда будет чистое небо, а рядом — те, кто делает жизнь счастливее. Мы — Россия. Разные, но единые. И в этом наша сила.

С праздником!

А теперь — приятные новости для тех, кто любит читать сердцем.

В честь праздника действуют скидки на мои книги «Ошибка в контракте»

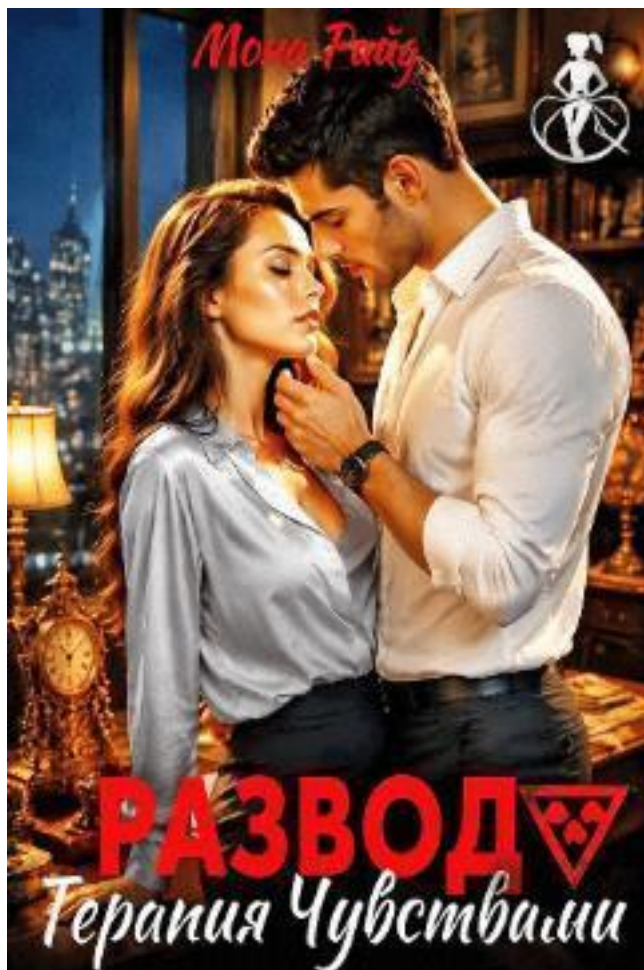
<https://litnet.com/shrt/p3zF>

Мона
РАЙД

Шинджа

Глава 15. Игра без правил

Потом схватил меня за запястья и завёл их за голову, прижимая к дивану одной рукой. Другой рукой он расстегнул свои брюки, освобождая себя— твёрдого, пульсирующего.

— Видишь, что ты со мной сделала? — он посмотрел на меня, и в его взгляде было что-то первобытное. — Я еле себя сдерживал, когда ты просто находилась рядом. А когда ты начала ласкать себя..., я чуть не кончил прямо в штаны, но ты этого не дождешься, все будет только в тебя или на тебя.

Он наклонился и прошептал мне в ухо, жёстко, с нажимом:

— Но теперь я буду трахать тебя так, как хочу. Долго и глубоко. Ты будешь кричать, Ася. Ты будешь умолять меня остановиться. Но я не остановлюсь.

Его слова ударили в низ моего живота. Я почувствовала, как внутри всё сжалось, как между ног стало мокро и горячо. Я хотела этого. Я добивалась этого. И теперь он давал мне то, что я просила — без цензуры, без прикрас. Прекрасного зверя в его страстном оскале.

— Давай, — прошептала я, глядя ему в глаза. — Покажи на что ты способен.

Я в ужасе слушала себя, и не понимала, зачем я себя так веду, как будто кто-то другой вселился в меня и дергал за язык, вкладывал в мой рот слова, которые бы я никогда раньше не произнесла.

Он зарычал и вонзился в меня одним резким толчком, без подготовки, без прелюдии, но я была такая мокрая, что мне

уже было все равно, было прекрасно и так. Но все же, резкое вторжение его немаленьких размеров было неожиданным. Я вскрикнула, вцепилась ногтями в его плечи. Он замер, давая мне привыкнуть, но его дыхание было тяжёлым, прерывистым, и я чувствовала, как внутри меня он пульсирует.

— Какая же ты узкая..., — выдохнул он. — Тесно так... горячо. Б...ь, как же хорошо.

Он начал двигаться. Сначала медленно, потом быстрее, жёстче. Каждый толчок отдавался в моём теле, я чувствовала, как он заполняет меня до самого основания, как его бёдра ударяются о мои. По комнате разносились звуки — влажные шлепки, его стоны, мои всхлипы.

— Громче, — приказал он. — Я хочу слышать, как тебе хорошо.

Я застонала. Он ускорился, и я закричала, потому что внутри всё взорвалось, потому что каждое движение отзывалось пульсацией во всём теле. Я чувствовала, как приближается оргазм, как он поднимается откуда-то из живота, разворачивается, захватывая всё тело и голову тоже, и я корчусь в каких-то чудовищных сладких муках. В голове пронеслась мысль, что выгляжу я, наверное, как помешанная в конвульсиях, но мысль эта улетела, не оставив даже следа, так меня колотило и выгибало в спазмах удовольствия.

Кирилл немного замедлился, когда меня перестало так сильно колотить, а потом вышел из меня.

Я простонала от разочарования.

— Что ты..., — я понимала, что сам он еще не пришел к финалу.

— Ещё рано, — он перевернул меня на живот, приподнял за бедра и вошёл снова, тем самым продлевая мои сладкие спазмы и выводя их на второй круг. Теперь он проникал ещё глубже, и я вцепилась в подушку, не в силах сдерживать крики.

— Считай, — прорычал он. — Каждый раз.

— Один... два... три...

Я сбилась, потому что каждый толчок выбивал из меня воздух. Он был повсюду. Его запах, его руки. Я забыла, кто я, где я. Остался только он. И мои сладкие спазмы и крики.

— Ася, — выдохнул он, замедляясь. — Посмотри на меня.

Я сначала даже не поняла смысла его слов, но потом повернула голову. Его лицо было мокрым от пота, глаза блестя, и он смотрел на меня с такой нежностью, которая не вязалась с его жестокими движениями.

— Ася... ты чудо.... Я так любл....., — сказал он. — Ты просто оху...тельная!

Он кончил через несколько секунд, с глухим стоном, впиваясь пальцами в мои многострадальные бедра. Я чувствовала, как его мышцы напрягаются, как внутри меня бьёт горячая струя, как он пульсирует и сокращается. И это было за какой-то уже другой гранью ощущений.

Мы замерли, тяжело дыша, нас обоих сыто потряхивало.

Потом он перевернулся на спину, утягивая меня за собой. Я лежала на его груди, слушая, как бешено колотится его сердце. И с трудом соображала, слышалось ли мне в пылу страсти или он действительно сказал, что любит?

— Ты оху...ная, — прошептал он. — Я никогда... никогда так не хотел женщину. Нет не так, у меня никогда не было такой оху..ельной женщины, как ты. Где ты была все это время, почему мы потеряли столько лет?

— Где была, там уже нет, — выдохнула я и скривилась от искусственности моих слов. Они позвучали так плоско по сравнению с его открытостью. Он не боялся говорить откровенно и показывать свои чувства, а я почему-то закрылась.

— Ты тоже неплох, — ответила я.

Он усмехнулся и поцеловал меня в макушку.

— Это было только начало, — сказал он. — У нас вся ночь впереди.

— Что? А как же отдых? Или ты думаешь, что завтрашние выходные все спасут? — ответила я и закрыла глаза, чувствуя, как его руки гладят мою спину.

Кирилл только предвкушающе улыбнулся, поднялся, взял меня на руки и понёс в спальню.

— Теперь — кровать, — сказал он. — И никаких ограничений, отоспимся завтра в субботу.

Я прижалась к нему и прошептала:

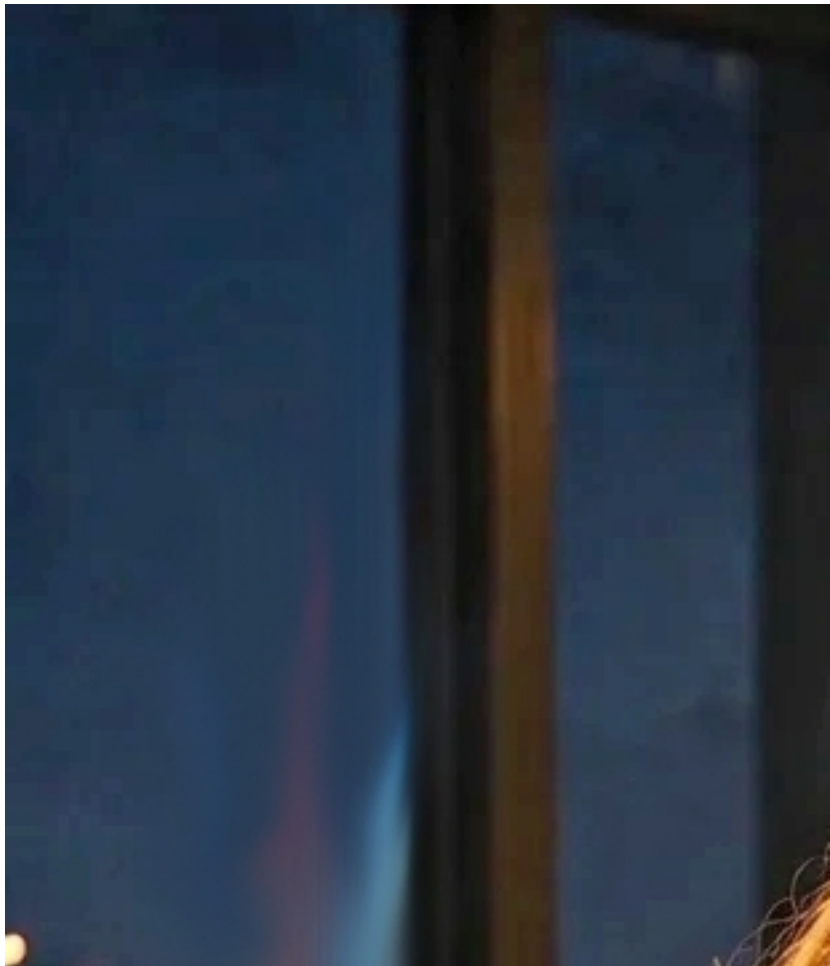
— Боюсь представить, что будет дальше.

Он толкнул дверь ногой и аккуратно опустил меня на про-

хладную простыню.

— Увидишь, — ответил он загадочно и навис надо мной.

Глава 16. Всё, что не сказано

А потом была ночь.

Такая ночь, когда слов больше не нужно. Когда воздух становится таким плотным, что его можно пить губами. И мы пили. Друг друга. Медленно, как дорогое вино, которое не хочется допивать до дна.

Кирилл потом лежал рядом, на боку, и смотрел. Просто смотрел на меня, не отрываясь, водил кончиками пальцев по моей руке — от плеча до локтя, от локтя до запястья, там, где бился мой пульс. И я чувствовала, как под его пальцами он ускоряется. Как моё тело отвечает ему раньше, чем я успеваю подумать.

— У тебя кожа... как шелк, — прошептал он. — Под моими руками.

Он улыбнулся. Не так, как на работе — официально, а как-то по-домашнему, с милыми морщинками у глаз. И я подумала: «Он красивый. Не как на обложке журнала, а как утро, когда ты проснулся и ещё не знаешь, что день будет хорошим».

Кирилл наклонился и поцеловал меня — не жадно и требовательно, а так, будто пробовал на вкус. Самый обыкновенный поцелуй. Губами прижался к моим губам, отстранился, посмотрел в глаза, снова прижался. Я засмеялась.

— Что?

— Ты какой-то... другой.

— Какой?

— Осторожный.

Он кивнул. И правда, все его движения стали плавными, неторопливыми, сытыми. Он убрал прядь волос с моего лица, провёл костяшками пальцев по скуле, остановился на подбородке, приподнял его.

— Извини за жест с моей стороны, накопилось и просто сорвало кран. Я хочу запомнить тебя такой, — сказал он тихо. — Расслабленной, без этой вечной тревоги в глазах. Ты нравишься себе, когда я смотрю на тебя?

— Не знаю, — ответила я и задумалась. — Я никогда об этом не думала.

— А зря. Потому что ты нравишься себе. Поверь мне. Я это вижу.

Он лег на спину и потянул меня за собой, устраивая у себя на груди. Я чувствовала, как бьётся его сердце — ровно, спокойно, но с каждым моим вздохом ускоряется.

— У тебя удивительные волосы, — сказал он, пропуская пряди сквозь пальцы. — Они пахнут не шампунем. Чем-то сладким. Ириской?

— Ты нюхаешь ириски?

— Нет. Я нюхаю тебя.

Я закрыла глаза и замерла. Он водил носом по моей макушке, по виску, спустился к уху, и я почувствовала, как мурашки побежали по шее, по рукам, по всему телу. Неторопливо. Будто кто-то невидимый водил по мне тёплой кисточкой.

— Я никогда не думала, что меня можно так... трогать,

— выдохнула я. — Просто пальцами. Просто по коже.

— А как тебя трогали до меня?

— Быстро. Как будто торопились куда-то.

Он промолчал. Потом чуть отстранился, взял мою ладонь, разжал её, заглянул внутрь.

— Здесь, — сказал он, проводя пальцем по линии жизни, — у тебя ещё много места. Для того, что будет. Не зацикливайся на прошлом, забудь о нем.

Я посмотрела на наши руки — его большую, с мощными пальцами, и мою маленькую, тонувшую в его ладони.

— Ты... философ или психолог? — спросила я, чтобы скрыть смущение.

— Спортсмен. Мы, когда не плаваем, думаем о всяком.

Он рассмеялся, и я вместе с ним. И в этом смехе не было ничего сексуального — он был тёплым, человеческим, таким, после которого хочется спросить: «А что ты любишь есть на завтрак?», а не «Что ты хочешь со мной сделать?». И мы говорили. О всякой ерунде. О том, что он терпеть не может суши. О том, что я мечтаю научиться плавать кролем. О том, что утром нужно обязательно заказать доставку овсянки с ягодами и не готовить самим.

Слова лились медленно, между ними были паузы, когда мы просто смотрели друг на друга и молчали. И это молчание было громче любых признаний.

Потом он снова поцеловал меня. В уголок губ. В щёку. В мочку уха.

Я обняла его за шею и прижалась к нему, вдыхая его запах. Он пах уже не парфюмом, а собой. И мне казалось, что этот запах останется со мной навсегда.

— Извини, что тормозила, — прошептала я. — Что убегала. Что не верила.

— Не извиняйся. Ты просто человек. Имеешь право бояться.

— А ты? Ты боишься?

— Очень. — Он помолчал. — Я боюсь, что ты исчезнешь. Когда поймёшь, что я могу быть невыносимым, злым, уставшим, поломанным.

— Я тоже могу быть невыносимой, — ответила я.

— Тогда мы оба с причудами, — он улыбнулся. — Значит, друг друга стоим. Но я тебя узнал и больше не отпущу никуда.

Мы снова замолчали. Я лежала на его груди и слушала, как стучит его сердце — медленно, успокаивающе. И в какой-то момент я почувствовала, что он снова твёрдый. Но он не спешил. Водил рукой по моей пояснице, мягко, рассеянно, словно гладил кошку.

— Кирилл... — начала я.

— Тише, — перебил он. — Просто будем рядом. Мне этого уже достаточно.

— А мне — нет.

Я подняла голову и посмотрела на него. Его глаза в темноте казались бездонными.

— Тогда скажи мне, — прошептал он, касаясь моими волосами своих губ, — что именно ты хочешь.

— Чтобы ты был внутри. Чтобы я чувствовала, как ты дышишь. Как твои мышцы напрягаются и расслабляются. Чтобы мы смотрели друг на друга и не отводили глаз.

Он перевернулся на бок, взял мою ногу и перекинул через свою талию, притягивая меня вплотную. Я чувствовала его — горячего, пульсирующего. Но он не торопился. Водил по мне, собирая влагу, и смотрел в глаза.

— Ты чувствуешь? — спросил он.

— Что?

— Как я сдерживаюсь сейчас. Как меня трясёт. Как хочется просто войти и...

— И?

— И не сдерживаться.

Он вошёл. Медленно. По сантиметру. Я выдохнула и зажмурилась.

— Не закрывай глаза, — попросил он.

Я открыла. Его лицо было близко-близко. Он двигался плавно, будто хотел продлить это мгновение. Я чувствовала его дыхание на своих губах, его пальцы, переплетённые с моими.

— Ты такая... мягкая, — прошептал он. — И сладкая, и даже дыхание у тебя сладкое, ягодное.

— А ты твёрдый, — ответила я и задохнулась.

Он усмехнулся и ускорился. Самую малость. Наши вздо-

хи стали чаще, прерывистее. Мы дышали в унисон — вдох, выдох, движение, пауза.

— Сейчас, — прошептала я и сжалась внутри от подступившей волны удовольствия.

— Знаю. Я тоже.

Я взлетела первой. Без звука, просто замерла, задержала дыхание и почувствовала, как всё тело пронзила мелкая дрожь, как волна прошла от макушки до пяток. Он замер вместе со мной, не двигаясь, давая мне прожить это до конца.

Я расслабилась, и он начал двигаться снова. Легко, нежно, почти невесомо, потом все быстрее и интенсивнее, пока не кончил сам, через минуту, уткнувшись лицом мне в шею, прерывисто выдыхая моё имя.

Мы лежали, переплетённые, и я чувствовала, как его сердце постепенно замедляется. Как он гладит мою спину, всё так же мягко, рассеянно.

— Ася, — сказал он.

— Мм?

— Ты никуда не убежишь от меня?

Я замерла. Он сказал это так просто, будто комментировал погоду.

— Нет, не убегу, постараюсь.

Он притянул меня к себе и укрыл одеялом.

— Спи. Утро будет добрым. Я обещаю.

Я закрыла глаза. И впервые за долгое время засыпала не с

тревогой, а с лёгким предвкушением. За окном уже серело, но мы оба знали — утро подождёт.

Глава 17. Тот, кто остаётся

Утро началось с того, что я почувствовала тяжесть на своём теле.

Нет, не так. Я почувствовала его.

Кирилл лежал на спине, а я — на нём, уткнувшись носом в его грудь. Моя рука покоилась у него на животе, и под пальцами ощущалось, как мышцы медленно поднимаются и опускаются в такт дыханию. В комнате было прохладно, но под одеялом — жарко. И этот жар шёл не от батарей.

Я не открывала глаза. Мне хотелось продлить этот момент. Вдохнуть его запах — тот самый, который остался на подушке и на моей коже после ночи.

Он вдруг пошевелился. Медленно провёл ладонью по моей спине — от поясницы до затылка, и я почувствовала, как по позвоночнику пробежали мурашки.

Я подняла голову и посмотрела на него. Он лежал с закрытыми глазами, и в утреннем свете его лицо казалось не таким суровым. Расслабленным. Домашним. Я провела пальцем по его скуле, по щетине, которая уже начала проступать.

Он открыл глаза. Карие, тёплые, с лёгкой усталостью. И улыбнулся как-то по-мальчишески, с ямочкой на щеке, которую я раньше не замечала.

— Ты красивая, — сказал он.

— Я не причесана и не умыта.

— Тем более.

Он притянул меня к себе и поцеловал. Я закрыла глаза и почувствовала, как его язык касается моих губ, как его рука скользит по моей спине, прижимая ближе. И я снова таяла, как мороженое на солнце.

— Остановись, — выдохнула я, отрываясь. — У нас ещё целый день.

— А у нас есть целый день? — он приподнял бровь.

— Я никуда не спешу.

— Я тоже, — он перевернул меня на спину и навис сверху.

— Но сначала — завтрак. Ты голодна?

Я прислушалась к себе. Живот урчал.

— Кажется, да.

— Тогда вставай. Я всё равно не смогу сосредоточиться на тебе, если ты будешь урчать, как мой кот.

— У тебя нет кота.

— Будет когда-нибудь, — он усмехнулся и встал с кровати. Я залюбовалась им — его плечи, его спина, его узкая талия. И шрамы. Я заметила их только сейчас — несколько белых линий на лопатках. Старые, зажившие.

— Откуда это? — спросила я, не удержавшись.

Он натянул штаны и обернулся.

— Старые истории, — Кирилл провёл пальцем по одному из шрамов. — Плавание. Травма. Точнее, её последствия. Две операции, потом реабилитация, которую я провалил, потому что не хотел смириться.

Я молчала, глядя на него.

— Я был пловцом. Профессиональным, — Кирилл сел на край кровати и посмотрел в окно. — Не олимпийским чемпионом, но стабильно входил в пятёрку по стране. У меня были спонсоры, поездки, сборы. И родители, которые мечтали, чтобы я стал дипломатом. Они вложили в меня кучу денег — языки, этикет, музыка. И ждали, что я пойду по их пути. А я выбрал бассейн.

— Что они сказали?

— Отец сказал: «Ты позоришь семью». Мать плакала. Я ушёл из дома в семнадцать. Снял комнату в общежитии, работал грузчиком по ночам, чтобы оплачивать тренировки. Хотел доказать, что я сам... что могу без них.

Он замолчал, и тишина стала тяжёлой.

— А потом — травма, — Кирилл потёр плечо, заныло. — Разрыв вращательной манжеты за полгода до отбора на Олимпийские игры. Врачи сказали: «В большой спорт не вернёшься». Я не поверил. Прошёл две операции, но плечо так и не стало прежним. Пришлось уйти.

— А родители? — тихо спросила Ася.

Он усмехнулся горько.

— Отец не звонил. Мать присылала деньги, но я возвращал. Потом я взял себя в руки, нашел поддержку, открыл фитнес-клуб.

Ася подошла и села рядом, положив руку ему на плечо.

— А теперь? — спросила она.

— Родители давно уже живут в Испании, — Кирилл накрыл её ладонь своей. — Но мне уже всё равно. У меня теперь есть ты.

Я кивнула. Не стала настаивать больше на разговоре. У нас еще будет время.

На кухне он поставил варить кофе и достал из холодильника яйца.

— Ты умеешь готовить? — спросила я, усаживаясь на барный стул и кутаясь в его халат.

— Я умею не умереть с голоду. Этого достаточно?

— Для начала — да.

Он разбил яйца в миску, добавил молоко, взбил венчиком. Я смотрела на его руки — сильные пальцы, аккуратные движения. Он делал это не спеша, словно медитировал.

— Ты всегда так делаешь? — спросила я.

— Что именно?

— Готовишь для двушки завтрак после...

Он усмехнулся, не оборачиваясь.

— Это мой первый завтрак для девушки после. Так что не знаю.

— Ну, у тебя же были девушки?

— Были...., — сказал он задумчиво.

— Но все это было как будто не со мной, как будто репетиция перед встречей с тобой.

Я замолчала. Внутри что-то перевернулось. Он тоже чувствовал это — новизну. Трепет. Страх, что всё это может за-

кончиться так же внезапно, как началось.

Он поставил передо мной тарелку с омлетом и чашку кофе.

— Ешь.

— А ты?

— И я.

Он сел напротив и стал смотреть, как я ем. Не отводя взгляда. Я чувствовала себя немного неловко, но приятно. Омлет, кстати, был вкусным.

— Что? — спросила я, прожевав.

— Ничего. Просто смотрю.

— Ты странный.

— Знаю.

Он взял мою руку, положил на стол, начал водить пальцем по моей ладони, изучая линии.

— У тебя длинная линия жизни, — сказал он.

— Ты ещё и хиромант?

— Просто замечаю детали.

— А что ещё ты заметил?

Он посмотрел на меня, и в его глазах я увидела что-то серьёзное.

— Что ты боишься. Боишься, что я передумаю. Боишься, что я окажусь таким же, как твой бывший.

Я замерла. Он знал. Он всё про меня знал.

Глава 18. Поломанные

— Я не он, Ася, — сказал Кирилл тихо. — Я никогда не подниму на тебя руку. Я не умею врать и не умею притворяться. Я могу быть резким, я могу быть жёстким, но я не заставлю тебя бояться меня.

— Я не боюсь, — сказала я, но голос дрогнул.

— Боишься. И это нормально. Я тоже боюсь.

— Ты? Чего?

Он встал, подошёл к окну, засунул руки в карманы.

— Я боюсь, что ты отшатнёшься, когда узнаешь меня поближе.

Я подошла к нему, обняла со спины, прижалась щекой к его лопаткам.

— Я постараюсь все понять, — сказала я. — Я сама после развода не очень-то стабильна. У меня есть свои тараканы. Синдром спасателя, например. Я привыкла всех спасать, а когда спасают меня — теряюсь. Мы оба поломанные. Но, может, именно поэтому мы сможем подойти друг другу. Мы будем справляться с этим вместе.

Он повернулся, взял моё лицо в ладони.

— Ася, — сказал он, отстранившись. — У меня к тебе вопрос и он вытекает из моего недостатка, я очень ревнивый.

— Да?

— Твой бывший. Он всё ещё беспокоит тебя?

Я замерла. Вопрос был неожиданным.

— Иногда звонит, — призналась я. — Пишет, что очень виноват за тот вечер на парковке.

— И что ты ему отвечаешь?

— Ничего. Я ничего не отвечаю.

— Но ты не заблокировала его? Он все еще может писать тебе сообщения?

Я опустила глаза. Это была правда. Я не заблокировала. Потому что внутри теплилась глупая надежда, что он изменится, что он поймёт, что он перестанет быть тем, кем был и тогда я точно успокоюсь.

— Потому что ты всё ещё надеешься, — сказал Кирилл. — Надеешься, что когда-нибудь он перестанет быть мудаком и станет тем, кого ты когда-то полюбила?

Я промолчала.

— Ася, — голос Кирилла стал твёрже. — Он не изменится. Я знаю таких. Они не меняются. Они могут быть милыми, когда им что-то нужно, но как только ты дашь слабинку — он вернётся и будет давить на ту же боль. И я не хочу, чтобы это происходило. Я не хочу, чтобы он отнимал у тебя время и силы. И я не хочу, чтобы ты даже думала о нём, я хочу быть в твоей жизни единственным мужчиной, и чтобы бывшие тебя не беспокоили.

— Что ты предлагаешь?

— Заблокируй его. Полностью. И перестань с ним общаться. Я не говорю, что ты должна сделать это прямо сей-

час, но я прошу тебя подумать об этом. Ради нас.

— И если он полезет к тебе еще раз, то разговор он уже будет иметь со мной.

Я смотрела в его глаза. В них не было агрессии. Только беспокойство. И какая-то детская уязвимость, которую он не показывал никому.

— Я подумаю, — сказала я наконец.

— Это всё, о чём я прошу, — он поцеловал меня в лоб.
— Подумай. Иначе мне будет очень трудно справляться с ревностью.

Мы вернулись к завтраку. Ели молча. Но тишина была не тяжёлой — она была уютной. Я чувствовала его присутствие, его тепло, его заботу. И понимала, что он прав. Дима — это прошлое. А Кирилл — возможное будущее. Или, по крайней мере, настоящее. И я не хотела это настоящее портить. Но за Диму сердце тоже болело.

После завтрака Кирилл ушёл в душ. Я осталась на кухне, пила кофе и смотрела в окно. Я думала о его словах. О Диме. О том, что он никогда не изменится. И о том, что я не обязана его спасать. Что я имею право на свою жизнь.

В комнате было прохладно, но из ванной тянуло паром. Я слышала шум воды. Я подошла к двери, толкнула её.

Кирилл стоял под струями, спиной ко мне. Вода стекала по его плечам, по мощной спине, по узкой талии. Я замерла, разглядывая капли, которые срывались с его лопаток и бежали по рёбрам. Мне показалось, что я вижу каждый мил-

лиметр его мышц, каждое движение, когда он чуть поворачивал голову.

«Ты будешь долго стоять в дверях?» — спросил он, не оборачиваясь. Голос низкий, с хрипотцой.

Я разделась. Стянула футболку, бросила на стиральную машину. Шагнула под воду. Он сразу прижал меня к себе, и я почувствовала его кожу — горячую, мокрую, с капельками, которые стекали на меня. Его руки легли на мои бёдра, пальцы вжались в ягодицы.

Он усмехнулся и поцеловал меня в ключицу. Я выдохнула, откинула голову. Вода лилась на лицо, но я не закрывала глаза.

Он повернул меня спиной к себе, прижал к стене. Плитка была прохладной, но его тело — обжигающим. Я чувствовала, как он упирается мне в поясницу, твёрдый и напряжённый.

Кирилл не торопился. Он гладил мой живот, поднимался выше, сжимал грудь, а его пальцы касались груди так легко, что я задерживала дыхание. Я слышала, как его дыхание сбивается, как вода стучит по кафелю, как внутри меня всё сжимается от предвкушения.

Потом Кирилл развернул меня к себе, и я сама потянулась, провела пальцами, собрала капли воды. Он застонал, прижался лбом к моему лбу.

Кирилл поднял меня, прижал к стене, и я обвила его ногами. Он вошёл медленно, до самого основания, и мы замерли.

Вокруг — только пар и звук воды. Он начал двигаться, и я вцепилась в его плечи, чувствуя, как каждый толчок отдаётся в кончиках пальцев.

Мы взлетели почти одновременно. Он — с глухим стоном, уткнувшись мне в шею. Я — беззвучно, закусив губу, чтобы не закричать.

Потом он выключил воду, и мы стояли, обнявшись, под тихие шлепки капель. Он гладил мою спину, я целовала его.
— Теперь точно доброе утро, — сказал он и улыбнулся.
— Ну что, пошли гулять?

Глава 19. Короткое воскресенье

После душа мы наконец-то вышли на улицу. Город встретил нас свежим ветром и первыми робкими лучами солнца. Кирилл взял меня за руку, и мы побрели по набережной.

— Куда хочешь? — спросил он, глядя на чаек, кружащих над водой.

— Не знаю. Просто иди.

Мы бродили по узким улочкам старого центра, заглядывали в витрины антикварных магазинов. Кирилл рассказывал про здания, которые когда-то были купеческими особняками, а я слушала и думала о том, как странно: ещё неделю назад мы были чужими, а теперь я знаю, как пахнет его шея, как он морщит нос, когда пьёт слишком горячий кофе.

— Ты голодна? — спросил он, когда мы остановились у маленькой уличной кофейни.

— Немного.

Он купил два стакана капучино и два круассана с шоколадом. Мы сели на скамейку у фонтана, который ещё не работал, но его уже чистили. Я откусила круассан, крошки посыпались на куртку.

— Ты вся в шоколаде, — Кирилл провёл пальцем по уголку моих губ и облизал. — Вкусно.

— Круассан или я?

— Ты.

Он поцеловал меня и стал потихоньку полизывать губы, благо вокруг не было никого на соседних лавочках.

Потом мы пошли в парк. Там было пусто — только редкие прохожие с собаками да пара мамочек с колясками. Мы нашли укромную скамейку под старым дубом, сели на неё, и Кирилл обнял меня.

— Холодно? — спросил он.

— Нет. С тобой тепло.

Мы молчали. Смотрели на небо, на облака, которые медленно плыли куда-то на запад. Я думала о том, что с ним могу молчать. Не придумывать темы. Просто быть.

— Ася, — сказал он вдруг.

— М?

— Я хочу, чтобы этот день не кончился.

— Он кончится, — я улыбнулась. — Но будет следующий.

— Обещаешь?

— Обещаю.

К обеду мы были голодными, как два волка после зимней спячки. Кирилл долго листал карты в телефоне, потом поднял на меня глаза:

— Ты как относишься к итальянской кухне?

— Обожаю, — честно призналась я. — Но если там будет слишком дорого, я закажу только салат.

— Забудь, плачу же я, — он усмехнулся и повёл меня через парк к небольшому ресторанчику с красно-белыми ска-

тертями.

Внутри пахло базиликом, пармезаном и ещё чем-то невероятно вкусным. Мы сели за столик у окна. Официант принёс меню, и я уставилась на страницы, чувствуя, как слюнки текут.

— Что будешь? — спросил Кирилл, даже не открывая свою папку, а глядя на меня.

— Всё, — выдохнула я. — Я хочу всё.

Он заказал пиццу «Маргариту», пасту «Карбонару» и салат. Я — себе салат с креветками и ещё пасту, но с трюфелем. И бутылку вина.

Когда принесли еду, я забыла о приличиях. Схватила вилку и намотала на неё спагетти. Кирилл смотрел на меня и улыбался.

— Ты прямо, как ребёнок, — сказал он.

Он рассмеялся и налил вина. Я отпила глоток — терпкое, сухое, с тёплым послевкусием.

— За нас, — он поднял бокал.

— За нас.

Мы чокнулись. Я съела половину пиццы, салат и пасту. Официант принёс мне десерт и очень вкусный чай.

— Знаешь, — сказал Кирилл, вытирая мне уголок губ салфеткой, — я никогда не думал, что буду смотреть, как женщина уплетает пиццу, и считать это самым сексуальным зрелищем в жизни. У тебя даже язычок мелькает, как у кошечки. И вызывает у меня совсем не гастрономические фанта-

зии.

— Тебе просто повезло, — отшутилась я. — Сегодня я за столом грациозна и соблазнительна, как никогда. А так обычно ем в два раза больше и страшнее.

— Я не против. Главное, чтобы ты не лопнула раньше вечера.

Мы рассмеялись, и я поймала себя на мысли, что с ним даже еда — это приключение.

Вечером мы вернулись в квартиру. Приготовили ужин в четыре руки — мясо с рисом и салат. Ели прямо в кровати, смотрели какой-то старый фильм, который шёл по телевизору, и не видели ни одного кадра.

Потом Кирилл убрал тарелки, выключил свет, кроме светильников.

Он долго целовал меня. Его руки скользили по моей спине, опускались ниже, но не спешили. Он хотел, чтобы я растаяла.

— Ложись, — прошептал он, и я послушалась.

Он спустился вниз. Я чувствовала его дыхание на своём животе, на бёдрах, а потом всё смешалось — его язык, мои пальцы, зарывшиеся в его волосы, его тихие стоны и мои, которые я не могла сдержать. Я закрыла глаза и потеряла счёт времени. Было только его тепло, его руки, сжимающие мои бёдра, и волна, которая накрывала с головой, уносила куда-то, где нет ничего, кроме нас.

Я простонала, выгнувшись, вцепившись в простыни.

— Теперь ты, — шепнула я, помня, как он смотрел на мой «язычок», когда я ела в ресторане.

Его дыхание сбилось, когда я коснулась его губами. Он был твёрдым, горячим, и от каждого моего движения по его телу пробегала дрожь. Он не торопил, только гладил мои волосы, направлял руками голову и шептал: «Асенька... Ашшш... Ещё... ».

А потом, он притянул меня к себе и долго не отпускал.

— Это было круто, — сказал он в темноту.

— Это точно.

Мы уснули переплетённые, уставшие, но абсолютно счастливые.

Я проснулась рано утром в воскресенье от того, что низ живота тянуло знакомой болью. Щёлкнула внутренняя кнопка: «Приехали. Женские дни». Я лежала, боясь пошевелиться. Рядом спал Кирилл, его рука была на моём бедре.

— Ты чего не спишь? — спросил он сонно, не открывая глаз.

— Кирилл... мне нужно домой.

Он открыл глаза, посмотрел на меня.

— Что случилось?

— У меня... начинаются критические дни. Я не хочу здесь... не готова... понимаешь?

Он сел, потёр лицо.

— Не очень, но если тебе не комфортно. Сейчас позав-

тракаем и поедем.

Я ждала, что он начнёт уговаривать остаться, скажет, что ему всё равно, что он даже любит эти дни, когда можно забить на контрацепцию, так любил говорить Дима. Но он молча встал, оделся, мы позавтракали творогом и кофе и стали собираться и выходить. Никаких обид, никаких претензий.

Я даже подумала, что может быть ему уже надоела своим присутствием, где-то глубоко у меня была мысль, что нужно было уехать еще в пятницу и не оставаться у него на ночевку, чтобы подольше его интерес ко мне не остыл, но проведенная Ленкой работа по поводу того, что я достойна счастья и я могу делать то, что мне самой очень хочется, а не думать о том, как это скажется на окружающих, имела результат. Я махнула рукой и осталась у него настолько, насколько мне было комфортно. Теперь же мне, стало не комфортно, и я уезжаю. Ленка бы меня похвалила.

В машине мы молчали. Только у моего подъезда он взял мою руку.

— Ася, — сказал он. — Твои критические дни — это не конец света. Я бы оставил тебя, если бы ты позволила.

— Я знаю. Просто... мне неудобно.

— Мне с тобой не бывает неудобно, — он поцеловал меня.

— Когда будешь готова, дай знать. Я буду очень ждать.

— Дам.

Я вышла из машины у своего дома. Кирилл стоял и ждал, когда я зайду в подъезд, потом только уехал. А я поднялась

в квартиру, зашла и присела на пуфик в прихожей.

«С ним можно быть любой», — подумала я. — «Даже в критические дни он принимает меня, как человека».

И от этой мысли стало тепло и спокойно.

Глава 20. Домашний детокс

Я с трудом добралась до своей кухни, повесила куртку и рухнула на табуретку. Низ живота тянуло знакомой, ноющей болью — приехали, как всегда, не вовремя. Критические дни начинали свой ежемесячный танец, и мне хотелось только одного: свернуться калачиком и не двигаться.

Но я же врач-диетолог. Я знала: в такие дни женскому организму нужна чрезвычайная поддержка. И с точки зрения питания, и с точки зрения психики. Нельзя просто лежать и страдать — надо помогать себе.

Я заставила себя встать и открыла кухонный шкаф. Там, за банками с крупами, стояла маленькая баночка с мятой. Мама научила меня заготавливать её ещё в детстве: сушила листья, измельчала, хранила в тёмном месте. Мятный чай снимал спазмы лучше любых таблеток. Я оторвала несколько листиков, залила кипятком и добавила ложку мёда. Ещё было одно растение, которое могло помочь, если мята не работает, но его я поищу позже.

Пока чай настаивался, я открыла холодильник. Печень, гречка, яблоки, огурец, салат айсберг — всё для идеального обеда, богатого железом, которое сейчас утекало из меня с каждой каплей.

Я поставила гречку вариться, а печень быстро обжарила на сковороде. Параллельно нарезала салат: яблоко очень

мелко, огурец — тонкими слайсами, айсберг порвала руками. Полила оливковым маслом. Из холодильника достала банку квашеной капусты — собственного приготовления.

Квасить капусту меня тоже научила мама. Быстрый способ: нашинковать, перетереть с солью и морковью, утрамбовать в банку, залить рассолом — и через три дня готово, но потом нужно было хранить только в холодильнике. Работающая женщина может себе это позволить. Я открыла банку, наколола вилкой хрустящий лист — кисленько, но именно то, что нужно.

Ела медленно, с наслаждением, чувствуя, как организм наполняется теплом и железом. И думала о Кирилле.

Кирилл.

Кирилл тем временем сидел у себя на кухне, смотрел в пустую тарелку и скучал. Вчерашний вечер не выходил из головы. Ася. Её губы, её дыхание, её пальцы в его волосы. Он хотел написать ей, но не знал, о чём. «Как ты?» — слишком банально. «Скучаю» — слишком откровенно.

Он написал: «Как поживает моя кошечка?»

«Нормально. Ем квашеную капусту», — прилетело от Аси.

«Твоя капуста, наверное, не кислее, чем я сейчас. Скучаю».

Ася ответила смайликом: «И я. Ты даже не представляешь, насколько».

Он улыбнулся. И в этот момент зазвонил телефон — ад-

министратор клуба, взволнованный голос.

— Кирилл Андреевич, тут такое... клиентка устроила скандал. Говорит, тренер её обидел, требует возврата денег. А тренер наш новый, не знает, что делать.

— Еду.

Кирилл натянул куртку и вышел. В клубе было шумно: женщина средних лет размахивала руками, её лицо покраснелось от крика.

— Он меня не так взял! Он мне руку выкручивал! Я напишу жалобу!

Тренер стоял бледный, растерянный, не зная, куда девать глаза.

Кирилл подошёл, спокойно выслушал обе стороны, потом жестом пригласил женщину в свой кабинет.

— Вам нужно снять стресс, — сказал он, наливая ей воды.
— Давайте не будем портить репутацию ни клубу, ни тренеру. Я предлагаю компенсацию в виде месяца бесплатных тренировок с персональным инструктором другого пола.

Женщина поджала губы, подумала и согласилась.

Конфликт был исчерпан.

Оставшись один, Кирилл вышел из своего кабинета и пошёл по коридору. Дошёл до кабинета Аси. Дверь была закрыта, но он открыл ее и представил, как она сидит там, сдвинув брови, советует пациентам правильное питание. Как улыбается. Как поправляет выбившуюся прядь.

«Завтра я её увижу», — подумал он и написал: «Как ты

себя чувствуешь? Доела капусту?»

«С капустой всё в порядке» — ответила Ася.

«Я скучаю. И вспоминаю... твои губы» — написал Кирилл.

Ася послала улыбающийся смайлик.

Ася.

После сытного обеда, и боль почти прошла. Ася разобрала почту, подготовила план завтрашнего дня, разложила бланки.

И в этот момент пришло сообщение от Димы.

«Ась, прости меня, ради бога, прости — много пишу, много пью, ты не представляешь, как я по тебе скучаю и как я тебя люблю. Танцует всё, чего-то, но ты у меня одна. Ты самая лучшая. Я приду к тебе, разобью тачку твоего мента, и ты вернёшься. Я исправлюсь».

Ася замерла. Потом перечитала сообщение. Потом перечитала ещё раз.

— Что с ним? — прошептала она.

В сообщении не было смысла. Оно было рваным, пьяным, и от него веяло отчаянием и безумием.

Она не ответила. Не заблокировала. Просто отложила телефон.

Но внутри зашевелился тревожный холодок.

От автора:

Подписывайтесь на автора, ставьте звёздочку и добавляйте книгу в библиотеку, чтобы не пропустить следующую гла-

By

Глава 21. Новый охранник

Утро в фитнес-клубе «REBOOT» встретило меня запахом дорогого кофе.

Я прибыла в клуб к половине девятого, надеясь застать Кирилла до начала рабочего дня. Тихо, в пустом коридоре, без свидетелей. Мне хотелось просто подойти к нему, взять за руку, чмокнуть в щёку — ну, может, чуть ниже щёки — и почувствовать, что он мой. Но я же сама решила: на людях — никаких нежностей. Пока не привыкну. Пока не поверю, что это всё всерьёз и надолго.

В раздевалке я переоделась, поправила рубашку, затянула хвост потуже и вышла в коридор. И сразу увидела Кирилла. Он стоял у кофейного автомата, высокий, мощный, в белой футболке и пил чёрный кофе без сахара. Моё сердце сделало кульбит.

— Доброе утро, — сказала я, подходя ближе. Голос, надеюсь, не дрожал.

Он обернулся, и его лицо на секунду стало мягче. Он поставил стакан на стойку, шагнул ко мне.

— Доброе утро, Ася.

Хотел, кажется, поцеловать меня. Или обнять. Я отступила на полшага.

— Коллеги могут увидеть, — тихо сказала я, оглядываясь на дверь тренажёрного зала, откуда доносились голоса.

Кирилл замер. Его глаза чуть потемнели.

— Ты стесняешься наших отношений? — спросил он ровно, без злости, но я уловила нотку напряжения.

— Я не стесняюсь. Я просто... не готова к пересудам. Ты же начальник, я — новый сотрудник. Ещё не хватало, чтобы меня называли «той самой, которая спит с боссом».

Он промолчал. Только желваки чуть заиграли на скулах. Потом взял свой кофе и сказал:

— Хорошо. Как скажешь.

И ушёл в сторону своего кабинета. Не захлопнул дверь, не бросил злой взгляд. Просто... ушёл. А я стояла, чувствуя себя последней душой. «Ася, — сказала я себе, — ты идиотка. Он хотел тебя поцеловать на глазах у всего клуба, а ты ему — «коллеги увидят». Он же не Димон, который стеснялся обнимать тебя на людях, потому что «ты не певица». Кирилл, наоборот, всем показать хочет. А ты... эх».

Но отступить было поздно. Я вздохнула и поплелась в кабинет.

На ресепшене уже сидела девушка с идеальной укладкой и вечно любопытными глазами. Она подняла голову от монитора и как-то особенно глянула на меня.

— Ася, вы сегодня рано, — заметила она.

— Работы много, — ответила я, мечтая испариться.

И вдруг из тренажёрного зала раздался грохот. Не то чтобы очень сильный, но такой, от которого замираешь. Что-то металлическое рухнуло на пол, и следом — женский вскрик.

— Ай! Осторожно!

Я рванула к залу. Внутри уже столпились несколько тренеров. Посреди зала, на полу, сидела пожилая женщина в леопардовых лосинах и ярко-розовом топе. Рядом с ней лежал сорванный с крепления гриф штанги — она, видимо, неудачно его сняла, пытаясь самостоятельно поменять вес, и не удержала. Тяжёлый металлический стержень мог бы прилететь ей по ногам, но в последний момент его перехватили.

Женщина замерла, прижав руки к груди, не в силах пошевелиться — то ли от страха, то ли от испуга.

А рядом с ней стоял мужчина, которого я раньше не видела. Высокий, крепкий, с коротко стриженными тёмными волосами и серьёзным лицом. Одет в чёрную футболку и спортивные штаны с логотипом клуба. На предплечье, когда он шагнул, была татуировка — какая-то замысловатая вязь, похожая на инициалы.

Он держал гриф штанги на вытянутой руке — легко, будто это был не двадцатикилограммовый брус, а пластиковая труба. И спокойным, даже будничным голосом спросил у женщины:

— Живы? Задело?

— Н-нет... — выдавила та. — Я просто... поскользнулась, когда снимала. Ой, спасибо вам, спасибо...

— Бывает, — ответил мужчина. — В следующий раз зовите тренера. Не надо самой.

Подбежал тренер, начал извиняться, помогать женщине

подняться. Та уже отходила от испуга, даже улыбнулась спасителю.

Тут в зал быстрым шагом вошёл Кирилл. Он осмотрел гриф, лежащий на полу, выслушал тренера, потом перевёл взгляд на мужчину, который стоял чуть поодаль, сложив руки на груди.

— А, вы Виктор - новый охранник? — спросил Кирилл.

— Да, Виктор Бережной, — представился тот.

— Вы вовремя среагировали, — Кирилл чуть склонил голову. — Спасибо.

— Работа такая, — пожал плечами Виктор. — В тренажёрке надо быть внимательным. Клиенты иногда сами себя не берегут.

Лицо у него было суровое, но не злое. Только глаза — тёмные, внимательные — казалось, видели больше, чем говорили.

Кирилл повернулся ко мне:

— Ася, у тебя через пятнадцать минут первая пациентка.

— Да, конечно, — ответила я и быстро вышла из зала.

На ходу я думала: «Ну и дела. И откуда этот Виктор взялся? Охранник — и с такой реакцией? Прямо как бывший военный. Или... бывший кто?»

Глава 22. Я подумаю

Но размышлять было некогда — меня ждала пациентка.

— Вика, давайте разберёмся, — я отложила ручку и посмотрела на розововолосую девушку, которая сидела напротив и крутила в пальцах кольцо. — Вы говорите, хотите набрать вес?

— Да! — воскликнула она почти с отчаянием. — Вы не представляете, как это бесит. Все вокруг мечтают похудеть, а я... я ем торты, бургеры, пиццу, на ночь могу макароны с сыром съесть — и вес стоит на месте! Я вешу сорок три килограмма при росте сто шестьдесят восемь. Это же дистрофия какая-то! Ребра торчат. Подруги говорят «повезло», а мне стыдно раздеваться на пляже.

— А вы пробовали считать калории?

— Пробовала. Ем по две тысячи, иногда больше. Вес — ноль реакций. Зато лицо... — она указала на свои щёки, покрытые красными высыпаниями. — Это всё сладкое, да? Я знаю. Но если я перестану есть торты, я вообще исчезну. Стану прозрачной.

Я вздохнула. Ещё одна история о том, что организм — сложная штука, и «есть всё подряд» не равно «набрать вес».

— Вика, дело не только в количестве калорий, но и в их качестве. Вы едите быстрые углеводы — сахар, белая мука, сладкая газировка. Они дают резкий скачок инсулина, кото-

рый у одних откладывается в жир, у других — провоцирует акне. Но для набора здорового веса нужны белки, сложные углеводы и правильные жиры. И, возможно, у вас ускоренный метаболизм или проблемы с щитовидной железой. Давайте сдадим анализы. А пока — начните добавлять в рацион белковые коктейли, орехи, авокадо, белое мясо. И сократите сладкое до одного-двух раз в неделю. Не убирайте совсем, но уменьшите.

— А торты? — жалобно спросила Вика.

— Торты — по праздникам. Вместо них — смузи с бананом и ореховой пастой, творожные десерты без сахара. Я дам вам рецепты и примерное меню.

— Хорошо, — она взяла листок, но смотрела без особой надежды. — А если не поможет?

— Тогда пойдём к эндокринологу. Но давайте сначала попробуем сами.

Вика кивнула, поблагодарила и вышла, оставив в кабинете запах сладкого латте и лёгкое облачко грусти.

Я выдохнула и опустилась на стул. Вика с тортами и прыщами... Ну хоть бы кто-то пришёл с нормальной проблемой вроде «я ем слишком много брокколи и не могу остановиться». Но нет.

Я потянулась за чашкой с травяным чаем, который остыл ещё полчасика назад, и в этот момент дверь моего кабинета открылась без стука.

— Ася, — Кирилл стоял на пороге.

Он был в своей обычной манере — спокойный, собранный, но в глазах горел тот самый огонь, который я научилась узнавать. Не только желание — тоска. Я внутренне сжалась. С одной стороны — хотелось, чтобы он обнял меня, поцеловал, сказал, что соскучился. С другой — дверь была открыта, в коридоре слышались голоса, и я ещё не привыкла быть с ним на людях.

— Привет, — сказала я осторожно, не вставая.

Он зашёл, закрыл дверь. Щёлкнул замком. Сердце пропустило удар.

— Кирилл, тут же люди...

— Люди за дверью, — он подошёл вплотную. — А я хочу тебя поцеловать. Давно хочу. Можно?

Я сглотнула. Его глаза были серьёзными, но в них плескалась такая нежность, что у меня подкосились колени.

— Можно, — прошептала я.

Он наклонился. Не торопясь, как будто боялся спугнуть. Сначала коснулся губами уголка моих губ, потом щеки, потом — рта. Глубоко, медленно, с таким вкусом, будто пил дорогое вино. Я забыла, где мы, забыла, что надо дышать. Его язык скользнул внутрь, и я застонала — тихо, но он услышал. И в ответ нажал сильнее, прижимая меня к спинке стула.

— Ася, — выдохнул он, отрываясь. Голос сел, стал хриплым. — Когда твои «эти дни» закончатся?

Я покраснела. Он помнил. Он вообще всё помнил.

— Ещё пара дней, — сказала я тихо.

— А можно я приеду к тебе сегодня? — спросил он, глядя мне в глаза. — Не для секса. Просто... чтобы ты была рядом. Чтобы я проснулся и почувствовал твой запах. Чтобы обнял тебя и заснул. Я скучаю.

У меня ёкнуло сердце. Он не просил секса, не давил, не требовал. Он просил просто быть рядом. И это было... волнительнее, чем если бы он хотел только тела. Потому что это было про чувства.

— Я стесняюсь, — призналась я.

— А что я? — он усмехнулся. — Я уже видел тебя разной. И без макияжа, и в моей футболке на голое тело. Если у тебя месячные — я буду просто лежать рядом. Ничего больше. Обещаю.

— Ты не можешь обещать, — я отвела взгляд.

— Могу. Я взрослый мужчина. Я умею себя контролировать. — Он взял моё лицо в ладони, заставил посмотреть на себя. — Я хочу тебя всю. Твоё присутствие, твой смех, то, как ты морщишь нос, когда сердишься. Я хочу просыпаться и знать, что ты рядом. Даже если мы просто будем спать.

Я молчала. Внутри боролись две Аси: та, которая хотела ему верить, и та, которая боялась опять стать «удобной» — как с Димой.

— Я подумаю, — сказала я наконец.

Он вышел, оставив меня с бешено колотящимся сердцем и кучей противоречивых мыслей.

От автора:

Друзья, у нас пополнение! В романе «Терапия чувствами» появился новый герой — охранник Виктор Бережной. Но на самом деле он уже знаком, тем кто читал мой роман «Ошибка в контракте».

Ссылка на книгу

https://litnet.com/shrt/dXp_

Если вы его читали, то наверняка узнали этого сурового, молчаливого мужчину с татуировкой на руке и тяжёлым взглядом. Да-да, это он. Тот самый Кузьма, который помог Вере сбежать от Белова. Помните ту сцену в лесу? «Беги, я задержу его». И он сдержал слово.

После тех событий Кузьма решил исчезнуть. Взял чужие документы, сменил имя, переехал в другой город. Теперь он — Виктор Бережной, охранник в фитнес-клубе «Reboot». Здесь никто не знает его прошлого, не задаёт лишних вопросов, не смотрит косо. Он просто выходит на смену, проверяет пропуски, следит за порядком. И изредка будет ловит на себе заинтересованные взгляды одной остроумной девушки-психолога...

Но те, кто помнит его из «Ошибки в контракте», знают: за этой маской спокойствия скрывается человек чести. Тот, кто однажды уже спас жизнь и не одну. И кто знает, возможно, ему снова придётся это сделать?

Читали «Ошибку в контракте»? Узнали Кузьму с первых строк? А может, только собираетесь познакомиться с той историей?

А пока — не пропустите новые главы «Терапии чувствами». Будет жарко, страшно и очень романтично. Ваша обратная связь и звёздочки — лучшее лекарство от писательского выгорания.

Подпишитесь на автора

Добавьте книгу в библиотеку

☆ Поставьте звезду

Глава 23. Дима. Белая горячка

Он сидел на кухне в темноте. Шторы задёрнуты, лампочка перегорела ещё неделю назад, и свет из коридора падал только на половину стола. На столе — пустые бутылки. Водка, дешёвое пиво, что-то ещё, от чего болела голова и кружились мысли.

Дима смотрел на телефон. Там были фотографии Аси. Старые, ещё с того времени, когда они жили вместе. Ася в кухонном фартуке, Ася спит, подложив руку под щёку. Он увеличивал каждое фото, разглядывал родинку на её шее, изгиб губ.

— Су..а, — прошептал он. — Ты моя. Ты всегда была моя.

Он схватил бутылку, сделал глоток. Горло обожгло, но это было приятно. Боль отрезвляла. На секунду.

Перед глазами поплыли картинки. Ася и тот качок. Трах....сь. Прямо на столе в кабинете. Она стонет, запрокинув голову. А этот... этот здоровенный мудака сжимает её грудь. Дима слышал их стоны. Он знал, что это галлюцинации, но не мог остановиться. Он видел. Он чувствовал. Он ненавидел.

— Я убью тебя, су..а, — прошептал он. — И его убью. Обоих.

Он встал, пошатнулся, ухватился за стену. В зеркале в прихожей отразился чужой человек. Небритый, с красными

глазами, в мятой майке. Дима не узнал себя. Или узнал — и испугался. Но тут же злость перекрыла страх.

— Это она виновата, — сказал он зеркалу. — Если бы не ушла, я бы не пил. Если бы не нашла этого качка, я бы... я бы работал. Я бы стал знаменитым. Я бы...

Он не договорил. Потому что знал — врёт. Но легче было верить в ложь.

Он схватил телефон, набрал её номер.

— Алло? — голос сонный, но не раздражённый. Она всегда отвечала. Даже когда не должна была.

— Асенька, — прошептал он, и голос его дрожал. — Прости меня. Я люблю тебя. Я без тебя пропадаю.

— Дима, два часа ночи, — она вздохнула. — Ты пьян опять. Ложись спать.

— Я трезв, — соврал он. — Я не пил три дня. Асенька, приезжай. Я хочу тебя видеть. Ты моя самая лучшая. Я исправлюсь. Я найду работу. Я...

— Дима, прекрати. Мы развелись. У меня другая жизнь.

— С этим качком? — заорал он, и слёзы потекли по щекам. — Думаешь, он тебя любит? Ему просто трахнуть тебя надо! А я... я тебя по-настоящему. Я тебя никогда не отпущу.

Она молчала. Потом сказала тихо:

— Спокойной ночи, Дима.

И положила трубку.

Он смотрел на экран, где горело «Вызов завершён». По-

том швырнул телефон в стену. Пластик хрустнул, экран разбился, но телефон не выключился. Дима подполз, поднял его. Осколки экрана царапали пальцы, но он не чувствовал боли. Нашёл сообщения, начал печатать.

Пальцы дрожали, буквы прыгали. Он писал, стирал, писал снова.

«Ась, я тебя не отдам. Ты моя. Я убью устрою, кто встанет между нами. Ты меня слышишь? Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ. И НИКТО НЕ ПОМЕШАЕТ. ДАЖЕ ТВОЙ КАЧОК».

Отправил. Потом ещё одно:

«Я СЕГОДНЯ ВИДЕЛ, КАК ТЫ С НИМ ОБНИМАЛАСЬ. ТЫ МЕНЯ ПРЕДАЛА. НО Я ПРОЩУ. ЕСЛИ ВЕРНЁШЬСЯ. ЕСЛИ НЕТ — ПОЖАЛЕЕШЬ. ЭТО НЕ УГРОЗА. ЭТО ПРАВДА».

Отправил. И ещё, короткое:

«Ты моя. Навсегда».

Он сидел, сжимая телефон в руке, и ждал ответа. Ждал минуту, две, десять. Тишина.

— Не хочешь отвечать? — прошептал он. — Ну и молчи. Я сам приду.

Он допил остатки водки, поднялся, шатаясь, и пошёл в спальню. Рухнул на кровать, не раздеваясь. В голове крутились обрывки мыслей, галлюцинаций, планов. Он заснул под утро, и ему снилась Ася. Она стояла на коленях, плакала, умоляла его. А он смеялся и говорил: «Поздно, Асенька. Поздно».

Утро пришло с болью.

Дима открыл глаза, и первое, что почувствовал — пульсирующая тяжесть в висках. Голова раскалывалась так, будто кто-то вбивал в неё гвозди. Во рту было сухо, язык казался ватным, а запах перегара, казалось, въелся в стены, в одежду, в кожу.

Он сел на кровати. В комнате было светло — солнце било в окно, напоминая, что жизнь продолжается. Но для него жизнь остановилась. В тот день, когда Ася ушла.

Дима встал, прошёл на кухню. На столе — пустые бутылки, грязные тарелки, пепел. В холодильнике — ничего, кроме просроченного кефира и плесневелого хлеба. Он выпил стакан воды, заставил себя съесть ложку вчерашней каши, которая стояла на плите.

Мысли возвращались к Асе. Он достал телефон (экран разбит, но работает), открыл её страницу в соцсети. Новые фото — она в клубе, с улыбкой, счастливая. Рядом — никого. Но он знал: этот качок где-то рядом. Просто не попал в кадр.

Он начал строить план. Не чёткий, не продуманный — скорее, набор идей, рождённых в пьяном бреду. Он узнает расписание Аси, подкараулит её после работы, поговорит. Не будет кричать, не будет угрожать. Просто попросит дать ему шанс. А если откажет... если откажет, он сделает по-другому.

Ася.

Ася проснулась в своей квартире в шесть утра от того, что телефон разрывался от уведомлений. Она открыла сообщения — и похолодела.

«Ась, я тебя не отдам...», «Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ...», «ТЫ МЕНЯ ПРЕДАЛА...», «Я САМ ПРИДУ...» — каждое слово било по нервам.

Она перечитала их несколько раз, потом набрала Лену.

— Алло? — голос подруги был сонным, но встревоженным. — Ты чего в такую рань?

— Лен, Димон вчера пьяный звонил, а теперь написал... странное. Очень странное. Угрожает. Пишет, что «придёт сам» и что «устранит любого», кто встанет между нами.

Лена помолчала. Потом сказала уже не сонно, а жёстко:

— Ася, это не «странное». Это алкогольный психоз. Он опасен.

— Да он всегда такой был, пьяный — несёт чушь...

— Ася, прекрати его оправдывать! — рявкнула Лена. — Ты что, не видишь? Он тебя похитить может. Или хуже. Ты читала новости про таких? Ревнивцы с бутылкой — это потенциальные убийцы.

— Лен, не преувеличивай...

— Я не преувеличиваю. Я психолог. Я знаю, чем это пахнет. — Лена вздохнула. — Слушай, я сегодня вечером зайду к тебе в клуб. Поговорим нормально. Но ты пока — никуда одна после работы не ходи одна, только с Кириллом. Поняла?

— Поняла, — тихо сказала Ася.

Она положила трубку, но спокойнее не стало. Внутри засел холодный комок страха, который она пыталась заглушить привычным «он же не опасен, он просто слабый».

Глава 24. Ничего себе охранничек

Вечером Лена стояла у входа в фитнес-клуб «REBOOT». Стекланные двери, турникеты, стойка охраны. И за стойкой — мужчина, которого она сразу заметила. Высокий, крепкий, с коротко стриженными тёмными волосами и серьёзным лицом. В чёрной футболке с логотипом клуба, на предплечье виден — край татуировки.

«Ничего себе охранничек», — подумала Лена и улыбнулась своей самой обаятельной улыбкой.

— Здравствуйте, — сказала она, подходя к стойке. — Я к Анастасии. Диетологу. Мы договаривались.

Мужчина поднял голову. Его взгляд скользнул по Лене — быстро, оценивающе, без всякого интереса. Но что-то в уголках губ дрогнуло.

— Пропуск? — невозмутимо уточнил он.

— У меня нет пропуска, — Лена кокетливо поправила прядь волос. — Но вы же понимаете, что я не опасна? Ну посмотрите на меня. Разве я похожа на террористку?

— Террористки бывают разные, — ответил он, и в глазах мелькнула тень усмешки. — Без пропуска — не положено. Правила клуба.

— А если я вас очень попрошу? — Лена подалась вперёд, положила локти на стойку, так чтобы вырез рубашки открывал заманчивые виды на ее грудь. — Вы же видите, я при-

личная девушка. Психолог, между прочим. Пришла подругу морально поддержать.

— Психолог? — он приподнял бровь. — И чем же занимается психолог, который пытается охмурить охранника?

Лена рассмеялась. Откровенно, заливисто.

— Вы самоуверенны, Виктор.

— Я не называл свое имя, — спокойно ответил он.

— Вот и не называйте, — Лена подмигнула. — Оно у вас на бэйджике. Так вы меня пропустите или мне звонить Асе? Он молчал секунду. Потом взял телефон, набрал номер.

— Анастасия Сергеевна, к вам посетительница. Елена.

Ася что-то ответила. Виктор кивнул, положил трубку.

— Через пять минут выйдет. Можете подождать в зоне ожидания, — он указал на кресла у стены.

— А может, вы составите мне компанию? — Лена присела в кресло, положив одну ногу на другую - движение, которое хорошо оголило бедро под юбкой. — Расскажите, как живёт-ся в мире фитнеса и строгих правил?

— Я на работе, — ответил он, но не отвернулся. Смотрел на неё с каким-то новым выражением — вроде бы суровым, но в глубине глаз теплело.

— Работа не волк, — парировала Лена. — В лес не убежит. Тем более, что здесь и лес-то — тренажёры да беговые дорожки.

— Вам не идёт быть навязчивой, — заметил он.

— Это не навязчивость. Это профессиональный интерес.

Я же психолог. Изучаю людей.

— И что вы во мне изучили?

— Что вы человек дела, а не слов. Суровый снаружи, но...

— она сделала паузу, — где-то там глубоко прячете что-то очень доброе. И очень хрупкое.

Он усмехнулся — первый раз за разговор. Коротко, будто нехотя.

Из лифта вышла Ася. Увидела подругу в кресле, Виктора у стойки — и как-то странно переводила взгляд с одного на другую.

— Лен, ты чего там застряла?

— Меня не пускали, — Лена встала, подмигнула Виктору.

— Пришлось убеждать.

— Она хорошо убеждала, — подтвердил Виктор без эмоций, но в голосе проскользнула едва заметная теплота.

— Идём, — Ася схватила Лену за руку. — Виктор, спасибо за... службу.

— Обращайтесь, — ответил он, провожая их взглядом. Лена обернулась на выходе, поймала его взгляд и улыбнулась.

— Хороший у вас охранник, — сказала она, когда они вышли на улицу. — Производит впечатление.

— Лен, хватит! — Ася закатила глаза. — Ты его в первый раз видишь.

— А я уже поняла, что он — моя судьба, — мечтательно протянула Лена. — Шучу. Или не шучу? Он женат?

— Откуда я знаю?

— Узнаешь завтра. — Лена взяла подругу под руку. — А теперь рассказывай, что писал твой псих. Пока мы идём. И не вздумай оправдывать его, Ася. Я пришла не охранников охмурять, а тебя предупредить.

Они пошли по вечерней улице — две подруги, о чём-то оживлённо беседуя. Ася рассказывала про сообщения Димы, про свой страх и про то, как Кирилл просил её приехать. Лена слушала, кивала, иногда перебивала советами. А в голове у неё, в перерывах между профессиональными репликами, крутился образ сурового охранника с татуировкой и короткой стрижкой.

«Интересно, — думала она, — этот Виктор так же молчит в постели? Или всё-таки разговаривает?»

Но это, как говорится, уже совсем другая история.

— Ты только посмотри на его сообщения, — Лена достала телефон, открыла скриншоты. — «Я устраню любого, кто встанет между нами». «Ты меня предала, но я прощу». Ася, это не любовь. Это собственничество. Это манипуляция. Он хочет, чтобы ты чувствовала себя виноватой. За что? За то, что ты живёшь свою жизнь?

— Он просто пьяный был, — тихо сказала Ася, кусая губу. — Ты не знаешь его, Лен. Когда он трезвый, он нормальный. Добрый даже. Он стихи писал, помнишь? На гитаре играл...

— Прекрати, — Лена остановилась, развернула подругу к себе. — Ты опять его оправдываешь. Он пьёт уже третий

год. Он тебя использует как жилетку, как кошелёк, как... как грелку. А теперь ещё и угрожает. Ты что, не видишь, куда это катится?

— Ну что ты сразу «катится»? Может, он просто...

— Ася, я психолог. Я таких «просто» насмотрелась. Сначала — пьяные звонки, потом — сообщения с угрозами, потом — он подкарауливает у подъезда. А потом — новости по телевизору. — Лена сжала её руку. — Я не хочу, чтобы ты стала героиней криминальной сводки.

Ася молчала. Вечерний ветер шевелил её волосы, и она вдруг почувствовала, как замерзает. Не от холода — от страха.

— Что мне делать? — спросила она.

— Для начала — не будь наивной. Не открывай ему дверь, если припрётся. Блокируй номер, если продолжит писать. А лучше — заявление в полицию. И, Ася, — Лена посмотрела ей в глаза, — перестань себя чувствовать виноватой. Ты не его мама. Ты не обязана его спасать. Ты имеешь право на свою жизнь. На Кирилла. На счастье.

— А если Кирилл окажется таким же? — прошептала Ася.

— Окажется — уйдёшь. Но пока он не дал ни одного повода. В отличие от Димы, который дал их сотни.

Лена обняла подругу.

Глава 26. Реабилитация чувств

Его квартира встретила меня запахом кофе и состоятельного покоя. Мы разулись, прошли в гостиную. Я села на диван, он — рядом.

— Давай, — я протянула руку. — Где твои документы?

— У меня в кабинете. Подожди.

Он вышел, вернулся через минуту с папкой. Я открыла, начала листать.

— Так-так-так... — я вчитывалась в заключения УЗИ плечевого сустава. — Хронический тендинит сухожилий вращательной манжеты, частичное повреждение суставной губы. И это после двух операций?

— После двух, — он сел рядом, положил руку на спинку дивана. — Врачи сказали, что лучше уже не будет.

— Врачи иногда ошибаются, — я отложила бумаги, повернулась к нему. — Ты делаешь упражнения?

— Какие?

— Те, что назначил реабилитолог.

Он промолчал. Я всё поняла.

— Ты не занимался. Правильно?

— Некогда было. Клуб, дела.

— Отговорки, — я вздохнула. — Ладно. Давай сейчас посмотрим.

Я встала, подошла к нему, начала ощупывать плечо. Он

напрягся.

— Расслабься. Я не кусаюсь.

Он усмехнулся, но подчинился. Я водила пальцами по его мышцам, чувствуя, где они зажаты, где болезненно реагируют. Нашла несколько триггерных точек — он зашипел.

— Больно?

— Терпимо.

— Врёшь. — Я нажала чуть сильнее, он втянул воздух.

— Вот здесь — хроническое перенапряжение. И здесь. Тебе нужно не просто «делать упражнения», а восстановить подвижность сустава. Иначе боль никуда не денется.

— И что ты предлагаешь? — спросил он.

— Для начала — противовоспалительную диету. Омегу-3, куркуму, имбирь. Убрать сахар и фастфуд. Потом — лечебную физкультуру. Я составлю комплекс. И, Кирилл, тебе нужно к реабилитологу. Хорошему. Я знаю одного, он работает с бывшими спортсменами.

— Ты невыносима, — сказал он.

— А ты упрям, — ответила я.

Он притянул меня к себе, поцеловал в лоб.

— Хорошо. Я попробую.

— Не «попробую», а сделаешь, — я обняла его, уткнулась носом в шею. — Я не хочу, чтобы ты мучился.

— Я не мучусь.

— И я не хочу, чтобы ты врал.

Он засмеялся. Потом поцеловал меня — медленно, глу-

боко, и я забыла, о чём говорила. Его руки скользнули по моей спине, опустились на талию. Он хотел поднять свитер, но я поймала его ладони.

— Кирилл, у меня ещё... ну, ты помнишь.

— Помню, — его голос сел. — Я не буду делать того, чего ты не хочешь.

— Я хочу, — выдохнула я. — Но...

— Тогда я сделаю тебе хорошо без «но».

Он уложил меня на диван, навис сверху. Целовал шею, ключицы, спустился к груди. Я застонала, вцепилась в его плечи.

— Только не делай резких движений плечом, — прошептала я.

— Не буду, когда я на тебе я не чувствую боль, — усмехнулся он.

Его губы скользили по моему телу, руки гладили, сжимали, ласкали. Он знал, как заставить меня забыть обо всём. Я выгибалась, шептала его имя, терялась в ощущениях. Он довёл меня до края — и я упала, содрогаясь, закусив губу, чтобы не закричать слишком громко.

— Тебе хорошо? — спросил он, поднимая голову.

— Да, — выдохнула я. — А ты?

Он положил мою руку на себя — твёрдого, пульсирующего.

— Чувствуешь?

Я покраснела. Кирилл взял мою руку, сжал.

— Поможешь?

Я выдохнула и медленно провела пальцами по напряжённой ткани, ощущая его жар. Он замер, не дыша. Я расстегнула пуговицу, стянула молнию. Он приподнял бёдра, помогая снять джинсы.

Я освободила его, горячего, гладкого, пульсирующего. Обхватила, провела большим пальцем, собирая влагу. Он застонал — глухо, сквозь зубы, словно боялся быть слишком громким.

— Ася... — выдохнул он.

Сжимала ритмично, изучая его реакции. Когда он начал дышать чаще, я замедлялась, дразнила. Его рука легла поверх моей, направляя, прося сильнее. Я ускорила, чувствуя, как он напрягается подо мной, как каждое движение отзывается дрожью в его теле. Мое тело тоже отвечало и мне так захотелось, чтобы все это было в конце на мне.

Он взлетел с тихим, сдавленным стоном, уткнувшись лицом в мою шею. Горячо, толчками, сжимаясь в моей руке. Я гладила его и целовала, пока последние спазмы не стихли.

Мы замерли. Потом он поднял голову и поцеловал меня — нежно, благодарно, долго.

— Спасибо, — прошептал он.

Я улыбнулась и прижалась к нему, чувствуя, как колотится его сердце.

Потом мы лежали в темноте, переплетённые. Он гладил меня по волосам, я водила пальцем по его груди.

— Кирилл, — сказала я.

— М?

— Я серьёзно про реабилитацию. Давай завтра вместе посмотрим упражнения в интернете. И я запишу тебя к врачу.

— Ты правда хочешь этим заниматься?

— Правда. Я забочусь о тебе. Разве это не нормально?

Он молчал. Потом сказал:

— О бывшем ты тоже заботилась?

— Диму я спасала. А с тобой... с тобой я хочу, чтобы тебе не было больно. Это разные вещи.

— Какие?

— Когда забочусь — я чувствую, что люблю.

За окном уже темнело, а мы лежали и смотрели на потолок. Впереди была целая ночь.

От автора:

Ася помогает Кириллу с плечом, а он — ей забыть о страхах. Любовь — это не только секс. Это когда ты заботаешься о здоровье другого человека и готова ради него менять привычки.

Читайте продолжение. Ставьте звёзды, подписывайтесь, добавляйте книгу в библиотеку. И да пребудет с вами омега-3.

Глава 25. Чужое тело и своя боль

Олег, мой новый пациент, вошёл в кабинет ровно в двенадцать, как по расписанию. Высокий, худой, с бледным лицом и глубокими тенями под глазами. Одет в растянутую толстовку с надписью «Я у мамы программист» и джинсы, которые висели мешком.

— Анастасия? — он сел на стул, положил на колени рюкзак. — Я по записи. Олег.

— Присаживайтесь, — я приготовила блокнот. — Рассказывайте, что случилось.

Олег вздохнул так, будто ему предстояло пересказать годовую отчётность.

— У меня живот. Висит. Никак не убирается. Тренируюсь, качаю пресс — ноль эффекта. Плюс усталость. Хроническая, просто. Сплю вроде нормально, часов по семь-восемь, но просыпаюсь разбитым. Ещё голова болит. Часто. И сухость в глазах — будто песок насыпали.

После продолжительного разговора, изучения анализов, заполнения анкет.

— А воду вы пьёте? — спросила я.

— Кофе. Утром — чашку, в обед — вторую. И стакан воды где-то за день.

— Олег, — я отложила ручку. — При вашем весе (он был около восьмидесяти килограммов) вам нужно минимум 2.4

литра воды в день. Только чистой, без газа. Чай, кофе, супы — не считаются. Кофеин, наоборот, обезвоживает.

— Два с половиной литра? — он округлил глаза. — Я столько и пива за вечер не выпиваю.

— А надо. Вода участвует во всех обменных процессах. Если её не хватает, кровь сгущается, органы получают меньше кислорода. Отсюда усталость, головные боли, снижение концентрации.

— А пока — давайте договоримся: вы ставите на телефоне напоминания каждые два часа и выпиваете по стакану воды. И ещё — режим сна. Вы ложитесь в одно и то же время не позднее 23.00?

— Я программист, — Олег усмехнулся. — У меня дедлайны. Иногда до двух ночи сижу, иногда встаю в шесть. График плавающий.

— Мелатонин, гормон сна, вырабатывается с 23 до 3 часов. Если вы в это время не спите, ваша щитовидная железа и надпочечники работают на износ. Отсюда — проблемы с метаболизмом, тот самый «висячий живот», который не уходит от тренировок, и хроническая усталость. Давайте попробуем сдвинуть укладывание хотя бы на половину двенадцатого. Включите режим «не беспокоить» в телефоне. И без экранов за час до сна.

— Это будет трудно... — вздохнул Олег.

— Зато качество жизни повысите. И, Олег, — я протянула ему памятку. — Вот здесь формула воды, здесь — спи-

сок продуктов, вот памятка о правильных продуктах питания, которые будут поддерживать и щитовидку и весь организм в целом. Сдадите свежие анализы, запишетесь ко мне через две недели. Договорились?

— Договорились, — он взял листок, сунул в рюкзак. — Спасибо, Анастасия. Никто мне так подробно не объяснял про мои проблемы.

Он ушёл. Я выдохнула, посмотрела на часы. Почти вечер. В дверь постучали. Я подняла голову.

— Войдите.

На пороге стоял Кирилл, в белой рубашке с закатанными рукавами, свежий, пахнущий кофе и чем-то неуловимо мужским. Сердце привычно ёкнуло.

— Рабочий день окончен? — спросил он, прикрывая за собой дверь.

— У меня ещё одна пациентка через час, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал равнодушно. — А что ты хотел?

— Соскучился, — он подошёл к моему столу, сел на край, скрестив руки на груди. — И хочу, чтобы ты сегодня приехала ко мне.

— Кирилл, мы же договаривались...

— Я помню, — перебил он. — «Пара дней», «ещё не закончилось», «неудобно». Ася, я не про секс. Я про то, чтобы ты была рядом. Я скучаю по тебе.

Я покраснела.

— Ты меня смущаешь.

— Хорошо, — он наклонился, взял мою руку, сжал. — Меняю тактику. У меня дома есть твой любимый чай. Купил сегодня. И фильм скачал, который ты хотела посмотреть. Мы можем просто лечь на диван и не двигаться. И даже целоваться не буду, если не разрешишь.

— Ага, — я закатила глаза. — А потом ты скажешь: «Ася, ну просто полежим», и через пять минут твоя рука окажется у меня под свитером.

— Если ты против — не окажется, — он улыбнулся. — Но я буду очень убедительно просить.

— Ты невыносим.

— А ты поедешь?

Я вздохнула. Он смотрел на меня таким взглядом, что я не выдержала.

— Ладно. Но при одном условии.

— При каком?

— Ты покажешь мне свои анализы и УЗИ плеча. И мы составим план реабилитации. Без отговорок.

— Договорились, — он поднялся, потянул меня за руку. — Собирайся, пациентку следующую перенеси на завтра.

— Кирилл, так нельзя...

— Можно, — он уже набирал номер администратора. — Ася, я начальник. И я разрешаю тебе сегодня уйти пораньше.

Я покачала головой, но спорить не стала. Быстро собрала вещи, взяла сумочку. Кирилл ждал у двери.

— Ты мой тиран, — сказала я, проходя мимо.

Мы вышли в коридор. Я чувствовала его руку на своей талии — лёгкую, но уверенную. И понимала, что никакие «критические дни» не мешают мне чувствовать себя желанной.

И любимой.

Мы ехали в его машине молча. Я смотрела в окно на мелькающие огни города и чувствовала, как его рука лежит на моём бедре — тепло, уверенно, не требуя ничего, просто напоминая: я рядом.

— Ты устала? — спросил он.

— Немного. Пациент сложный был.

— Вылечишь?

— Постараюсь, — я повернулась к нему. — А ты как?

Он сжал челюсть. Потёр плечо — машинально, но я заметила.

— Плечо? — спросила я.

— Ерунда.

— Не ерунда. Ты же обещал показать мне свои анализы и УЗИ.

Кирилл вздохнул.

— Дома. Покажу.

Глава 27. Мужской разговор

Кирилл сидел в своём кабинете, когда телефон завибрировал. Незнакомый номер. Он открыл сообщение и прочитал:

«Ты думаешь, Ася только твоя? А мне тоже достается. Спроси у неё сам, если не веришь. Она не скажет, конечно. Но ты, умный, сам догадайся по ее реакции».

Кирилл перечитал несколько раз. Пальцы сжали корпус телефона. Внутри поднялась волна горячей, тягучей злости. Не на Асю — на этого... недоделанного убьба, который не может успокоиться.

Он знал, что Дима провоцирует. Значит, есть причина. Значит, хочет, чтобы он, Кирилл, начал сомневаться. Полез в драку, устроил скандал. Классический приём слабака: не можешь ударить в лоб — бей исподтишка.

Кирилл откинулся на спинку кресла. Взял телефон, набрал номер своего знакомого из службы безопасности.

— Привет. Нужно пробить адрес. Фамилия Надаров, имя Дмитрий, телефон сейчас скину.

Через десять минут адрес был у него.

Кирилл вышел из дома, сел в машину и поехал.

Квартира Димы находилась в старом панельном доме на окраине. Подъезд вонял кислой капустой и дешёвым табаком. Лифт не работал. Кирилл поднялся пешком и нажал

звонок. Долго. Настоячиво.

Дверь открылась не сразу. Дима стоял на пороге, бледный, небритый, в какой-то тренировочной кофте, которую носил, наверное, со студенческих времён. В глазах — ни капли удивления. Только мерзкая, предвкушающая усмешка.

— О. Пожаловал. Заходи, раз припёрся, — он отступил в сторону, пропуская Кирилла в прихожую.

Квартира была запущенной. Захламлённой. Пахло перегаром, несвежей едой. Кирилл прошёл на кухню, заметил открытый ноутбук на столе. На экране — страница в соцсети. Асин блог. Он перевёл взгляд на Диму.

— Не стесняйся, проходи. Чувствуй себя как дома, — гостеприимно развёл руками Дима и уселся на табуретку, закинув ногу на ногу.

Кирилл не сел. Остался стоять у стола.

— Ты мне написал, — спокойно начал он, хотя внутри всё клокотало. — Что Ася к тебе приходит.

— И что? — Дима склонил голову набок. — Не веришь? А ты спроси у неё. Только вряд ли она признается. Зачем ей тебя расстраивать?

— Зачем ты врешь?

— А с чего ты взял, что вру? — Дима усмехнулся. — Ты много о ней знаешь? Вы когда по ночам спите, она рассказывает, как мы с ней... — он запнулся, подбирая слово. — Как мы с ней общаемся по старой памяти?

— Не пи..и, — спокойно и веско сказал Кирилл.

— О! Заговорил! — Дима хлопнул себя по коленям. — А я думал, ты только смотреть умеешь...

В его голосе сквозило раздражение, но он сдерживался. Он ждал реакции. Кирилл понимал это и не спешил давать ему то, что он хотел.

— Ты ей пишешь? — продолжил Кирилл, игнорируя выпад. — По ночам. В комментариях гадости оставляешь. Это всё ты?

— А ты откуда знаешь? — Дима прищурился. — Ася рассказала? Ай-яй-яй, какая нехорошая девочка.

— Я сам вижу, — отрезал Кирилл. — И ты мне ещё написал. Зачем? Хочешь, чтобы я ей устроил скандал? Чтобы она от меня пришла, заплаканная, и ты бы её утешал? Классическая схема. Но ты забыл одну деталь.

— Какую же? — Дима подался вперёд, в его глазах мелькнула неподдельная угроза.

— Я тебе не верю.

— Ах, не веришь, — Дима встал. — Ну-ну. А зря. Ты даже не представляешь, сколько я о ней знаю. Как она стонет, когда ей хорошо. Как она краснеет, когда её трогают за...

Кирилл схватил его за грудки, приподнял. Дима не сопротивлялся — только глаза расширились от испуга, но он не подал виду.

— Ещё одно слово, — прорычал Кирилл, — и я вышвырну тебя в окно. Понял?

— Понял, понял, — Дима поднял руки. — Но ты же не

убьёшь. Ты — человек системы. А я... я свободный художник. Мне терять нечего.

Кирилл отпустил его. Дима отшатнулся, поправил воротник.

— Ты не приближаешься к Асе, — сказал Кирилл. — Не пишешь. Не троллишь. Если я узнаю, что ты продолжаешь — ты пожалеешь.

— Что ты сделаешь? — усмехнулся Дима. — Посадишь? У тебя нет доказательств. А я, может, просто люблю её. И не могу без неё и хочу чтобы она ко мне вернулась.

— Твоя любовь похожа на болезнь, — Кирилл развернулся к выходу. — Лечись.

— А то что? — Дима засмеялся, но смех был нервным, срывающимся.

— Я сделаю так, что ты исчезнешь, — ответил Кирилл. — Не в криминальном смысле. В информационном. У тебя здесь, — он кивнул на ноутбук, — небось, половина устройств на подставных лиц. А у меня есть друг, который любит раскручивать такие клубки. Он найдёт все твои фейковые аккаунты, все твои спам-рассылки. И ты сядешь за преследование. Адвоката, небось, не на что нанимать. Друг легко докажет, что все эти фейковые аккаунты и грязные комментарии в блоге Аси — твоих рук дело. За клевету в интернете тебе грозит штраф до полумиллиона, обязательные работы или даже реальный срок — до года. А за угрозы в адрес Аси, которые ты мне и ей писал, — до двух лет тюрьмы.

И потом, ты забыл тот вечер на парковке около моего клуба, там есть камеры, а у меня есть запись, как ты ее хватаешь руками. Так, что рекомендую крепко подумать продолжать это все или нет.

Дима побледнел. Не от страха — от бешенства. Но виду не подал.

— Угрожаешь, начальник? — прошипел он.

— Предупреждаю, — Кирилл поправил его. — Как человек, которому есть что терять. И который не позволит какой-то шелудивой творческой личности отнять у него покой.

— Ах, какой красивый монолог... — Дима покачал головой. — Прямо хоть в театр записывай.

— Ещё раз её тронешь хоть виртуально, хоть физически — и ты пожалеешь, — сказал он на прощание и направился к выходу.

— И мне не написывай.

— Мы ещё увидимся! — крикнул Дима вслед. — Не прощаюсь!

Кирилл вышел и с силой хлопнул дверью. Спустившись на улицу, он долго сидел в машине, глядя на панель.

В голове крутились слова Димы: «Ты даже не знаешь, сколько я о ней знаю».

Он завёл двигатель и поехал домой.

Кирилл не ответил. Вышел, хлопнул дверью.

В машине он долго сидел, глядя на панель. В голове кру-

тились слова Димы: «Она ко мне иногда приходит».

«Врёт, — сказал он себе. — Провоцирует. Хочет, чтобы я устроил скандал».

Он завёл двигатель. Поехал домой.

Ночью они лежали с Асей в кровати. Кирилл обнимал Асю, гладил её по волосам, но внутри засел холодный комок.

— Ася, — спросил он.

— М? — она подняла голову.

— Ты... ты только со мной? Ты только моя?

Она удивилась.

— Конечно, с тобой. А что случилось?

— Ничего, — он поцеловал её в лоб. — Просто хочу слышать это почаще.

Она прижалась к нему, не понимая, откуда взялась эта тревога. А он молчал, потому что не хотел разрушать то хрупкое счастье, которое они уже построили.

Впереди были новые дни. И новые испытания.

Глава 28. Кофе и честность

Через несколько дней.

— Лен, ну говори уже, — я отодвинула чашку с ромашковым чаем и уставилась на подругу. — У тебя лицо человека, который узнал, что шоколад полезен для фигуры, и теперь мучается, верить или нет.

Лена, сидевшая напротив с кружкой кофе и мечтательным взглядом, тут же «включилась». Ася недавно узнала, что Лена специально купила абонемент в их фитнес клуб и даже туда уже пару раз сходила на тренировки. И причина этой покупки не давала ей покоя.

— Ай, да ну тебя, — отмахнулась она, но улыбка сползти не давалось. — Просто... есть один разговор.

— «Один разговор», — перекинула я её. — Лен, когда ты начинаешь мямлить, это страшно. Ты же у нас самый бесстрашный психолог в городе.

— Самый бесстрашный — это я в кабинете. А там — это за его пределами, — она замялась, а потом выпалила: — Короче, я позавчера осталась с Виктором после тренировки. Ну, то есть, я специально задержалась попозже, чтобы с ним поговорить. Без этих вечно бегающих вокруг тренеров и людей.

— Ого, — я присвистнула. — И как? Удалось разговорить нашу «скалу с глазами»?

Лена мечтательно закатила глаза, и это было так на неё не похоже, что я даже забеспокоилась.

— Ася, он не разговаривает. Он... действует. Представляешь, сказал, что готов обсуждать только «рабочие моменты и личное». А «личного», по его мнению, между нами пока ничего нет.

— Ну, логично, — кивнула я. — Вы же только познакомились.

— Вот и я так подумала. Но потом он неожиданно спросил: «Ты любишь кофе?». Я говорю: «Люблю». А он: «Приходи завтра ко мне в гости, я варю хороший» и улыбнулся. Ты представляешь, эта глыба взяла и улыбнулась?

— Представляю, — соврала я, потому что видела Виктора только в одном амплуа — сурового стража пропускной системы. — И ты, конечно, пошла.

— Пошла! — Лена театрально вздохнула. — И знаешь, что? Мы просто пили кофе с зефиром на балконе его съемной квартиры. Молча. Сначала он молчал, я молчала, птички пели. Потом он говорит: «Лена, я человек неразговорчивый, но честный». И у меня аж сердце ёкнуло. Понимаешь? Сказал тихо так, без пафоса, аж мурашки по коже.

— И что дальше? — я уже забыла про свой чай, не отрывая взгляда от подруги.

— А ничего, — Лена развела руками. — Он починил мне сломанный зонт. Вчера же дождь был, ну мне ветром все спицы на зонте и выгнуло. У него руки огромные, а он так ак-

куратно эти спицы расправлял... Я смотрела, смотрела и говорю: «Витя, у тебя и характер, наверное, такой же — внешне твёрдый, а внутри нежный». А он даже глаз не поднял, только буркнул: «Бывает». Но я-то видела, как уголки его губ дёрнулись.

— И всё?

— Всё, — Лена удовлетворённо откинулась на спинку стула. — Но мне этого достаточно. Он не лезет с расспросами, не пытается меня «раскусить». Он просто есть. Рядом. Знаешь, это так... надёжно.

— Ну надо же, — я улыбнулась. — Елена, кажется, влюбилась.

— Не влюбилась, — отрезала она, но глаза выдавали её с головой. — Просто... заинтересовалась. Есть в нём что-то такое, что хочется узнать поближе. Без дураков.

Посиделки наши плавно перетекли из кухни в гостиную, где мы устроились на диване.

— А у вас с Кириллом как? — спросила Лена, будто прочитав мои мысли. — Он не ревнует к Диме?

— Да вроде нет, — я замаялась. — Но... он вчера спросил странную вещь. Ну, мы лежали, обнимались, всё хорошо. И он вдруг говорит: «Ася, ты только моя? Ты только со мной?»

Лена присвистнула.

— Ого. Серьёзный разговор.

— Вот и я так подумала. — Я передёрнула плечами, вспоминая его горячий шёпот и властные руки, которые так не

вязались с этой робкой неуверенностью. — Я, конечно, ответила, что да. Но он как-то странно на это отреагировал. Вроде и поверил, а всё равно что-то его гложет.

— Ну, может, просто настроение, — предположила Лена, но тут же посерьёзнела. — А, может, это Димон опять что-то выкинул? Позвонил ему, написал? Знаешь же, он на всю голову больной, когда в запое.

— Не знаю, — я покачала головой. — Кирилл ничего не говорит. Вот и думаю теперь... Может, я что-то не так делаю? Может, ему кажется, что я от него что-то скрываю?

Лена на мгновение задумалась, пристально глядя мне в глаза, и я вспомнила, какой она может быть въедливой.

— А ты стала реже к нему приезжать? — спросила она.

— Нет, часто, наоборот, почти каждый день теперь у него. Просто были критические дни, и мы просто лежали, смотрели кино, разговаривали. Ему этого мало, он хочет большего... не только этого, но и моего присутствия, ощущения меня полностью, что я рядом целиком...

— А может, он просто ревнует тебя к Диме? — прямо спросила Лена. — Встречались вы с Димой? Кирилл мог что-то видеть или слышать.

— Нет, не встречались, — твёрдо сказала я. — И я не даю ему повода. Просто... он слишком много работает, почти не отдыхает, плечо болит. Я за него переживаю, но он отмахивается. Говорит, что сам справится.

— Мужчины, они такие, — вздохнула Лена.

— Ладно, — я чокнулась с ней кружкой, — давай за то, чтобы наши мужчины были немного счастливее. И поменьше задавали вопросов, на которые мы не знаем ответа.

— За это, — кивнула Лена.

Глава 29. Перекусы и подводные течения

Утро в клубе началось с того, что я заварила себе чай и приготовилась к очередному рабочему дню. Кирилл, как обычно, уехал рано — у него совещание с партнёрами. Мы перекинулись парой сообщений: он написал «Скучаю», я ответила смайликом и сердечком. Но сама улыбалась как дура.

Потом ко мне пришла пациентка - Надежда Ивановна, 48 лет, главбух крупной фирмы. Ухоженная, статная, но с усталым лицом и животом, который выдавал проблему: она постоянно «кусочничала» — печеньки, конфеты, бутерброды на бегу — без голода, от скуки и стресса. Я объяснила, что это пищевая зависимость, а не голод, и мы наметили план: убрать раздражители, заменить перекусы на яблоко или орехи, добавить белок на завтрак и вести дневник эмоций. Главное — не ругать себя за срывы, а начинать заново. Она ушла с памяткой и, кажется, с надеждой.

Вечером, после всех приемов, Кирилл ждал меня у себя в кабинете.

— Есть планы? — спросил он, обнимая меня со спины и нежно целуя шею.

— Есть. Мы идем с тобой в бассейн. Хочу научиться плавать как ты.

Он усмехнулся. И потерялся носом мне за ухом глубоко вдыхая.

— Это надолго?

— А мы никуда не спешим. А ты что это меня обнюхиваешь?

— Ты очень вкусно для меня пахнешь, мне хочется тебя съесть, — смеясь, шептал он мне в шею и проводил руками по талии.

— Это все потом, а сейчас идем учиться плавать, — сказала я строго.

— Сегодня бассейн закрывается на сутки на профилактику, так что нам там сегодня никто не помешает, — ответил мне Кирилл и в глазах зажегся странный огонек предвкушения.

В бассейне никого не было. Только я, Кирилл и вода. Свет фонарей падал сквозь стеклянную крышу, разбиваясь на сотни бликов.

Он закрыл входные двери на ключ. Потом нырнул в бассейн с разбега.

Бассейн большой, с подогревом, и мы в нём были теперь вдвоём.

Вода была тёплой, почти горячей, и пар над зеркальной гладью смешивался с ароматом хвои и влажного вечера за огромными окнами. Света почти не было — только пара светодиодных лент под потолком и луна, которая пробивалась

сквозь стеклянную поверхность окон.

Я сидела на бортике, опустив ноги в воду, и смотрела, как Кирилл плавал под водой бесшумно, как тень. Он вынырнул рядом, опёрся локтями о край, прямо между моих бёдер, и посмотрел снизу вверх.

— Иди ко мне, — шепнул он.

— Я уже здесь, — ответила я так же тихо.

Он обхватил ладонями мои бёдра и потянул в воду. Я скользнула к нему, и тёплые волны сомкнулись над плечами. Мы оказались друг напротив друга, почти вплотную, и я чувствовала, как под водой его пальцы нашли мою талию.

— Я скучал целый день, — сказал он так просто, что у меня сжалось в горле.

— Я тоже.

Он потёрся носом о мою шею, и я закрыла глаза. Его дыхание щекотало кожу, а губы едва касались, дразнили. Мои руки сами скользнули по его мокрым плечам, впились в жёсткие мышцы.

— Ты дрожишь, — заметил он.

— Вода горячая. Это не от холода.

Он усмехнулся и прижал меня к себе так, что между нами не осталось ни сантиметра. Под водой я чувствовала его напряжение через тонкую ткань трусов, и низ живота свело сладкой судорогой.

Его руки легли мне на спину, пальцы скользнули под резинку топа. Я почувствовала, как он расстегнул застёжку —

один щелчок, и ткань упала в воду. Мы оба посмотрели на мою грудь, и в его взгляде было столько желания, что мне стало почти стыдно. Почти.

— Не смотри так, — шепнула я.

— А как мне смотреть? — он провёл большим пальцем по соску, и я выгнулась. — На такую красоту можно только так.

Он наклонился и прикоснулся ко мне, медленно, с нежностью, от которой у меня подкосились колени.. Другая его рука скользнула по животу, забралась под ткань.

— Кирилл... — выдохнула я, вцепившись в него.

— Тише, — шепнул он, не отрываясь от груди. — Здесь только мы. Никто не услышит.

Он слегка надавил, и я закусила губу. Пальцы двигались медленно, дразняще, и каждое движение отзывалось искрами под веками. Я чувствовала, как нарастала волна, как тело становилось ватным и одновременно натянутым, как струна.

— Я хочу тебя, — прошептала я, и мой голос сорвался.

— Знаю. Но сначала — ты.

Он убрал руку, и я издала разочарованный стон. Но он тут же подхватил меня под бёдра и усадил на бортик, сам оставшись в воде. Раздвинул мои ноги, и поцеловал меня раньше, чем я успела возразить.

— Ах... — только и смогла выдохнуть.

В помещении была тихо, только слышались лёгкие всплески воды. Луна светила из окон, и в её свете я видела его макушку, его плечи, его руки, сжимающие мои бёдра. Он

делал все умело, неторопливо, доводя меня до исступления. Я откинула голову назад и смотрела в потолок, где мне казалось, что звёзды мерцали сквозь капли.

Разрядка накрыл внезапно — горячей волной, которая поднялась откуда-то из пяток и разбилась где-то в затылке. Я зажала рот ладонью, чтобы не закричать, но он отвёл мою руку и шепнул:

— Не надо. Я хочу слышать.

И я застонала — тихо, сквозь зубы, но он слышал.

Когда дрожь утихла, поцеловал меня в живот, в грудь, в шею.

— Теперь моя очередь, — сказал он, взял мою руку и повёл под воду, туда, где его член бился от нетерпения.

— Боишься, я не справлюсь? — дразнила я, сжимая пальцы.

— Боюсь, что я не справлюсь, — усмехнулся он.

Я сползла в воду, развернула его к бортику и заставила опереться на край. Мои губы нашли его шею, ключицы, грудь. Он застонал, когда я опустилась ниже.

— Ася... — выдохнул он.

Я чувствовала, как он дрожал, как его пальцы впивались в мои волосы, но не тянули, а только гладили. Я двигалась медленно, то ускоряясь, то замирая, и слушала его прерывистое дыхание.

— Ещё, — попросил он.

Я послушно ускорила, и через несколько мгновений он

заостонал, вжнмаясь спнон в борнк, н он посмолрел на меня с таким обожаннем, что мне стало жарко даже в прохладной воде.

— Идн сюда, — хрнпло пронзнёс он н прнтянул меня к себе.

Мы стоялн в воде, обнявшнсь, н я чувствовала, как бнлось его сердце — так же сильно, как моё.

— Ннкогда не думал, что так бывает, — сказал он в мои волосы.

— Что нменно?

— Когда эмоцнн от близостн перехлестывают через край, когда это так ярко, что даже больно.

Я молчала, потому что знала — он прав.

Мы стоялн так долго, пока я не стала подмерзать. Потом он завернул меня в огромное полотенце, усаднл на шезлонг н сел рядом.

Я прнжалась к нему плечом н смотрела, как луна отражалась в почти неподвнжной воде бассейна.

— Знаешь, что я люблю больше всего? — спроснл он.

— Что?

— Тншнну. Когда можно просто молчать н нчего не объяснять.

Я не ответнла. Просто положила голову ему на грудь н слушала, как бнлось его сердце — ровно, спокойно.

И мне казалось, что нчего больше н не нужно.

Глава 30. Ложный вызов

На следующее утро я проснулась у Кирилла в квартире с чувством, что мир изменил цвет. Всё казалось ярче, теплее, правильнее. Кирилл уже уехал на встречу, а я могла доспать часик, но на подушке осталась записка: *«Ты такая милая, когда спишь. Не скучай.»*

Я прижала бумажку к груди и поцеловала.

День прошёл в приятной суете: пациенты, консультации. Кирилл прислал фото из машины, как он стоит в пробке по дороге на другую встречу и улыбается мне. Сегодня у него очень плотный рабочий график, он должен был освободиться очень поздно, и мы решили переночевать порознь в своих квартирах.

Вечером я вернулась домой, сделала легкий ужин и собиралась посмотреть фильм. Телефон пикинул. Я взяла его, думая, что Кирилл прислал ещё что-то милое.

Но это был Дима.

«Асенька, мне очень плохо. Кровь из носа, температура под сорок. Я боюсь. Вызови скорую? Нет, не надо, я ненавижу врачей. Ты же знаешь. Приезжай, пожалуйста. Один, страшно умирать.»

Я застыла с телефоном в руке. Сердце пропустило удар — от страха за него? Или от злости, что он опять врывается в мою жизнь?

— Вызывай скорую. Я приехать не могу, — написала я и отложила телефон.

«Не езд, — сказал внутренний голос. — Это манипуляция. Он в порядке».

Но другой голос — тот, который помнил, как мы когда-то любили друг друга, как он держал меня за руку в загсе, как мы вместе выбирали обои в квартиру, — шептал: «А вдруг правда? Вдруг ему плохо, он умрёт, а ты не приедешь? Ты же врач в конце концов, это твой долг помочь.»

Я заметалась по комнате. Написать Кириллу? Попросить его поехать со мной? Или хотя бы посоветоваться?

Нет. Кирилл расстроится. Он и так ревнует к Диме. Если узнает, что я срываюсь к бывшему мужу посреди вечера — подумает, что я его не отпустила. А это не так. Просто... просто я не могу бросить человека в беде. Даже такого, как Дима.

Я оделась, схватила сумку, ключи. Решила, что всё будет быстро: забегу, вызову скорую насильно, дождусь врачей и уеду. Кирилл даже не узнает.

Всю дорогу я прокручивала в голове, что скажу. «Дима, ты идиот, нельзя было самому скорую вызвать?» — «Ася, прости, я растерялся». Тупой, ненужный диалог.

Подъезд Димы встретил запахом кошачьей мочи и старых сигарет. Дверь в его квартиру была приоткрыта.

— Дима? — позвала я, толкнув дверь.

В квартире царил бардак. Пустые бутылки, грязные тарел-

ки, в воздухе — перегар.

На диване лежал Дима. Бледный, под носом — красные разводы, похожие на засохшую кровь. Глаза закрыты, дышит тяжело, как будто в бреду.

Я бросилась к нему, упала на колени перед диваном, потянулась ко лбу. Лоб был холодным. Но рядом лежал градусник, который показывал 39.8.

Сердце ухнуло. Что с ним.

— Дима, — я тряхнула его за плечо. — Что с тобой? Откуда эта кровь? Я вызываю скорую.

Он не шелохнулся. Только простонал что-то нечленораздельное.

Я приоткрыла его глаза, но по реакции поняла, что не все так страшно, взяла руку и посчитала пульс, тоже нормальный. Потом взяла влажную салфетку из сумки и стала осторожно вытирать кровь под носом.

И в этот момент входная дверь с грохотом захлопнулась от сквозняка — кто-то вошёл.

Дима мгновенно открыл глаза. Живые, злые, торжествующие.

— Ах ты... — выдохнула я, но не успела отстраниться.

Он схватил меня за запястье, дёрнул на себя, опрокинул на диван и прижал так, что я не могла пошевелиться. Его руки обхватили меня, как удав. А губы впились в рот с такой силой, что я думала он меня задушит. Я боролась с ним несколько долгих минут, он был физически сильнее и боль-

ше меня, я барахталась в его руках и никак не могла освободиться, но у меня были зубы и после укуса он вся таки ослабил хватку, я рванулась назад, немного освободила между нами с Димой пространства, обернулась, чтобы найти что-то для защиты и наткнулась на острый взгляд Кирилла.

Он остановился в дверях комнаты. Взгляд скользнул по дивану — по мне, еще наполовину прижатой к Диме, по его рукам на моей талии, по моим растрёпанным волосам и одежде.

— Кирилл, это не то, что... — начала я, но Дима перебил, ещё крепче сжимая меня.

— А что, Кирилл? — усмехнулся он. — Видишь, как мы скучали? Ася всегда ко мне приходит и скоро придет насовсем. Ты был так, промежуточный вариант.

— Заткнись! — я ударила Диму локтем в живот, но он только хмыкнул.

Кирилл молчал. Его лицо было белым, как мел. Глаза — пустые. Он смотрел на меня, и в этом взгляде было столько боли, что мне захотелось завывать.

— Кир, пожалуйста, помоги мне, — я задыхалась от отчаяния. — Он обманул меня. Сказал, что умирает. Я приехала проверить. А он специально тебя вызвал, чтобы ты увидел...

— Не нужно слов, Ася — голос Кирилла прозвучал ровно, без единой эмоции. — Я все увидел сам.

— Кир...

Он развернулся и вышел из комнаты. Я услышала его ша-

ги к двери, потом громкий хлопок — дверь закрылась.

— Нет! — заорала я, вырываясь из рук Димы. — Нет, пусти! Пусти, урод!

Я вцепилась ногтями в его лицо. Он взвыл, ослабил хватку. Я выскользнула, скатилась с дивана, на четвереньках бросилась к выходу.

Дверь за Кириллом захлопнулась.

Я не думала. Я просто рванула.

— Кирилл! — закричала я, бросаясь к выходу.

Но Дима оказался быстрее. Его рука схватила меня за локоть и дёрнула назад. Я потеряла равновесие и упала на него — он сидел на диване и поймал меня, прижав к себе спиной.

— Нет! Отпусти! — забилась я, пытаюсь вскочить.

Мне почти удалось. Я выскользнула из его хватки, сделала шаг к двери... И тут он обхватил меня поперёк талии и рухнул вместе со мной обратно на диван, заваливая на себя. Я оказалась у него на груди, прижатая так, что не могла пошевелиться.

— Пусти! Пусти, урод! — кричала я, вырываясь.

Я колотила его куда попало — в плечи, в грудь, в лицо. Ногтями, кулаками, не глядя. Где-то на грани сознания мелькнуло: он сильнее, он больше, это бесполезно. Но я не могла остановиться.

— Ася! — рявкнул он, перехватывая мои запястья.

Одной рукой он сжал их так, что хрустнули кости. Второй обхватил меня за талию и прижал ещё крепче — до хруста в

рёбрах. Я задохнулась от боли и страха.

— Не рыпайся, — прошипел он мне в лицо.

Я попыталась ударить его головой — в подбородок, в нос. Он отклонился, и мой удар пришёлся в пустоту.

— Замолчи! — его голос стал низким, угрожающим. — Замолчи, или я сделаю так, что ты пожалеешь.

— Отпусти меня! — закричала я, уже чувствуя, как срыгается голос. — Ты с ума сошёл! Кирилл!

Но Кирилл не вернулся. Дверь молчала.

А Дима наклонился ближе. Его лицо было в двух сантиметрах от моего. Глаза — бешеные, с красными прожилками.

— Твой красавчик ушёл, — сказал он, и его дыхание с перегаром обожгло мои губы. — Он тебя бросил. Не придёт. Ты теперь моя, Асенька. И никто тебя не спасёт.

— Не твоя, — прошептала я, пытаюсь отвернуться. — Никогда больше...

— Будешь моей, — повторил он, и его рука легла на мою шею.

Не сдавливая. Просто легла. Но от этого прикосновения всё внутри оборвалось.

— Я люблю тебя, — его голос снова стал вкрадчивым, почти ласковым. — Так люблю, что готов убить любого, кто встанет между нами. Я думал, что могу тебя отпустить, но когда реально появился этот урод, я понял, что нет, не могу и не хочу.

И он потянулся к моим губам.

Я замерла.

Всё тело превратилось в лед. Сердце перестало биться. Я не могла дышать, не могла кричать, не могла даже отвернуться — потому что его рука держала мою голову.

Его губы коснулись уголка моего рта. Отвращение волной поднялось от желудка к горлу. Но я не шевелилась.

Я просто закрыла глаза и ждала, когда это закончится.

Дима не стал углублять поцелуй — наверное, почувствовал, что я не откликаюсь. Он отстранился, посмотрел на моё лицо — бледное, застывшее, с зажмуренными глазами.

— Ничего, — сказал он, и в голосе прорезалась усмешка.
— Привыкнешь снова. У нас вся ночь впереди. И вся жизнь.

Глава 31. Точка невозврата

Я не помнил, как спустился по лестнице.

Ноги двигались сами, но я их не чувствовал. Внутри, там, где ещё минуту назад колотилось живое, горячее сердце, теперь зияла дыра. Холодная, чёрная, бесконечная.

Я видел. Я видел её в объятиях этого.... Её руки, её волосы, её лицо, прижатое к чужой груди. А она даже не сопротивлялась. Смотрела на меня оттуда — растерянная, но... не вырывалась.

«Это не то, что ты думаешь», — хотела сказать. А я не дал. Развернулся и ушёл. Потому что если бы я остался ещё на секунду, я бы разнёс эту квартиру. И себя заодно.

На улице воздух ударил в лицо. Я вдохнул, и лёгкие обожгло. Но это было ничем по сравнению с тем, что рвало грудную клетку изнутри.

Где моя машина? Я стоял посреди двора и не узнавал привычных очертаний. Всё расплывалось. Или это у меня в глазах темнело? Рывком достал ключи, нажал на брелок — фары моргнули где-то слева. Я пошёл на этот свет, как мотылёк, которому уже всё равно, куда лететь и где гореть.

Сел за руль. Захлопнул дверь. Тишина ударила по ушам.

Я сжимал руль так, что побелели костяшки. Смотрел в лобовое стекло, но не видел ни машин, ни фонарей, ни

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.